

940.91-T75633

Columbia University
in the City of New York

LIBRARY

Российская Коммунистическая партия (Большевист.).

Проглашая власть рабочих, соединяйтесь.

Л. Д. Троцкий.

ГОДЫ ВЕЛИКАГО ПЕРЕЛОМА.

(ЛЮДИ СТАРОЙ И НОВОЙ ЭПОХЫ)

1918

ОБЩЕСТВЕННАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ

ОСНОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва, Изд. Коммунист. пар.

1918 г. 2-е изд. 2, 9 и 10.

МОСКВА — 1918

Книгоиздательство „КОММУНИСТЪ“.

МОСКВА:

1) Сретенка, (уг. Рыбинская пер.),
д. 8. Тел. 3-15 00, 4-70 48.

ПЕТРОГРАДЪ

Поварской пер. д. № 2, кв. 9 и 10.
Тел. 2-27 42.

- Богдановъ и Степановъ. Политическая экономія, вып. II и IV (печат.).
- Н. Бухаринъ. Программа коммунистовъ. Ц. 1 р. 50 к.
- „ Классовая борьба и революція въ Россіи (разошл.).
- „ Долой международныхъ разбойниковъ (разошл.).
- К. Каутскій. А. Путь къ власти (разошл.).
- „ Опередившія проблемы международн. социализма. Ц. 15 р.
- „ История социализма (печат.).
- „ Нѣтъ больше соц.-демократ. (печат.).
- „ Наука, этика и жизнь. Ц. 1 р.
- „ Эрфуртская программа. Ц. 4 р.
- М. Павловичъ. Что такое империализмъ. Ц. 3 р.
- „ Империализмъ и борьба за вел. пути (2 тома)
- „ Французск. империализмъ и экономич. развитіе Фран-
ции въ XX вѣкѣ. Цѣна 2 р.
- „ Интернациональ смерти и разрушенія. Ц. 6 р.
- „ Фигуры наканунѣ мировой войны. Ц. 4 р. 75 к.
- „ Милитаризмъ, маринизмъ и современ. война. Ц. 3 р.
- В. Либкнехтъ. Накакихъ компромиссовъ (печат.).
- Кунъ. Борьба классовъ и Марксъ во франц. революціи (печат.).
- Огюстскій. Строительство социализма. Ц. 5 р.
- Михайловичъ. Крушеніе капитализма (разошл.).
- Лукинъ (А. Антоновъ). Церковь и государство. Ц. 90 к.
- Лука Машиневъ. Очерки войны. Ц. 55 к.
- Орскій. Карлъ Марксъ (разошл.).
- Крусская. Народное образованіе и демократія
- „ Вопросы народного образованія. Ц. 8 р. 50 к.
- Сусловъ. Карлъ Марксъ, его жизнь и дѣятельность. Ц. 3 р. 75 к.
- „ Международная политика рабочаго класса. Ц. 2 р. 50 к.
- Черезъ горнило империалистической войны. Сборн. статей. Ц. 70 к.
- Трошкій. Октябрьская революція. Ц. 4 р.
- „ Годы великаго перелома (печат.).
- „ Бельгія и борьба въ войнѣ (печат.).
- „ Люди новой и старой эпохи (печат.).
- „ Слово русскимъ рабочимъ. Ц. 90 к.
- „ Трудъ, дисциплина и порядокъ. Ц. 60 к.
- „ На борьбу съ голодомъ. Ц. 75 к.
- Стучка. Народный стиль въ вопросахъ и отвѣтахъ. Ц. 3 р.
- „ Конституція Р. С. Ф. С. Р. Цѣна 2 р.
- Ленинъ. Аграрный вопросы въ Россіи къ концу XIX в. (печат.).
- „ Революція и государство (печат.).
- „ Пролетарская революція и ренегатъ Каутскій. Ц. 2 руб.
- „ Аграрный вопросы въ Россіи къ концу XIX в. (печат.).
- „ Империализмъ, какъ новый этапъ развитія капит. (печат.).
- „ Политич. партія въ Россіи. Ц. 60 к.

Другія работы Л. Д. Троцкаго.

Рабочіе движеніе въ Николаевѣ. Брошюра. Женева. 1900. !

Докладъ сибирской делегации. Брошюра. Женева. 1903.

Наши политическія задачи. Брошюра. Женева. 1904.

До 9-го января. Брошюра. Женева. 1905.

Парижская коммуна. Предисловіе къ руск. изд. „Гражданская война“. К. Маркса. Петербургъ. 1906.

Господинъ Петръ Струве въ политикѣ. Памфлетъ. Петербургъ. 1906.

Интеллигенція и революція. Памфлетъ. Петербургъ. 1906.

Наша революція. Книга. Петербургъ. 1906.

Исторія Петерб. Сов. Раб. Депутатовъ 1905 г. (Цвѣ статьи въ сборникѣ) Петербургъ. 1906.

Въ защиту партіи. Брошюра. Петербургъ. 1907.

Туда и обратно. (Ссылка и побѣга). Петербургъ. 1907.

Russland in der Revolution (Нѣмецкая книга о русск. революціи). Дрезденъ. 1909.

Книга эта цѣлкомъ или частями вышла на чешскомъ, болгарскомъ, голландскомъ и др. языкахъ.

Самодержавнѣйшій и православнѣйшій. Памфлетъ посвященный Николаю II. Вѣна. 1913.

Der Krieg und die Internationale. (Брошюра, посвященная кризису II-го Интернационала на нѣмецк. языкѣ). Цюрихъ. 1914.

The Bolsheviks and World peace. (Та же брошюра на англ. языкѣ). Нью-Йоркъ. 1917.

Въ плѣну у англичанъ. Брошюра. Петроградъ. 1917.

Программа міра. Брошюра. Петроградъ. 1917.

Та же брошюра была издана на нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ.

Что же дальше? Брошюра посвященная режиму Керенскаго Петербургъ. 1917.

Трудъ, порядокъ, дисциплина. Докладъ. Москва. 1918.

Слово русскимъ рабочимъ и крестьянамъ. Москва. 1918.

На борьбу съ голодомъ. Рѣчь. Москва. 1918.

Статьи въ газетахъ и журналахъ, русскихъ и иностранныхъ: „Восточное Обозрѣніе“ (Иркутскъ 1901—1902), „Искра“ (Лондонъ Женева, 1902—1915), „Начало“ (Петербургъ 1905), „Die Neue Zeit“ (Берлинъ 1907—1914), „Vorwärts“ (Берлинъ 1907—1914), „Arbeiter Zeitung“ (Вѣна, 1909—1910), „Der Kampf“ Вѣна, 1910—1914, „Кіевская Мысль“ (Кіевъ, 1907—1916), „Правда“ (Вѣна, 1908—1912), „Борьба“ (Петербургъ. 1913), „Голосъ“, „Наше Слово“, „Начало“, (Парижъ, 1914—1916), „Новый Міръ“ (Нью-Йоркъ, 1916—1917) и др.

Россійская Коммунистическая партія (большевикъ).

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь.

Л. Д. Троцкій.

Г О Д Ы ВЕЛИКАГО ПЕРЕЛОМА.

(ЛЮДИ СТАРОЙ И НОВОЙ ЭПОХЪ.)

Книгоиздательство „КОММУНИСТЪ“.

МОСКВА:

Срѣтенка (уг. Рыбникова пер.),
д. 8.

ПЕТРОГРАДЪ:

Поварской пер., д. № 2, кв. 9 и 10.
Тел. 2-27-42.

МОСКВА.—1919.

940.91
T75633
v. 1.

947.082
T75651
v. 1

159433 D.C./HSC
MAY 20 1947 01

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ этой книжкѣ собраны бѣглыя характеристики, написанныя въ первые три года войны. Мы живемъ въ такое время, когда событія быстро разворачиваются и завершаются, учрежденія и люди быстро изнашиваются, отходятъ въ прошлое и забываются. Въ сферу ближайшаго вліянія партіи вовлекаются теперь новые люди, которые въ первыхъ рядахъ будутъ бороться завтра, но которые не знаютъ нашего вчерашняго дня. Для нихъ эти страницы будутъ можетъ быть не лишними: революція, при всей безпощадности своего радикализма, не должна обрывать нить идейной преемственности.

Все, что здѣсь собрано, печаталось въ разныхъ изданіяхъ—либо заграничныхъ, либо русскихъ подцензурныхъ. Последнее обстоятельство нерѣдко отражалось на способѣ изложенія. Я, однако, не мѣнялъ въ корректурѣ осторожныхъ, „намекающихъ“ выраженій: то, на что тогда приходилось намекать, теперь ходитъ по улицѣ и всѣмъ понятно. За послѣдніе годъ, полтора исторія успѣла достаточно внушительно разъяснить намеки подпольнаго коммунизма.

Москва,
21 декабря, 1918 г.

Л. Троцкий.

Политическій мораторіумъ.

2-го августа я (1914 г.) бродилъ по улицамъ Вѣны и наблюдалъ на Ring'ѣ толпы демонстрирующихъ. Широкое пространство передъ военнымъ министерствомъ было сплошь покрыто народомъ. И не публикой, а дѣйствительнымъ народомъ, въ корявыхъ сапогахъ и съ корявыми пальцами. Было очень много подростковъ и школьниковъ, но было много и зрѣлыхъ людей, не мало женщинъ,—махали въ воздухѣ черно-желтыми флажками, пѣли патріотическія пѣсни, кое-кто выкрикивалъ: „Alle Serben müssen sterben“. Что заставило этихъ людей демонстрировать?

Австро-Венгрія никакъ ужъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ отечествъ, которыя привязываютъ къ себѣ населеніе положительными и очевидными преимуществами своего государственнаго строя. Государство девяти народностей различнаго экономическаго уровня, разнаго историческаго воспитанія и разныхъ національных устремленій, придунайская монархія, связанная сословными и бюрократическими традиціями и интересами, оказалась неспособной развиваться въ надлежащую форму сожителства и сотрудничества разныхъ національностей. Что такая задача, несмотря на всѣ трудности, исторически разрѣшима, показываетъ примѣръ маленькой Швейцаріи и большихъ Соединенныхъ Штатовъ Америки. Въ Швейцаріи живетъ свыше 2½ мил-

ліоновъ нѣмцевъ, около $\frac{3}{4}$ милл. французовъ, около 30 тысячъ итальянцевъ. Тремя углами маленькая республика примыкаетъ къ тремъ могущественнымъ національнымъ метрополіямъ: Германіи, Франціи и Италіи. Притягательная сила отсталой и бѣдной Сербіи или бояро-чокойской Румыніи по отношенію къ юго-славянамъ Австро-Венгрии или румынамъ Трансильваніи не можетъ быть, разумѣется, и въ отдѣленной мѣрѣ сравниваема съ тѣми могущественными силами экономического и культунаго притяженія, которыя развиваются Германіей, Франціей и Италіей по отношенію къ тремъ національнымъ группамъ гельветической республики. Между тѣмъ пятидесятимилліонная монархія Габсбурговъ непрерывно сострясается центробѣжными національными тенденціями, тогда какъ Швейцарія безъ всякихъ усилій—безъ политическихъ процессовъ, національныхъ террористовъ и „национальных“ провокаторовъ—выдерживаетъ давленіе своихъ могущественныхъ сосѣдей. Это вовсе не значитъ, что населеніе Швейцаріи въ національномъ смыслѣ безразлично или безлично. Никимъ образомъ. Цюрихъ и Базель такъ же ярко сочувствуютъ въ этой войнѣ Германіи, какъ Женева и Лозанна—Франціи. Я имѣлъ достаточную возможность непосредственно убѣдиться въ этомъ, переѣзжая въ послѣднія недѣли изъ Цюриха въ Женеву и обратно. Въ окнахъ книжныхъ и табачныхъ магазиновъ Женевы и Лозанны выставлены тѣ же антинѣмецкія иллюстрированныя открытки, что и въ Ліонѣ или Парижѣ. Пресса живетъ здѣсь отраженіями французскихъ надеждъ и опасеній. Здѣсь собираютъ повсемѣстно на бельгійцевъ. Наоборотъ, въ Базелѣ на улицахъ слышна бываетъ временами канонада у Бельфора, населеніе считаетъ своими побѣдами нѣмецкія побѣды. И тѣмъ не менѣе швейцарцы всѣхъ 25 кантоновъ и полукантоновъ единодушно поднялись бы

на защиту своей родины, откуда бы ей ни грозило вторжение: со стороны ли Гогенцоллерновъ или со стороны французской республики. Тѣ преимущества, какія даетъ политически „благоустроенная“ Швейцарія своему разноплеменному населенію въ сферѣ государственной обороны, налоговой системы, народного образованія и пр., настолько очевидны и несомнѣнны, что каждый швейцарецъ, руководимый своимъ мелкобуржуазнымъ здравымъ смысломъ (это и есть его „патріотизмъ“), откажется мѣнять свое „отечество“ на имперію Гогенцоллерна или банкократію Пуанкаре.

Ничего подобного не даетъ клерикальная, феодально-милитаристическая Австро-Венгрія. Невѣрно, разумѣется, будто Австро-Венгрія сложилась просто путемъ „браковъ“, какъ гласитъ старое изреченіе. Придунайскія народности были—каждая въ отдѣльности—слишкомъ слабы для того, чтобы отстоять свое существованіе противъ натиска османовъ, доходившихъ до воротъ Вѣны, и это толкало ихъ къ сплоченію подъ габсбургской короной. Австрія сложилась, какъ европейскій заслонъ противъ Турціи, какъ средне-европейская контръ-Турція. Турцію разрушили центробѣжныя національныя тенденціи, а по мѣрѣ того, какъ ослабѣвающіе османы переставали быть опасностью для средней Европы, національныя центробѣжныя стремленія стали раздирать изнутри Австрію. Капитализмъ порождалъ, правда, встрѣчную тенденцію: къ экономическому сплоченію. Но капиталистическое развитіе Австріи, источавшейся помѣщиками и милитаризмомъ, шло очень медленно.

Настоящимъ выходомъ для придунайскихъ народовъ на большую историческую дорогу была бы перестройка своего архаическаго государственнаго зданія по швейцарскому образцу: это не только сдѣлало бы Австро-Венгрію неуязвимой, но превратило бы её въ очагъ

непреодолимаго притяженія для всѣхъ національныхъ осколковъ, расположенныхъ по ея периферіи. Но на пути къ этому возрожденію стояли и культурная отсталость значительныхъ массъ населенія, и особенно тѣ реакціонныя историческія силы, которыя и сегодня еще являются носителями австро-венгерской государственности. Отсюда тотъ національный хаосъ, какимъ являлась внутренняя жизнь придунайской монархіи.

Тѣмъ болѣе поразительнымъ казался „патріотическій“ подъемъ массъ. Что толкало вѣнскаго сапожнаго подмастерья, полунѣмца, получеха Поспишиля или нашу зеленщицу Frau Maresch, или извозчика Френкля на площадь передъ военнымъ министерствомъ? Национальная идея? Какая? Австро-Венгрія есть отрицаніе національной идеи. Государственная идея? Но куда же дѣвались центробѣжныя національныя тенденціи?

Въ началѣ войны пресса тройственного согласія общала много свѣдѣній о національно-революціонныхъ движеніяхъ въ Прагѣ, Триестѣ, Сараевѣ, точно такъ же, какъ австро-германская пресса распространяла вѣсти о „возстаніяхъ“ въ Варшавѣ, Одессѣ и на Кавказѣ. Между тѣмъ австро-венгерская пресса, ссылаясь на уличныя манифестаціи, патетическія засѣданія муниципалитетовъ и пр., возвѣщала полное „примиреніе“ всѣхъ со всѣми, нѣмцевъ съ чехами, поляковъ съ русинами угнетателей съ угнетенными, волковъ съ овцами. Германскіе имперіалисты, какъ Францъ фонъ Листъ, Артуръ Диксъ и др., сейчасъ же учли этотъ фактъ и оцѣнили его, какъ полную побѣду государственнаго начала надъ національнымъ. И впрямь: бѣдняга Поспишиль стоялъ подъ окнами военного министерства, сверкающаго безконечными огнями электрическихъ лампочекъ, и кричалъ и размахивалъ руками во славу государственнаго начала.

Война выбиваетъ всю жизнь сверху до низу изъ ея рабѣжденной колен, разстраиваетъ всѣ привычныя связи, и только государственная власть, опирающаяся на вооруженную съ ногъ до головы армію, выступаетъ, какъ надежная и твердая опора. Надежды на бурныя національныя и социальныя движенія (въ Прагѣ, Триестѣ, и пр.) были въ корнѣ неосновательны по отношенію къ первой эпохѣ войны, когда власть, даже въ конецъ распатанная центробѣжными тенденціями, которая она умѣла только механически подавлять, сразу становится хозяйкой положенія.

Но это только одна сторона дѣла. Зеленщица Марешъ или извозчикъ Френкель не просто капитулируютъ предъ государственностью, поразившей ихъ воображеніе своимъ военнымъ могуществомъ, они переносятъ на эту огнемъ дышащую государственность какія-то смутныя надежды. Они оба, Франкель и Марешъ такъ же какъ и нашъ другъ Поспишилъ, принадлежатъ къ тому очень широкому, къ самой землѣ прижатому человѣческому пласту, котораго въ обычное время почти не касается дуновеніе идей и надеждъ. Такихъ людей, вся жизнь которыхъ, день за днемъ, проходитъ въ монотонной безнадежности, очень много на свѣтѣ, и Панглосы давно уже доказали, что безъ этихъ трудовыхъ пластовъ немислима была бы вся наша культура. Набатъ мобилизацій врывается въ ихъ жизнь тревожащимъ и обѣщающимъ призывомъ. Все привычное и столь страшно осточертѣвшее опрокидывается, воцаряется новое и необычное, а впереди должны еще произойти необозримыя перемѣны. Къ лучшему или къ худшему? Разумѣется къ лучшему: развѣ Поспишилю можетъ стать хуже, чѣмъ въ мирное, „нормальное“ время?

Я бродилъ по центральнымъ улицамъ столь знакомой мнѣ Вѣны и наблюдалъ эту совершенно необычную

для „шикарнаго“ Ринга толпу, темную, загнанную жизнью толпу, въ которой пробудились надежды. И развѣ частица этихъ надеждъ не осуществляется уже сегодня? Развѣ въ иное время носильщики, прачки, сапожники, подмастерья и подростки предмѣстій могли бы себя чувствовать господами положенія на Рингѣ?

Пусть не покажется парадоксомъ, но въ настроеніяхъ вѣнской толпы, демонстрировавшей во славу габсбургскаго оружія, я улавливалъ черты, знакомыя мнѣ по октябрьскимъ днямъ 1905 г. въ тогдашнемъ Петербургѣ. Мобилизація и объявленіе войны какъ бы стерли съ лица земли всѣ національныя и соціальныя противорѣчія въ странѣ. Но это только историческая отсрочка, своего рода политическій мораторіумъ. Векселя переписаны на новый срокъ, но платить по нимъ придется...

Женева, 1914 г. 20 ноября н. ст.

Сербскіе террористы и французскіе „освободители“. Вѣнскія настроенія въ первые дни войны.

Непосредственный толчокъ неизмѣримымъ событіямъ нынѣшней войны дали нѣсколько юношей сербскихъ, почти мальчиковъ, убившихъ въ Сараевѣ австро-венгерскаго престолонаслѣдника въ іюлѣ 1914 года. Национальные романтики-революціонеры, они меньше всего ожидали тѣхъ міровыхъ послѣдствій, какія развернулись изъ ихъ террористическаго акта. Съ однимъ изъ членовъ этой революціонной организаціи я встрѣтился позже, въ первые мѣсяцы войны, въ Парижѣ. Онъ принадлежалъ къ той самой группѣ, которая организовала сараевское покушеніе, но самъ уѣхалъ за границу до убійства и въ первые дни войны вступилъ

добровольцемъ во французскій флотъ въ качествѣ переводчика. Тогда союзники затѣвали высадку на Адриатическое побережье Австро-Венгрии, въ Далмацию, имѣя въ виду поднять возстаніе въ юго-славянскихъ провинціяхъ Габсбургской монархіи. Для этой цѣли французскія военныя суда запаслись сербскимъ шрифтомъ, чтобы печатать революціонныя воззванія, и молодыми самоотверженными сербами, которые должны были составлять эти воззванія и вообще поднимать возстаніе за „національную независимость“. Официально они назывались переводчиками. Такъ какъ, однако, сербскіе революціонеры на военныхъ корабляхъ республики представляли слишкомъ горючій матеріалъ, то на адмиральское судно былъ помѣщенъ сѣдовласый сербъ-шпіонъ для „внутренняго надзора“ за молодыми энтузіастами. Весьма вѣроятно, что эту мудрую предусмотрительность нужно отнести за счетъ русскаго посольства въ Парижѣ, которому вообще во всѣхъ подобнаго рода операціяхъ принадлежитъ неоспоримая гегемонія (верховенство) среди союзниковъ...

Все предпріятіе окончилось, какъ извѣстно, ничѣмъ. Французскія суда покружились въ Адриатикѣ, подошли къ Полѣ, но послѣ нѣсколькихъ безрезультатныхъ выстрѣловъ вернулись во-свояси. Почему? спрашивали себя съ недоумѣніемъ всѣ непосвященные. Но въ политическихъ газетныхъ кругахъ Франціи объясненіе уже сообщалось на ухо: „Италія не хочетъ“... Поднять возстаніе въ южныхъ провинціяхъ Австро-Венгрии можно было, очевидно, лишь подъ знаменемъ національнаго объединенія юго-славянъ. Между тѣмъ Италія считаетъ, что Далмация должна принадлежать ей „по праву“ — очевидно, по праву имперіалистическаго аппетита—и она заявила протестъ противъ предполагавшейся высадки союзнаго отряда. Въ ту пору приходилось

оплачивать благожелательный нейтралитетъ Италіи, какъ позже ея вмѣшательство въ войну: вотъ почему французскіе корабли столь неожиданно повернули назадъ вмѣстѣ со своими походными типографіями, сербами-переводчиками и сѣдовласымъ сыщикомъ...

„Какъ же такъ?—спрашивалъ меня молодой сербскій революціонеръ, о которомъ я упоминалъ выше.—Выходитъ, что союзники попросту продаютъ сербовъ Италіи. Гдѣ же тутъ война за освобожденіе малыхъ народовъ? И ради чего, въ такомъ случаѣ, погибать намъ, сербамъ? Неужели же я вступилъ въ волонтеры только затѣмъ, чтобы кровью своей содѣйствовать переходу Далмаціи въ руки Италіи? И во имя чего тогда погибли мои сараевскіе друзья Гаврило Принципъ и другіе?“

Онъ былъ въ полномъ отчаяніи, этотъ юноша со смуглымъ, чуть рябоватымъ лицомъ и лихорадочно блестящими глазами. Истинная подоплека „освободительной“ войны открывалась передъ нимъ со своего далматинскаго угла... Отъ него узналъ я много подробностей о внутренней жизни юго-славянскихъ революціонныхъ организацій и, въ частности, о группѣ мальчиковъ, которые убили габсбургскаго престолонаслѣдника, главу австро-венгерской военной партіи.

Организація, носившая романтическое названіе „Црна рука“, была построена на строго-заговорническихъ карбонарскихъ ¹⁾ пачалахъ. Повопоступающаго проводили черезъ таинственныя обрядности, прикладывали ножъ къ его открытой груди, брали съ него клятву молчанія и вѣрности, подъ страхомъ смерти и пр. Иппіи этой организаціи, имѣвшей свои развѣтвленія во всѣхъ юго-

---

¹⁾ Карбонаріи итальянскіе революціонеры, боровшіеся въ XIX стол. противъ австрійскаго ига.

славянскихъ провинціяхъ Габсбургской монархіи и наполнявшейся самоотверженными представителями учащейся молодежи, сходились въ Бѣлградѣ, въ рукахъ офицеровъ и политиковъ, одинаково близкихъ къ сербскому правительству и къ русскому посольству. Агенты Романовыхъ на Балканахъ никогда не останавливались, какъ извѣстно, передъ употребленіемъ динамита.

Вѣна облачилась въ офиціальнѣйшій трауръ, что не мѣшало широкимъ массамъ городского населенія довольно безучастно относиться къ извѣстію о гибели наследника габсбургскаго престола. Но тутъ за обработку общественнаго мнѣнія принялась пресса. Трудно найти достаточно яркія слова для характеристики той истиннѣйшей роли, которую выполняла и выполняетъ пресса всей Европы—да и всего міра—въ событіяхъ нынѣшней войны. Въ этой оргіи подлости австро-венгерская черно-желтая печать, не блещущая ни знаніями, ни талантами, занимаетъ безспорно не послѣднее мѣсто. По командѣ изъ невидимаго публікѣ центра—изъ того дипломатическаго пекла, гдѣ рѣшаются судьбы народовъ—писакки всѣхъ отѣнковъ политической кожи мобилизовали со времени покушенія въ Сараевѣ столько лжи, сколько ея не видно было съ сотворенія міра.

Мы, социалисты, могли бы съ спокойнымъ презрѣніемъ видѣть въ канновой работѣ „патріотической“ печати по обѣ стороны траншеи неотразимое доказательство нравственнаго растлѣнія буржуазнаго общества, если бы... если бы видѣвшіе социалистическіе органы не пошли по тому же пути. Вотъ что явилось для насъ вдвойнѣ страшнымъ, ибо неожиданнымъ ударомъ. Впрочемъ, поскольку рѣчь идетъ о вѣнской „Arbeiter Zeitung“ („Рабочей Газетѣ“), о неожиданности можно говорить только наполовину. За семь лѣтъ жизни въ Вѣ-

нѣ (1907—1914) я успѣлъ достаточно близко познакомиться съ умонаправленіемъ руководящихъ круговъ австрійской социаль-демократіи и меньше всего ждалъ съ ихъ стороны революціонной инициативы. Чисто-шовинистическій характеръ статей Лейтнера, завѣдующаго въ газетѣ отдѣломъ международной политики, былъ уже достаточно извѣстенъ и до войны. Еще въ 1909 г. мнѣ приходилось выступать въ „Neue Zeit“ противъ прусско-австрійской линіи центральнаго органа австрійской социаль-демократіи. Во время поѣздокъ на Балканы я не разъ слышалъ отъ балканскихъ, особенно отъ сербскихъ социалистовъ (въ частности отъ моего незабвеннаго друга Дмитрія Туцовича, убитаго, въ качествѣ офицера, во время нынѣшней войны) возмущенныя жалобы на то, что вся сербская буржуазная пресса злорадно цитируетъ шовинистическіе выпады „Arbeiter Zeitung“ противъ сербовъ, какъ доказательство того, что международная солидарность рабочихъ есть праздничная сказка — и только. Несмотря на все это, я не ожидалъ все же отъ „Arbeiter Zeitung“ той чловѣконенавистнической разнузданности, образцы которой дала эта газета въ первую эпоху войны...

Послѣ предъявленія Австро-Венгріей извѣстнаго ультиматума Сербіи начались въ Вѣнѣ патріотическія манифестаціи. Въ нихъ участвовали преимущественно подростки. Настоящаго шовинизма въ толпѣ не было, а были возбужденность и восторженность, ожиданіе какихъ-то большихъ событій и перемѣнъ... разумѣется, перемѣнъ къ лучшему, такъ какъ въ сторону ухудшеній, казалось, уже прибавить нечего... А печать неистово эксплуатировала это настроеніе, взвнчивала и обостряла его.

„Теперь все зависитъ отъ поведенія Россіи,—говорилъ мнѣ социалистическій депутатъ рейхстага Леопольдъ

Винарскій, умершій въ прошломъ году. — Если царь вмѣшается, война у насъ станетъ популярной“.

И дѣйствительно, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что призракъ царскаго нашествія на Австрію и Германію чрезвычайно взбудорожилъ воображеніе австро-германскихъ массъ. Международная репутація царизма, особенно послѣ эпохи контрь-революціи, имѣла слишкомъ опредѣленный характеръ и, можно сказать, сама наталкивала австро-германскихъ политиковъ и газетчиковъ на мысль провозгласить войну противъ восточнаго деспотизма „освободительной“. Это ни въ малѣйшей степени не оправдываетъ, разумѣется, Шейдемановъ, которые немедленно же занялись переводомъ гогенцоллернской лжи на „соціалистическій“ языкъ. Но это раскрываетъ передъ нами всю бездну паденія нашихъ Плехановыхъ и Дейчей, которые наклонъ дней своихъ открыли въ себѣ призваніе адвокатовъ царской дипломатіи въ эпоху ея величайшихъ преступленій.

Настроенія въ австрійской соціаль-демократіи. — Викторъ Адлеръ. — Отъѣздъ въ Цюрихъ.

Событія нагромождались одно на другое. Пришла телеграмма объ убійствѣ Жореса. Въ газетахъ уже было такъ много злостной лжи, что оставалась, — по крайней мѣрѣ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, — возможность сомнѣнія и надежды. Тѣмъ болѣе, что сейчасъ же послѣдовала телеграмма объ убійствѣ Пуанкаре и о возстаніи въ Парижѣ. Но вскорѣ исчезла возможность сомнѣваться въ убійствѣ Жореса... 2-го августа Германія объявила войну Россіи. Уже до этого дня начался отъѣздъ русской эмиграціи изъ Вѣны. 3-го августа

утромъ я отправился на Винцейле, въ новый домъ „Арбейтеръ Цейтунгъ“, чтобы посовѣтоваться тамъ съ депутатами, какъ быть намъ, русскимъ.

Въ секретаріатѣ я засталъ Фридриха Адлера или „доктора Фрица“, какъ называли его обычно на партійныхъ верхахъ въ отличіе отъ отца, Виктора Адлера, котораго называли просто „докторъ“, безъ дальнѣйшихъ поясненій. Довольно высокаго роста, худой, слегка сутуловатый, съ благороднымъ лбомъ, на который падаютъ вьющіеся свѣтлые волосы, и съ отпечаткомъ постоянной задумчивости на лицѣ, Фрицъ стоялъ всегда особнякомъ въ средѣ довольно многочисленной въ Вѣнѣ партійной интеллигенціи, столь склонной къ остро словию и дешевымъ анекдотамъ. Онъ провелъ года полтора въ Цюрихѣ въ качествѣ приватъ доцента по кафедрѣ физики и редактора мѣстной партійной газеты „Volks vecht“. За время войны швейцарскій социализмъ испыталъ радикальное внутреннее перерожденіе, интересы его крайне раздвинулись; старые партійные мандарины, считавшіе, что суть марксизма выражается пословицей „тише ѣдешь, дальше будешь“, сразу отошли на второй планъ.... Но въ тѣ довоенные годы, когда Фрицъ жилъ въ Цюрихѣ, атмосфера швейцарскаго социализма еще отличалась глубоко-провинціальнымъ характеромъ. Фрицъ не выдержалъ, вернулся въ Вѣну, вступилъ въ секретаріатъ партіи и въ редакцію ея теоретическаго ежемѣсячника „Der Kampf“. Кромѣ того, онъ взялъ на себя изданіе еженедѣльнаго агитаціоннаго листка „Das Volk“, печатавшася въ очень значительномъ количествѣ, главнымъ образомъ для провинціи. Въ послѣднія недѣли передъ войной Фрицъ былъ занятъ подготовкой международнаго конгресса. На его рабочемъ столѣ лежали отпечатанныя для конгресса юбилейныя марки и всякія другія изданія: партія успѣ-

ла израсходовать на подготовительныя работы свыше 20.000 кронъ.

Было бы преувеличеніемъ сказать, что въ домѣ на Wienzeile можно уже было констатировать въ тѣ дни опредѣленныя принципiальныя группировки; нѣтъ, этого еще не было. Но зато ясно сказывалось глубокое различіе психологическаго отношенія къ войнѣ. Одни какъ бы радовались ей, сквернословили по адресу сербовъ и русскихъ, не очень отличая правительства отъ народовъ: это—органическіе націоналисты, чуть-чуть покрытые лакомъ социалистической культуры, который теперь сползалъ съ нихъ не по днямъ, а по часамъ.

Другіе — и во главѣ ихъ стоялъ Викторъ Адлеръ — относились къ войнѣ, какъ къ внѣшней катастрофѣ, которую нужно „перетерпѣть“. Выжидательная пассивность вліятельнѣйшаго вождя партіи была однако только прикрытіемъ для разнузданной агитаціи активно-націоналистическаго крыла. Тонкій и проницательный умъ, обаятельный характеръ, Викторъ Адлеръ выше своей политики, которая вся размѣнялась за послѣднюю эпоху на уловленіе счастливыхъ комбинацій въ безнадежной сутолокѣ австрійскихъ условій, столь располагающихъ къ скептицизму. Въ свою очередь политика Адлера, крайне индивидуальная по самой своей природѣ, несравненно выше тѣхъ политическихъ сотрудниковъ, которыхъ эта политика объединила вокругъ вождя. Его скептицизмъ сталъ у нихъ цинизмомъ; обращеніе Адлера къ „декоративности“ въ политикѣ превратилось у нихъ въ открытое глумленіе надъ основными цѣнностями социализма. И этотъ естественный подборъ сотрудниковъ представляетъ собой наиболѣе яркое выраженіе и осужденіе системы Адлера - отца.

Сынъ, со своимъ неподдѣльнымъ революціоннымъ темпераментомъ, стоялъ въ органической враждѣ къ

этой системѣ. Онъ направлялъ свою критику, свое недовѣріе, свою ненависть прежде всего на собственное правительство. Во время нашего послѣдняго свиданія (3 авг. 1914 г.) онъ первымъ дѣломъ указалъ мнѣ только что опубликованный призывъ властей къ населенію: выслѣживать и ловить подозрительныхъ иностранцевъ. Съ сосредоточеннымъ отвращеніемъ говорилъ онъ о начинающемся разгулѣ шовинизма. Его внѣшняя сдержанность только оттъняла его глубокую нравственную серьезность. Черезъ полчаса въ секретаріатъ пришелъ „докторъ“. Онъ предложилъ мнѣ немедленно отправиться съ нимъ въ префектуру, къ шефу политической полиціи Гейнеру, чтобы справиться у него о томъ, какъ власти намѣрены поступить съ проживающими въ Вѣнѣ русскими эмигрантами.

Въ автомобилѣ, по пути въ префектуру, я обратилъ вниманіе Адлера на то, что война вызвала въ Вѣнѣ наружу какое-то праздничное настроеніе. — Это радуются тѣ, которымъ не нужно идти ихъ войну, — отвѣтилъ онъ, — и радость ихъ теперь кажется патріотической. Кромѣ того, на улицу сейчасъ выходятъ всѣ неуравновѣшенные, всѣ сумасшедшіе: это ихъ время. А серьезные люди сидятъ дома въ тревогѣ.... Убіенство Жореса — только начало. Война открываетъ просторъ всѣмъ инстинктамъ, всѣмъ видамъ безумія...

Психіатръ по своей старой медицинской спеціальности, Адлеръ часто подходитъ къ политическимъ событіямъ („особенно австрійскимъ“, говоритъ онъ иронически) съ психо-патологической точки зрѣнія.

Какъ далека онъ былъ въ тотъ моментъ отъ мысли, что его собственный сынъ совершитъ политическое убійство... Я упоминаю здѣсь объ этомъ потому, что послѣ покушенія Фрица австро-желтая пресса и рядъ социаль-патріотическихъ изданій попытались объявить

самоотверженного революціонера неуравновѣшеннымъ и даже ненормальнымъ—подъ угломъ зрѣнія своей собственной низкопробной „нормы“. Но судебно-габсбургская медицина вынуждена была капитулировать передъ яснымъ умомъ и мужественной выдержкой Фрица. Съ какимъ холоднымъ презрѣніемъ долженъ былъ онъ отнестись къ отзывамъ евнуховъ соціаль-патріотизма, если до него въ тюрьму доходили ихъ голоса... Шефъ политической полиціи Гейеръ выразилъ предположеніе, что завтра утромъ можетъ выйти приказъ о заключеніи подѣ стражу русскихъ и сербовъ. „Тѣхъ, кого мы знаемъ, мы потомъ освободимъ, но могутъ быть осложненія. Кромѣ того, позже мы не будемъ выпускать изъ страны“.

— Слѣдовательно, вы рекомендуете уѣхать? — Безусловно. И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Хорошо... Завтра я уѣду съ семьей въ Швейцарію.

— Гм... я бы предпочелъ, чтобы вы это сдѣлали сегодня.

Этотъ разговоръ происходилъ въ 3 часа дня, а въ 6 часовъ 10 минутъ мы уже сидѣли съ семьей въ вагонѣ поѣзда, направлявшагося въ Цюрихъ.

**Швейцарская соціаль-демократія. — Грютли. —
Эйнтрахтъ. — Фрицъ Платтенъ. — Нѣмецкая бро-
шюра „Война и интернаціоналъ“. — Соціалисти-
ческая приписка къ штабу.**

Швейцарская соціаль-демократія связана единствомъ языка, съ одной стороны, съ нѣмецкимъ, съ другой — съ французскимъ соціализмомъ. Вполнѣ естественно, если кризисъ этихъ двухъ сильнѣйшихъ соціалисти-

ческихъ партій немедленно же отразился въ Швейцаріи, охваченной со всѣхъ сторонъ огненнымъ кругомъ войны. Отразился съ тѣмъ большей остротой, что швейцарскій социаль-патріотизмъ осложняется естественно противорѣчивыми тяготѣніями — въ сторону Германіи и въ сторону Франціи. Въ этомъ отношеніи очень выразителенъ слѣдующій фактъ политической симметріи. Въ швейцарскомъ парламентѣ засѣдаютъ два социалистическихъ депутата съ одинаковыми именами и фамиліями: Іоаннъ Сиггъ отъ Цюриха и Жанъ Сиггъ отъ Женевы. Оба социаль-патріоты, но Іоаннъ ярый германофилъ, а Жанъ еще болѣе ярый франкофилъ. При такихъ условіяхъ интернаціоналистская политика являлась для социалистической партіи единственнымъ средствомъ самосохраненія. Интернаціоналистская точка зрѣнія встрѣчала въ низахъ партіи (а мнѣ пришлось принимать въ этотъ періодъ участіе во многихъ собраніяхъ) почти всеобщее сочувствіе. Но не такъ обстояло дѣло на верхахъ.

Опорой праваго, націоналистическаго крыла сразу явился старый союзъ „Grütli“, изъ котораго собственно и развивалась, какъ извѣстно, швейцарская социаль-демократія. Наиболѣе боевымъ націоналистомъ выступалъ здѣсь бывший пасторъ Пфлюгеръ, одинъ изъ представителей партіи въ федеральномъ парламентѣ. „Если бы я былъ германскимъ императоромъ, — заявляетъ онъ на одномъ изъ партійныхъ собраній, гдѣ развернулись первыя пренія по поводу войны, — я тоже стоялъ бы на стражѣ съ обнаженнымъ стальнымъ мечомъ противъ Россіи“. Эту же самую фразу Пфлюгеръ повторялъ мѣсяцемъ позже на партійномъ съѣздѣ въ Бернѣ; но увы... патетическія слова произвели совсѣмъ не то дѣйствіе, на которое были рассчитаны: поднялся бурный хохотъ, затѣмъ шумъ, свистъ и злосчастный кандидатъ

въ германскіе императоры такъ и не могъ закончить свою рѣчь.

Очагомъ лѣвыхъ являлась организація „Eintracht“, вербовавшаяся почти исключительно изъ иностранцевъ: нѣмцевъ, австрійцевъ, русскихъ и проч. Изъ подлинныхъ швейцарцевъ въ этой организаціи принималъ активное участіе Фрицъ Платтенъ, секретарь правленія партіи. Большого роста, съ открытымъ лицомъ, хороший народный ораторъ, самъ пролетарій по происхожденію и роу жизни, хотя и женатый на русской студенткѣ, Платтенъ представляетъ собою несомнѣнно одну изъ самыхъ привлекательныхъ фигуръ въ швейцарской социаль-демократіи. „Какое униженіе,—говорилъ онъ на этихъ первыхъ собраніяхъ,—что рабочіе снова согнули спину въ эту критическую минуту... Но я надѣюсь, что еще въ теченіе этой войны они покажутъ, что умѣютъ умирать не только за чужое, но и за свое дѣло“. Въ устахъ Платтена это не фразы. Въ 1905 г., когда въ Россіи разразилась революція, Платтенъ, тогда еще 20-лѣтній юноша, рѣшаетъ принять въ ней участіе, отправляется въ Ригу, борется въ первыхъ рядахъ и сводитъ основательное знакомство съ русской тюрьмой... Въ 1912 г. онъ стоялъ во главѣ всеобщей стачки въ Цюрихѣ, какъ одинъ изъ ея самыхъ рѣшительныхъ и отважныхъ вождей.

Уже въ сентябрѣ (1914 г.) правленіе „Eintracht“ работало боевой интернаціоналистскій манифестъ и пригласило „лидеровъ“ партіи на организаціонное собраніе, гдѣ я долженъ былъ прочитать докладъ въ защиту манифеста. „Лидеры“ однако не явились: они считали слишкомъ рискованнымъ занимать позицію въ столь остромъ вопросѣ, предпочитая выжидать и ограничиваясь пока что комнатной критикой патріотическихъ „излишествъ“ нѣмецкихъ и французскихъ социалистовъ.

Это, кстати сказать, политическая психологія весьма распространенная въ политическихъ кругахъ нейтральныхъ странъ, въ томъ числѣ и въ Соединенныхъ Штатахъ,—здѣсь даже болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Собраніе „Eintracht“ почти единогласно приняло манифестъ, который затѣмъ былъ опубликованъ въ социалистической прессѣ и послужилъ серьезнымъ толчкомъ для партійнаго общественнаго мнѣнія.

На упомянутомъ уже съѣздѣ въ Бернѣ докладъ по поводу войны читалъ судья Отто Лангъ. Докладъ былъ въ стилѣ весьма умѣреннаго интернаціонализма, близкаго, пожалуй, къ нынѣшней позиціи Каутскаго. Но настроеніе большинства съезда было несравненно рѣшительнѣе доклада. Вообще за время войны швейцарская партія продѣлала большой сдвигъ влѣво и это привело къ отколу значительной части грютліанцевъ, которые создали самостоятельную реформистскую и социаль-патріотическую партію. Въ этомъ фактѣ, кстати сказать, нельзя не видѣть еще одного доказательства крайней глубины расхожденія между социаль-патріотизмомъ и интернаціонализмомъ.

Пребываніе въ Швейцаріи было для меня заполнено главнымъ образомъ работою надъ нѣмецкой брошюрою „Война и Интернаціоналъ“. Брошюра выросла изъ дневника, гдѣ я старался въ первыя недѣли войны выяснить—сперва только для себя—причины катастрофы вліятельнѣйшихъ социалистическихъ партій и пути выхода изъ кризиса. Платтенъ взялъ на себя заботу о распространеніи брошюры и позаботился о томъ, чтобы нѣсколько тысячъ прошло въ Германіи и Австрію. Въ это время я уже былъ во Франціи и не безъ удивленія прочиталъ однажды во французскихъ газетахъ телеграмму изъ Швейцаріи о томъ, что одинъ изъ нѣмецкихъ судовъ приговорилъ меня заочно къ тюрем-

ному заключенію за мою брошюру. Долженъ сказать, что гогенцоллернскіе судьи оказали мнѣ этимъ приговоромъ, по которому я, конечно, не торопился произвести расплату, очень цѣнную услугу. Для социаль патріотическихъ клеветниковъ и „идейныхъ“ сыщиковъ, въ родѣ Алексинскаго ¹⁾, нѣмецкій судебный приговоръ противъ меня всегда оставался камнемъ преткновенія въ ихъ благородныхъ усиліяхъ доказать, что я являюсь по существу дѣла агентомъ нѣмецкаго генеральнаго штаба.

Французская таможня, съ своей стороны, задержала пакетъ съ брошюрами, присланными изъ Цюриха, и извѣстила меня, что брошюра конфискуется въ виду ея нѣмецкаго происхожденія. Кое-кто изъ русскихъ друзей разсказалъ объ этомъ Густаву Эрве, у котораго тогда еще были минуты оппозиціоннаго просвѣтлѣнія, — и въ его „La Guerre Sociale“ появилась негодующая замѣтка противъ конфискаціи... „анти-нѣмецкой“ (!) брошюры. По этой или иной причинѣ, но черезъ нѣсколько дней таможня доставила мнѣ задержанный ею пакетъ.

Не зачѣмъ говорить, что нѣмецкая социаль патріотическая пресса попыталась съ своей стороны представить автора брошюры скрытымъ патріотомъ и защитникомъ союзныхъ интересовъ. Каково процентное отношеніе между сознательной клеветой и добросовѣстнымъ шовинистическимъ изувѣрствомъ въ подобнаго рода обвиненіяхъ? Определить это бываетъ не легко. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что социаль патріотизмъ при-нижаетъ людей идейно и морально, отучая ихъ видѣть въ социалистѣ только социалиста. Когда-то крѣпостные

---

¹⁾ Последніе №№ интернаціоналистской газ. „Начало“, выходящей въ Парижѣ, приносятъ вѣсть, что этотъ бывший с.-д. депутатъ 2 ой Думы исключенъ изъ состава не очень брезгливой редакціи социаль патріотическаго „Призыва“.

мужики при встрѣчѣ другъ съ другомъ въ пути спрашивали:—Вы чьихъ будете?—Шереметьевскіе.—А мы Бобринскихъ господъ.—Вотъ эта крѣпостная психологія „принадлежности“ кому-нибудь глубоко сидитъ въ социаль-патріотическихъ мозгахъ... Кому „служить“ интернаціоналистъ? Интересы какого штаба защищаетъ? Романовыхъ ли господъ или Гогенцоллерновъ? Эти люди становятся неспособны вѣрить, что можно быть одновременно врагомъ всѣхъ „господъ“, стоять подъ собственнымъ знаменемъ и чувствовать себя, по прекрасному выраженію Фрица Адлера, солдатомъ „постоянной арміи социальной революціи“.

Переѣздъ во Францію. — Парижъ. — Вивіани. — Жоффръ. — Бріанъ. — Клемансо.

19 ноября (1914 г.) я переѣхалъ границу Франціи. Сестры Краснаго Креста подходили къ дверямъ вагоновъ съ кружками для сборовъ. У всѣхъ было такое настроеніе, что война закончится никакъ не позже весны, хотя никто не могъ бы сказать почему: просто человечество еще не успѣло привыкнуть къ войнѣ, какъ къ нормальному состоянію.

Парижъ былъ печаленъ, отели стояли пустыми, еще далеко не всѣ вернулись изъ числа тѣхъ, кто бѣжалъ въ августъ изъ Парижа; улицы по вечерамъ погружались во тьму, кафе запирались къ 8 часамъ вечера. „Чѣмъ объясняется эта послѣдняя мѣра?“ спрашивалъ я у свѣдущихъ людей. — „Очень просто: генераль Гальени, губернаторъ Парижа, не хочетъ чтобы публика скоплялась. Въ такую эпоху кафе легко могутъ стать по вечерамъ очагомъ критики и недовольства для рабочаго населенія, которое занято въ теченіе дня“.

Всюду было много женщинъ въ черномъ. Въ первую эпоху еще свѣжаго торжественно-патріотическаго настроенія трауръ носили не только матери и жены, но и наиболѣе отдаленныя родственницы. Дѣти всюду играли въ войну, и многихъ матери одѣвали въ военную форму. Выздоровливающіе раненые со свѣжими крестами на груди бродили по улицамъ. Съ ними почтительно и какъ-то заискивающе заговаривали патріотическіе и довольно крѣпкіе старички съ ленточками Почетнаго легіона въ петлицѣ. Ихъ много ходитъ по Парижу, этихъ несгибаемыхъ сторонниковъ „войны до конца“, которые въ 1870 г. были слишкомъ молоды для участія въ войнѣ, а теперь ужъ слишкомъ стары...

Временами налетали цеппелины. Помню, разъ въ декабрѣ (1914) я возвращался ночью по полутемнымъ улицамъ домой. Съ одной стороны, потомъ съ другой раздались трубные звуки, до послѣдней степени тревожные... Забѣгали темные силуэты, и немногіе уличные фонари, прикрытые сверху щитами, стали тухнуть одинъ за другимъ. Черезъ нѣсколько минутъ воцарилась на улицѣ абсолютная тьма — и ни одной человѣческой души. Я все еще не понималъ, въ чемъ дѣло, хотя чувствовалъ, что творится что-то неладное... Раздался глухой громъ, потомъ другой — ближе, потомъ третій — опять дальше... Стало ясно, что стрѣляютъ: снизу или сверху? То-есть пушки ли палятъ, пугая невидимые цеппелины, или же воздушные корсары бросаютъ внизъ разрывные снаряды?

Потомъ оказалось, что и то и другое вмѣстѣ. Долго бродилъ я такъ по темнымъ улицамъ. Черезъ полчаса приблизительно забѣгали по небу лучи прожектора съ Эйфелевой башни... Въ отелѣ у себя я засталъ необычную картину: всѣ жильцы сидѣли на ступеняхъ винтовой лѣстницы при стеариновыхъ свѣчахъ и чи-

тали, разговаривали или играли въ карты. Зажигать въ комнатахъ электричество было строго запрещено. Изъ окна пятого этажа смутно чувствовался притаившійся внизу городъ.

Раза два еще раздавались отдаленные взрывы. Проекторы обыскивали небо непрерывно. Уже подъ утро прозвучали снова трубные звуки, на этотъ разъ бурные и жизнеперадостные: врагъ бѣжалъ, можно снова зажигать свѣтъ, и тѣ немногіе, что забрались въ подвалы, могутъ безнаказанно вернуться въ свои этажи. На другое утро газеты сообщили, въ какихъ частяхъ города разрушены дома и сколько было при этомъ человѣческихъ жертвъ.

Во главѣ французскаго правительства стоялъ въ началѣ войны достаточно безличный фразеръ Вивіани, бывшій социалистъ и ученикъ Жореса. Вообще французская буржуазія охотно довѣряетъ вчерашнимъ социалистамъ наиболѣе отвѣтственные посты. Французскіе радикалы, главная партія республики, отличаются въ большинствѣ своемъ слишкомъ узкимъ и провинциально-мелкобуржуазнымъ кругозоромъ, чтобы руководить дѣлами французской биржи. Адвокатъ, который прошелъ социалистическую школу и знаетъ, на какомъ языкѣ надо говорить съ рабочими массами, гораздо сподручнѣе для нынѣшней сложной политики,—разумѣется, при условіи, если этотъ адвокатъ готовъ за подходящую цѣну продать капиталу свою такъ называемую совѣсть. Другой бывшій социалистъ, Бріанъ, нѣкогда апостолъ всеобщей стачки, занималъ въ министерствѣ Вивіани постъ министра юстиціи. Бріанъ съ нескрываемою ироніей относился къ своему премьеру, критиковалъ въ кулуарахъ парламента реакціонныя поведенія Вивіани и вообще не спѣша подготовлялъ паденіе своего друга и шефа...

Авторитетъ Жоффра стоялъ въ это время — послѣ марнской битвы, остановившей наступленіе нѣмцевъ — на самой высшей точкѣ; вся пресса говорила о немъ не иначе, какъ колѣнопреклоненно, и съ бонапартистскимъ презрѣніемъ писала о республиканскомъ парламентѣ, какъ о ни на что не пригодномъ собраніи болтуновъ. Въ реакціонномъ подпольѣ шла дѣятельная подготовка государственнаго переворота. Съ главнымъ органомъ Франціи „Le Temps“ велись на этотъ счетъ переговоры, свѣдѣнія о которыхъ переходили изъ устъ въ уста. Словомъ, бонапартистскій переворотъ висѣлъ, казалось, въ воздухѣ. Но... для того, чтобы сдѣлать рагу изъ зайца, нужно — по французской пословицѣ — имѣть зайца... А его-то именно и не было... Для бонапартистскаго переворота не хватало Бонапарта.

Во всякомъ случаѣ, „папаша Жоффръ“ меньше всего подходилъ къ этой роли. Его осторожность, выжидательный характеръ, отсутствіе всякаго размаха мысли дѣлаютъ его прямой противоположностью величайшему гению французской военной традиціи, Наполеону. Жоффръ въ области стратегіи какъ нельзя точнѣе передаетъ характеръ той консервативной и ограниченной французской мелкой буржуазіи, которая боится всякаго „рискованнаго“ шага. Послѣ битвы на Марнѣ (заслугу ея многіе приписываютъ не Жоффру, а Гальени) военный авторитетъ генералиссимуса шелъ постепенно — сперва медленно, а затѣмъ все скорѣе, — на убыль. Никакого другого „орла“ ему на смѣну французская армія не выдвигала. Новыхъ побѣдъ и новой славы не было. Шансы военнаго переворота естественно падали.

Вообще „орловъ“ въ политической жизни Франціи сейчасъ не видать. Наоборотъ: никогда, можетъ быть посредственность не царила въ третьей республикѣ такъ неограниченно, какъ въ это трагическое время. Самый

большой человекъ, какого смогла выдвинуть французская буржуазія на руководящій постъ, это Аристидъ Брианъ. Безъ какой бы то ни было руководящей „государственной“ идеи, безъ самыхъ необходимыхъ политическихъ и нравственныхъ правилъ, великій мастеръ закулисныхъ комбинацій, торговецъ полумертвыми душами французскаго парламента, сѣятель подкупа и разврата, чарователь съ манерами политической кокетки, Аристидъ Брианъ по всей своей фигурѣ является наиболѣе яркимъ издѣвательствомъ надъ „великой“, „національной“, „освободительной“ войной.

Самымъ опаснымъ противникомъ Бриана является старый низвергатель министровъ. „тигръ“ французскаго радикализма, семидесятипятилѣтній Клемансо... Главной силой его публицистическаго таланта является злость. Клемансо слишкомъ хорошо знаетъ всѣ закулисныя пружины французской политики, чтобы питать на ея счетъ какія бы то ни было идеалистическія иллюзіи. Онъ слишкомъ золъ, чтобы оставлять нетронутыми эти иллюзіи у другихъ. Больше чѣмъ кто бы то ни было Клемансо сдѣлалъ за время войны для сокрушенія дутыхъ авторитетовъ національной войны: президента республики Пуанкаре, главнокомандующаго Жоффра и главы министерства Бриана. Но и самъ Клемансо, обломокъ якобинизма въ эпоху диктатуры финансоваго капитала, лишенъ какого бы то ни было „творческаго“ плана. Онъ требуетъ удесятеренной энергіи для доведенія войны до конца. Онъ такъ же мало, какъ и другіе, знаетъ секретъ побѣды. И если его развѣдающая критика безыдейной и лживо-трусливой политики Бриана подготовила паденіе этого послѣдняго, то врядъ ли французскій парламентъ рѣшится призвать къ власти стараго „дезорганизатора“ Жоржа Клемансо.

Р. С. Послѣ того, какъ были написаны эти строки,

паденіе Бріана стало давно совершившимся фактомъ. Клемансо былъ сперва обойденъ. Во главѣ министерства поставленъ старикъ Рибо, слегка „полѣвѣвшій“ консерваторъ безъ опредѣленной фізіономіи въ вопросахъ войны. Министерство Рибо было безцвѣтно—выжидательнымъ министерствомъ. Рибо смѣнилъ Пенлеве, ученый физикъ, политическій дилетантъ, главный ресурсъ котораго состоялъ въ неизрасходованной репутациі. На смѣну Пенлеве пришелъ, наконецъ, Клемансо. Его министерство возникло, какъ выраженіе политическаго отчаянія. Оно стало, правда, въ послѣдствіи министерствомъ побѣды. Но... исторія еще не сказала послѣдняго слова.

Леонъ Додэ, Шарль Моррасъ, Мигуэль Альмерейда.

(Страница литературныхъ нравовъ.)

I.

Парижская судебная палата, въ качествѣ апелляціонной инстанціи, разсматривала на-дняхъ чрезвычайно поучительный литературный процессъ, въ которомъ оказались противопоставлены—и неожиданно сближены—самые что ни на есть крайніе полюсы французской политической мысли.

Леонъ Додэ, сынъ знаменитаго Альфонса Додэ, представляющій собою разновидность Тартарена-злеца, не лишенный дарованія клеветникъ, по убѣжденіямъ *je m'en fîch*'истъ, по политической профессіи монархистъ, слуга монсеньора герцога Орлеанскаго, защитникъ католицизма, въ который не вѣритъ, и добрыхъ нравовъ, отрицаніемъ которыхъ является вся его жизнь,—этотъ Леонъ Додэ, главный редакторъ роялистской „Action Française“ выступилъ, въ качествѣ обвинителя и истца,

противъ вечерней газеты „Bonnet Rouge“ по дѣлу объ оскорбленіи той субстанціи, которую Додэ называетъ своей „честью“.

Сотоварищемъ Додэ по обвиненію выступаетъ Шарль Моррасъ, духовный глава французскаго ново-роялизма, политическій редакторъ „Action Française“, вдохновитель всей монархической пропаганды во Франціи, писатель неоспоримой діалектической силы и исключительнаго трудолюбія.

Между Моррасомъ и Додэ—большая духовная дистанція. Леонъ Додэ оставилъ позади очень пеструю карьеру, въ теченіе которой онъ успѣлъ побывать и социалистомъ. Къ роялистской идеѣ онъ относится, какъ, съ позволенія сказать, къ литературной портянкѣ. Онъ внесъ въ роялистское предпріятіе не идею священнаго капетовскаго наслѣдія, а свою собственную наглость, совершенно невѣроятную, переходящую всякіе мыслимые предѣлы,—наглость того напряженія, при которомъ она становится политической силой, особенно во французскомъ роялистскомъ движеніи, которое уже въ основѣ своей содержитъ наглую историческую претензію. Внѣшнимъ выраженіемъ этой побѣждающей силы наглости является въ частности тотъ фактъ, что именно Додэ состоитъ нынѣ главнымъ редакторомъ „Action Française“. Специализировавшись на обличеніи внутреннихъ нѣмцевъ, нѣмецкихъ „прислужниковъ“ и „попустителей“, пользуясь внѣшними вороватыми международными торговыми отношеніями для обличенія однѣхъ фирмъ въ интересахъ другихъ, Додэ почти ежедневно выдвигаетъ одно и то же требованіе: его, Леона Додэ, должны назначить министромъ полиціи, а онъ обязуется въ три мѣсяца покончить съ внутренними нѣмцами. Если вѣтъ,—Франція погибнетъ. И такъ велика сила этой наглости, что иные спраши-

ваютъ себя: не сядетъ ли, дѣйствительно, Додэ въ одинъ прекрасный день на мѣсто Мальви?

Шарль Моррасъ—не шантажистъ и даже не карьеристъ, онъ фанатикъ, рыцарь не очень молодой дамы-монархин. Разумѣется, было бы большой наивностью воображать, что онъ рыцарь безъ страха и упрека, этотъ защитникъ претензій Орлеанскаго дома въ странѣ четырехъ революцій. Достаточно уже того, что онъ работаетъ рука объ руку съ Додэ, который—по весьма вѣроподобному утвержденію его противниковъ—вызываетъ отвращеніе у самого Филиппа, герцога Орлеанскаго. Но Моррасъ терпитъ и даже творитъ мерзости во имя программы. Моррасъ примкнулъ къ идеѣ реставраціи въ самой ранней молодости и съ той поры въ теченіе трехъ десятилѣтій неутомимо доказываетъ, что во французскомъ режимѣ остается зіяющая „дыра на верху“, и что Франція лишь въ томъ случаѣ будетъ имѣть миръ внутри и безопасность извнѣ, если вызоветъ изъ Лондона герцога Филиппа и, такъ сказать, заткнетъ имъ вакантную дыру на верху. Читая Морраса, вы испытываете двойственное чувство: этотъ человѣкъ вамъ кажется сумасшедшимъ, явнымъ маніакомъ, мысль котораго живетъ въ политической сферѣ четвертаго измѣренія; но въ то же время вы не можете не испытывать своеобразнаго гипноза его тонкихъ и сильныхъ конструкцій, опирающихся на критику режима третьей республики и неизмѣнно увѣнчивающихся королемъ. Въ отличіе отъ Додэ, который соединяетъ въ своемъ стилѣ выверты декадентства съ базарнымъ горланствомъ Моррасъ пишетъ чистымъ и недантическимъ языкомъ, котовымъ онъ съ большимъ мастерствомъ пользуется для разоблаченія внутреннихъ противорѣчій нынѣшняго государственнаго режима.—Гдѣ вашъ суверенитетъ? Нація? 500 депутатовъ? Демокра-

тія предполагаєть открытое разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ въ парламентѣ, слѣдовательно, на площади. Между тѣмъ центральные вопросы государственной жизни въ нашу эпоху—вопросы войны и мира—не допускають публичнаго обсужденія. Если вы хотите вести міровую политику, имѣть союзниковъ, дипломатическіе и военные планы общихъ операцій,—вы должны имѣть концентрированную власть, какъ средоточіе тайной дипломатіи и постоянной арміи. Иначе вы живете съ дырой наверху.—Въ сущности эту же идею выразилъ въ парадоксальной формѣ съ другого конца Марсель Самба въ своемъ извѣстномъ памфлетѣ: „Установите короля, а нѣтъ—установите миръ“. („Faites le roi, si non faites la paix“.) Моррасъ не упускаетъ ни одного урока войны, чтобъ не демонстрировать внутреннюю противорѣчивость режима демократіи и міродержавной имперіалистической политики. Сколько разъ за это время Моррасъ спрашивалъ Самба: „Либо сдѣлайте короля, либо сдѣлайте миръ. Но вотъ мы дѣлаемъ войну. Каковъ вашъ выводъ? Или достаточно того, что васъ сдѣлали министрами?..“

Таковы истцы.

Мигуэль Альмерейда, каталонецъ-французъ, недавній анархистъ, имѣвшій достаточно случаевъ ознакомиться съ внутренней организаціей тюремъ третьей республики, вчерашній антипатріотъ, сподвижникъ пресловутаго Густава Эрвэ, словомъ, политическій антиподъ Леона Додэ и Шарля Морраса, выступилъ отвѣтчикомъ въ качествѣ главнаго редактора „Bonnet Rouge“.

Не зачѣмъ говорить, что эта газета не стоитъ теперь ни на анархистской, ни на антипатріотической точкѣ зрѣнія. Достаточно сказать, что за ея кулисами стоитъ, какъ утверждаютъ, бывший радикальный министръ-пре-

зидентъ Кайо, тотъ самый, жена котораго застрѣлила незадолго до войны короля газетныхъ диффаматоровъ Франціи, редактора „Figaro“ Кальметта. (Какъ давно все это было... какъ поразительно отодвинулось въ прошлое, точно картонная декорація, все, что случилось наканунѣ войны!) Правда, Кайо не считается сторонникомъ войны *jusqu'au bout*. Въ началѣ войны его даже отправили съ какой-то неопредѣленной, во всякомъ случаѣ неофициальной дипломатической миссіей въ Бразилію—въ почетную ссылку, какъ шушукались въ кулуарахъ. Кайо посчастливилось—насколько велика его личная заслуга въ этомъ, говорить сейчасъ не будемъ—сосредоточить на себѣ величайшую ненависть праваго сектора палаты и всей реакціонной, клерикальной, бонапартистской и роялистской прессы, которая насчитываетъ въ своихъ рядахъ чуть не половину парижскихъ газетъ: „Action Française“, „Echo de Paris“, „Gaulois“, „Figaro“, „Libre Parole“, „Intransigeant“, „Liberté“ и пр. Мигуэль Альмерейда и былъ призванъ „великимъ демократомъ“ (такъ этотъ публицистъ называетъ своего патрона) отстаивать въ вечерней газеткѣ интересы республики и г. Кайо. Онъ выполняетъ эту двуединую миссію съ величайшимъ усердіемъ. Такъ какъ Кайо былъ взятъ на подозрѣніе по части патріотизма и, главное, такъ какъ у самого Альмерейда, дѣйствительно, были въ прошломъ недоразумѣнія съ отечествомъ и отечественной полиціей, то „Bonnet Rouge“, для восстановленія политическаго кредита своего редактора и своего патрона, старается въ дѣлѣ шовинизма, такъ сказать, утереть носъ самымъ испытаннымъ бонапартистамъ. Если газета разоблачаетъ козни клерикаловъ и роялистовъ, то не иначе, какъ подъ архи-патріотическимъ угломъ зрѣнія.

Какъ литературно-политическое изданіе „Bonnet Rou-

ge“ являетъ собою нѣчто до послѣдней степени жалкое. Не потому, что эта газетка выходитъ на двухъ тощихъ страничкахъ (одинъ полулистъ)—таковъ съ начала войны форматъ большинства французскихъ газетъ,—а по полной ея идейной пустотѣ и литературной бездарности. Немножко декламаторскаго республиканства, немножко бульварной сенсаций, немножко социализма, совершенно безвреднаго, и все это утопаетъ въ шовинизмъ казеннаго образа.

Доде и Моррасъ называютъ Альмерейда полицейскимъ агентомъ. Послѣдній счелъ необходимымъ дать суду подробныя разъясненія по поводу своего отношенія къ министру внутреннихъ дѣлъ. Когда началась мобилизація, Альмерейда крайне беспокоился, оказывается, Carnet В, извѣстный полицейскій списокъ „подозрительныхъ“, подлежащихъ массовому аресту въ случаѣ опасности. „Я сказалъ себѣ: если ихъ арестуютъ, это означаетъ раздѣленіе Франціи надвое“. И вотъ Альмерейда совершаетъ „дерзкій шагъ“, une chose audacieuse. Онъ отправляется къ Мальви для переговоровъ.—„Что вы сдѣлаете со спискомъ подозрительныхъ?“ Мальви:—„Я очень доволенъ, что вы заговорили со мною объ этомъ, но—я обязанъ“... Тутъ—по скромному признанію бывшаго антимилитариста—произошла сцена „такого драматизма и такого величія“, что онъ отказывается описывать ее, дабы не быть обвиненнымъ въ употребленіи театралныхъ средствъ. Когда драматическая сцена была исчерпана, Альмерейда отправился съ Мальви къ начальнику охраны (Sûreté generale), предъ которымъ взялъ на себя ручательство за поведение своихъ друзей антимилитаристовъ и анархо-синдикалистовъ.—Но есть группа, —возразилъ ему директоръ охраны,—которая ускользаетъ отъ вашего вліянія, анархисты-индивидуалисты. —Дайте мнѣ 48 часовъ.—Альме-

рейда получилъ 48 часовъ для установленія перемирія между анархистами-индивидуалистами и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Онъ выполнилъ свою миссію по его собственнымъ словамъ—съ полнымъ успѣхомъ. Не зачѣмъ говорить, что это скрѣпило дружескія отношенія между бывшимъ антипатріотомъ и министерствомъ Мальви, тѣмъ болѣе, что главныя усилія Додэ направлены именно въ сторону министерства внутреннихъ дѣлъ, во главѣ котораго онъ, по собственному мнѣнію, былъ бы какъ нельзя болѣе на мѣстѣ. Служа республикѣ и Кафо, Альмерейда тѣмъ самымъ служитъ Мальви. Его миссія становится тройственной, но это не мѣшаетъ ей сохранять необходимое единство въ своей основѣ ¹⁾.

Отъ раскаявшихся анархистовъ, которые вчера еще только грозили національное знамя вставить въ „навозную кучу“, нельзя требовать большого политическаго равновѣсія. Самыя шовинистическія статьи и наиболѣе крикливые рисунки печатаются въ „Victoire“ Эрве. И Альмерейда „полемизировалъ“ съ реакціонерами не иначе, какъ величая ихъ агентами врага и слугами заграницы, *serviteurs de l'etranger*, согласно старой якобинской формулѣ. Вообще было бы ошибочно представлять себѣ дѣло такъ, будто каталонецъ велъ „полемичку“ при помощи толедскаго клиника. Гораздо ближе къ истинѣ будетъ „метафора“ Леона Додэ, когда онъ говоритъ о литературномъ реквизитѣ, почерпнутомъ въ вокзальномъ ретирадѣ. Нужно только этотъ образъ распространить на обѣ стороны. Отмѣтимъ тутъ же, что Додэ никогда не называетъ „Bonnet Rouge“ по имени, а говоритъ всегда: *le Torchon*, тряпка. Этимъ словомъ

---

¹⁾ Какъ можетъ быть помнятъ читатели, Альмерейда былъ впоследствии тайно задушенъ въ одной изъ тюремъ г. Мальви,

„Action Francaise“ замѣнила вездѣ имя „Bonnet Rouge“ даже въ напечатанномъ ею судебномъ приговорѣ.

Додэ и Морассъ обвиняютъ Альмерейда въ воровствѣ, подлогахъ, въ темныхъ спекуляціяхъ при военныхъ поставкахъ, въ сообщничествѣ съ докторомъ Ломбардъ, осужденнымъ за организацію широкой продажи увольнительныхъ свидѣтельствъ отъ военной службы, и пр. и пр. Въ свою очередь „Bonnet Rouge“ обвиняетъ Додэ въ продажности, въ шпіонствѣ, въ спекуляціи на разгромъ Франціи, въ политическомъ шантажѣ противъ однихъ коммерческихъ фирмъ на службѣ у другихъ, наконецъ въ подстрекательствѣ къ убійствамъ, въ частности къ убійству Жореса. Мы видимъ, что обѣ стороны широко хватили по клавиатурѣ уголовного уложенія.

Леонъ Додэ, какъ уже сказано, счелъ свою честь и честь своего соратника задѣтой и предъявилъ въ возмѣщеніе понесеннаго ими нравственнаго ущерба искъ въ 100,000 франковъ, ни сантимомъ больше, ни сантимомъ меньше: по 50,000 на роялистскаго вождя. Чтобы не терзать терпѣнія читателя, сообщимъ тутъ же, что палата удовлетворила искъ Додэ, но только въ размѣрѣ... трехсотъ франковъ. Судъ такимъ образомъ призналъ, что спору нѣтъ — честь, дѣйствительно, задѣта, но что расходы по ремонту этой чести никакъ не могутъ превысить полтора ста франковъ на человѣка. Отъ ста тысячъ — до трехсотъ, какое паденіе! злорадствуетъ Альмерейда. Его нравственное торжество является тѣмъ болѣе безкорыстнымъ, что штрафъ за него уплатить, надо полагать, „великій демократъ“ Кайо.

Парижъ, 24 марта.

II.

Вотъ скромные образчики полемической словесности Альмерейда, любезно собранные въ текстъ судебного приговора.

„Своихъ агентовъ (для сѣянiя смуты во время войны) Германiя рекрутируетъ среди людей, загубленныхъ дорого стоящими пороками и ради денегъ готовыхъ на все. Но о чемъ же и заботится Леонъ Додэ, чего онъ ищетъ? Золота, только золота“... Такъ пишетъ тотъ самый Альмерейда, котораго „благомыслящая“ пресса до войны иначе не величала, какъ агентомъ Германiи. А вотъ краткая характеристика, данная газетою Альмерейда главному редактору Action Française: „презрѣнный развратникъ пера, укрывающiйся въ своей газетѣ, какъ бандитъ у поворота дороги; низкiй субъектъ, который не стоитъ гильотины и способенъ обезчестить тюрьму“... Судъ нашель, что эти выраженiя, достаточно крѣпкiя сами по себѣ, становятся особенно соблазнительными въ эпоху „національнаго единства“.

Этого не отрицалъ и Альмерейда. Наоборотъ, забывая впередъ, онъ въ своемъ пространнѣйшемъ объясненiи передъ судомъ заранѣе признавалъ, что ему въ своей газетѣ приходилось „стучать крѣпко“. Но кто обвинители? — спрашиваетъ онъ. Додэ и Моррасъ жалуются на диффамацию, между тѣмъ сами они профессиональные диффаматоры, притомъ панъ-диффаматоры, ибо нѣтъ во Францiи ни одного учрежденiя и ни одного политическаго дѣятеля, которые не были бы ими обвинены, по меньшей мѣрѣ, въ продолжности.

Значительная и не худшая часть рѣчи Альмерейда, политически достаточно безвкусной, была посвящена историческому обзору клеветнической и диффаматорской дѣятельности двухъ важнѣйшихъ роялистскихъ публицистовъ: шантажистски-своекорыстной кампанiи Додэ и доктринерски-фанатическихъ „обличенiй“ Морраса: Мертвые и живые, большiе и малые, Гамбетта и Викторъ Гюго, Бертелло и Золя, Мильеранъ и Рибо, Клемансо и Дешанель, Жоресъ и Делькассэ, Рауль

Гинсбургъ и Мечниковъ, философъ Бергсонъ и генералъ Персень, историкъ Оларъ и десятки другихъ прошли передъ судомъ въ этомъ универсальномъ каталогѣ клеветы и диффамаци, гдѣ даже проскальзывающая моментами правда обличенія служила, по крайней мѣрѣ у Додэ, исключительно цѣлямъ лжи и политическаго шантажа. Еще во время дѣла Дрейфуса, Додэ называлъ Золя, содѣйствовавшего, между прочимъ, его обогащенію, своимъ „вторымъ отцомъ“; это не помѣшало ему позже писать: „Золя—это поганая инородческая навозная куча въ 60 тоннъ или томовъ, на которой, наиболѣе логическимъ въ мірѣ образомъ, должна была процвѣсти измѣна, это жирное растеніе республики“. Мечниковъ—это „juif de crottes de chien... Metchnicrotte“. Генералу Серрайлю Додэ желалъ разжалованья и еще кнута...

Изъ обширной коллекціи предъявленныхъ суду цитатъ приведемъ еще два-три примѣра. Вотъ характеристика Аристиды Бріана: „Воспитанный на колѣняхъ публичныхъ дѣвицъ, онъ перешелъ затѣмъ ко всеобщей стачкѣ, оскорбленію общественныхъ нравовъ и антимилитаризму. Онъ останется недостойнымъ жалости ренегатомъ, котораго надо показывать такимъ, какъ онъ есть: какъ отчаяннаго апаха, худо отполировавшагося въ качествѣ спасителя отечества, такъ что профессиональная татуировка обнаруживается при всякомъ случаѣ... Но никогда Аристидъ Бріанъ не бываетъ такимъ ужаснымъ, какъ въ торжественныхъ случаяхъ. Онъ производитъ тогда такое впечатлѣніе, будто онъ укралъ на выставкахъ разныхъ магазиновъ свой сюртукъ, свой галстукъ, свои ботинки, свою шляпу. Его изысканныя манеры, усвоенныя въ шесть уроковъ, вполне достойны джентльмена, который выполняетъ обязанности билліарднаго маркера“.

Вотъ отзывъ Додэ о республиканской юстиціи: „Высшая магистратура режима, эта распутница на службѣ у измѣны“... А вотъ какъ Моррасъ писалъ о самой республикѣ: „Что было и останется у насъ нѣмецкимъ (!), это республика. Нужно покончить съ ней, если хотятъ покончить съ измѣной, которая является ея головой и сердцемъ“.

Процессъ совпалъ съ восьмилѣтіемъ существованія „Action Française“. „Если въ эти восемь лѣтъ изученія и боевъ,—пишетъ Моррасъ,—королевская власть не была восстановлена на дѣлѣ, то идея короля, роялистскія тенденціи, великодушныя страсти, внушенныя превосходнѣйшей молодежи личностью, принципами и политикой монсеньора герцога Орлеанскаго, выполнили часть, очень большую часть общественнаго служенія, нераздѣльнаго съ монархіей. Моральное царствованіе Филиппа 8-го Изгнанника должно быть зачтено въ качествѣ одного изъ высшихъ мистическихъ элементовъ пробужденія, сопротивленія и побѣды“...

Несомнѣнно, что Моррасъ и его друзья надѣялись на болѣе скорое превращеніе „моральнаго“ царствованія въ матеріальное, которое они рассчитывали и рассчитываютъ установить при помощи отнюдь не однихъ только духовныхъ средствъ. Они одно время крѣпко надѣялись, между прочимъ, на анархо-синдикалистскіе элементы, на ихъ вражду къ парламентаризму. Если социализмъ есть партія, одна изъ партій режима, то синдикализмъ есть отрицаніе режима и можетъ превратиться въ одну изъ „сословныхъ“ опоръ возрожденной монархіи. Такова была доктрина Морраса. А текущая практика состояла въ томъ, что и монархисты и синдикалисты находились въ жестокой борьбѣ съ полиціей Клемансо и Бріана. Редакторы „Action Française“ встрѣчались въ политической тюрьмѣ съ редак-

торами „Guerre Sociale“, жили въ теченіе мѣсяцевъ бокъ о бокъ и выносили другъ о другѣ наилучшее впечатлѣніе. Монархистъ Пюжо печатно отзывался въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ о качествахъ ума и сердца Альмерейда и др. Это „послѣдніе республиканцы“ съ идеей. Окончательное разочарованіе въ республикѣ приведетъ ихъ къ монархіи.

Но этого не произошло, и сближеніе крайняго лѣваго фланга съ крайнимъ правымъ не пошло дальше отдѣльныхъ декадентскихъ исключеній. Если анархосиндикалисты и анархо-соціалисты, типа Альмерейда и Эрве, въ чемъ дѣйствительно разочаровались, такъ это въ своемъ разочарованіи буржуазной республикой. Уже до войны они стали,—правда, въ условной формѣ,—обнажать государственническое дно своихъ анархическихъ сердець, а съ момента возникновенія войны ангажировались въ качествѣ офиціозныхъ журналистовъ. Отсюда клокочущая ненависть къ нимъ со стороны вожаковъ роялизма, ненависть обманутыхъ ожиданій. Съ другой стороны, для людей, какъ Альмерейда, которые такъ быстро научились поклоняться тому, что сжигали, утрированная крикливая борьба противъ опасности роялизма стала единственной возможностью поддержать видимость какой-то идейной пріемственности съ „лѣвой“ точки зрѣнія. Отсюда новый парадоксъ, пришедшій на помощь старому. Когда антимилитаристы-антипатріоты были въ разгарѣ своей дѣятельности, а *camelots du roi* собирались натоѣ недѣлѣ въ четвергъ возстановить національную королевскую власть, между этими крайними полюсами отношенія были въ высшей степени джентльменскія, а роялисты прямо заигрывали съ анти-милитаристами. Когда же и тѣ и другіе какъ будто приблизились къ существующему режиму, торжественно признавъ „священное единеніе“ (*L'union*

Sacrée), и обязались поддержать республику въ ея борьбѣ противъ внѣшняго врага, отношенія между этими двумя группами приняли такую форму, что приходится вмѣстѣ съ Леономъ Доде въ самомъ неопытномъ углу вокзала искать подходящаго образа для ихъ характеристики.

Очная ставка въ судѣ состоялась. И судъ сказалъ, что честь двухъ пандиффаматоровъ именемъ Филиппа 8-го оцѣнивается въ 15 луидоровъ. Каково было бы рѣшеніе суда, если бы отвѣтчикомъ въ этомъ же дѣлѣ выступалъ Альмерейда, мы не знаемъ. Но думаемъ, что редакторъ „Bonnet Rouge“ имѣетъ основанія быть довольнымъ, что его собственная честь не подверглась судебной оцѣнкѣ.

Что касается „Action Française“, то она послѣ приговора продолжаетъ идти своей дорогой. Доде печатаетъ n+1-й доносъ на внутреннихъ нѣмцевъ и требуетъ, чтобы его не позже, какъ завтра, назначили министромъ внутреннихъ дѣлъ, а Моррасъ добавляетъ: въ процессѣ „Bonnet Rouge“ обанкротившаяся юстиція лишній разъ осудила республиканскій режимъ.

Война доставила французскимъ роялистамъ возможность слишкомъ часто наблюдать, какъ ихъ вчерашніе противники изъ республиканскихъ пацифистскихъ круговъ повторяютъ сегодня ихъ соображенія и доводы. Было бы вздоромъ ждать и опасаться, что роялисты выйдутъ побѣдителями. Но война еще не закончилась, ея урокамъ и послѣдствіямъ еще не начали подводить политическіе итоги, и роялисты еще не сказали своего послѣдняго слова...

Парижъ, 26-го марта 1916 г.

Парвусъ.

Въ Константинополѣ русскій революціонеръ съ интернаціональнымъ именемъ выпустилъ прокламацію, въ которой провозглашаетъ Турцію и ея средневропейскихъ союзниковъ оплотомъ демократіи. Въ Софіи нѣмецкій социаль-демократъ на русскомъ языкѣ передъ болгарскою аудиторіей защищалъ младотурецкую идею. Это — Парвусъ, котораго мы въ теченіе ряда лѣтъ считали другомъ, котораго теперь вынуждены занести въ списокъ политическихъ покойниковъ.

Два десятилѣтія Парвусъ занималъ достойное мѣсто въ рядахъ нѣмецкой социальдемократіи. Всесторонне образованный марксистъ, пролетарскій политикъ съ неподдѣльной классовой интуиціей, дальнозоркій публицистъ съ мѣткимъ полемическимъ ударомъ, писатель съ мужественнымъ стилемъ, революціонеръ съ непримиримымъ недоверіемъ ко всѣмъ силамъ правящаго общества, „цѣпная собака революціи“, по превосходному и глубоко-лестному отзыву „Frankfurter Zeitung“ — такимъ останется Парвусъ въ исторіи нѣмецкой социальдемократіи. Его статьи о эволюціи мірового рынка, о профессиональномъ движеніи, о всеобщей стачкѣ навсегда вошли въ желѣзный инвентарь литературы социализма.

Въ русскую революцію онъ вступилъ зрѣлымъ человекомъ, съ большимъ теоретическимъ захватомъ и интернаціональнымъ идейнымъ опытомъ. Его статьи о войнѣ и революціи въ „Искрѣ“, которыми всѣ мы гордились и на которыхъ всѣ мы многому учились, ставили нашу русскую проблему на международную историческую высоту.

И если теперь иные „субъективные“ дилетанты ¹

¹) Рѣчь идетъ о писаніяхъ г. Чернова,

пытаются воспользоваться падением Парвуса для того, чтобы смахнуть его прошлое, до которого имъ ихъ ростъ не позволяетъ допрыгнуть, то трижды жалкими и недостойными остаются эти попытки,—подбитыя ватой писанія „субъективныхъ“ обличителей навсегда останутся гимназическими упражненіями передъ лучшими работами Парвуса, которыя поистинѣ дышатъ физической силой мысли.

Отвлекаясь отъ той фигуры, которая выступаетъ сейчасъ на Балканахъ подъ заслуженнымъ псевдонимомъ, авторъ этихъ строкъ считаетъ дѣломъ личной чести отдать должное человѣку, которому онъ въ смыслѣ идейнаго развитія обязанъ болѣе, чѣмъ кому бы то ни было изъ старшаго поколѣнія европейской социальдемократіи.

Вмѣстѣ съ Парвусомъ мы отстаивали въ „Началѣ“ ту мысль, что русская революція является прологомъ социально-революціонной эпохи въ развитіи Европы; что русская революція не можетъ быть „доведена до конца“ ни сотрудничествомъ пролетаріата съ либеральной буржуазіей, ни его союзомъ съ революціоннымъ крестьянствомъ; что она можетъ побѣдить лишь, какъ составная часть революціи европейскаго пролетаріата. И сейчасъ менѣе, чѣмъ когда бы то ни было, я вижу основаній отказываться отъ этого діагноза и отъ того прогноза, главная доля въ которыхъ принадлежала Парвусу. „Субъективные“ гимназисты могутъ хихикать надъ понятіемъ *перманентной революціи*, смыслъ которой имъ былъ такъ же темень, какъ не ясенъ имъ смыслъ нынѣшней катастрофы, въ которой они барахтаются съ видомъ независимости.

Вмѣстѣ съ Парвусомъ мы поставили первую рабочую газету на русской почвѣ — „Русскую Газету“ въ Петербургѣ, и у него мы учились трудному искусству, про-

стыя мысли выражать простыми словами. При непосредственномъ содѣйствіи Парвуса мы въ самую глужую эпоху революціи поставили въ Вѣнѣ рабочую газету „Правда“...

Объяснять здѣсь причины паденія Парвуса я не собираюсь. Безспорно, и этотъ случай укладывается въ общія рамки катастрофы Второго Интернаціонала. Но для одного лишь общаго истолкованія онъ слишкомъ парадоксаленъ. А для индивидуальнаго объясненія намъ не хватаетъ и мы не видимъ нужды доискиваться личныхъ причинъ. Политически для насъ вполне достаточно *фактъ*, который самъ говоритъ за себя.

Передвинувшись на крайній юго-востокъ Европы, въ Константинополь, Парвусъ вошелъ со своимъ багажомъ марксизма въ Jeune Turquie, чтобъ проводить тамъ идеи, которыхъ я не могу оцѣнить, потому что никогда за ними не слѣдилъ. А теперь, когда уже слышны отдаленные звуки историческаго набата, который онъ такъ настойчиво призывалъ, Парвусъ выступилъ на міровую арену съ багажомъ идей Jeune Turquie'a за плечами. Жалкій, постыдный конецъ!

На что онъ надѣется, Парвусъ послѣдняго пришествия, все еще пытаясь въ Софіи заломить турецкую феску на манеръ фригійскаго колпака?

Хочетъ ли онъ насъ, тѣхъ, которые знаютъ его, заставить повѣрить, что, описавъ орбиту: Берлинъ—Петербургъ—Вѣна—Константинополь,—онъ снялъ съ себя всѣ покровы политической культуры и вернулся въ золотой вѣкъ варварскаго тупоумія? Нѣтъ, мы не повѣримъ этому.

Или онъ просто рассчитываетъ на то, что его берлино-константинопольскій фальсификатъ все еще достаточно хорошъ для балканскаго сбыта? Онъ просчитается. Слишкомъ тѣсно связаны теперь балканскія

судьбы съ судьбами Европы. И часъ исторической повѣрки наступитъ раньше, чѣмъ фальсификатъ найдетъ полное размѣщеніе на рынкѣ.

Парвуса не существуетъ. По Балканамъ шатается политическій Фальстафъ, который клеветаетъ на своего покойнаго двойника. Того, что Парвусъ вписалъ въ книгу революціоннаго социализма, не вытравить ни шейхъ-уль-исламу, ни агентству Вольфа, ни русскимъ „субъективнымъ“ младенцамъ. А политическаго Фальстафа мы уступаемъ его новымъ союзникамъ цѣликомъ. Онъ какъ разъ пригоденъ на то, чтобы помогать мертвымъ хоронить своихъ мертвецовъ.

Парижъ, 14 февр. 1915.

Р. Гриммъ и О. Моргари.

Изъ южной Франціи — какъ она отличается отъ сѣверной своимъ духовнымъ складомъ и въ частности своимъ отношеніемъ къ войнѣ! — было не сложнымъ дѣломъ проѣхать въ Швейцарію, — несложнымъ для человѣка, у котораго въ карманѣ имѣется заграничный паспортъ, снабженный свѣжей фотографической карточкой и всѣми необходимыми печатями. Кстати сказать, никогда я не снимался такъ часто, какъ во время европейской войны. „Моментальные“ фотографіи — одна изъ тѣхъ отраслей промышленности, которымъ война принесла неожиданный расцвѣтъ. Въ Швейцаріи, какъ я зналъ изъ несомнѣннаго источника, предполагалась международная социалистическая конференція, и въ связи съ нею можно было надѣяться узнать тамъ не мало любопытнаго ¹⁾.

¹⁾ Авторъ отправился въ качествѣ делегата на диммервальдскую конференцію. Уклончивыя выраженія на этотъ счетъ вызваны пессимистическими соображеніями.

На границѣ пришлось пройти черезъ большія мытарства: журналистовъ опасаются вдвойнѣ. Въ Парижѣ проживаютъ таинственные корреспонденты нѣмецкихъ газетъ, повидимому, изъ числа „нейтральныхъ“ журналистовъ. Въ „Berliner Tageblatt“, „Frankfurter Zeitung“ и пр. появляются время отъ времени письма изъ Франціи, которыя, повидимому, дѣйствительно написаны на французской почвѣ и дѣйствительно для нѣмецкой печати. Во франкфуртской газетѣ была за нѣсколько недѣль предсказана послѣдняя атака въ Шампани, — и предсказана совершенно вѣрно. Это побудило французскую полицію удвоить надзоръ надъ письмами, газетами и заграничными путешественниками. Нѣкоторыя мѣры поражаютъ своей порадоксальностью. Такъ, одно время у выѣзжающихъ изъ Франціи отбирали всѣ французскія газеты, хотя ихъ можно, разумѣется, свободно купить въ Швейцаріи; у въѣзжающихъ во Францію отбирали швейцарскія газеты, хотя ихъ безъ труда можно достать въ любомъ газетномъ кіоскѣ Парижа. Пути полиціи, даже республиканской, неисповѣдимы... У меня отобрали на границѣ одинъ экземпляръ изданной мною въ Швейцаріи брошюры на нѣмецкомъ языкѣ ¹⁾

— Какой смыслъ? — протестовалъ я. — Вѣдь эта брошюра была пропущена вашей цензурой во Францію.

— Ничего не значитъ: мы не можемъ пропускать нѣмецкихъ брошюръ.

— Даже изъ Франціи въ Швейцарію?

— Даже въ Швейцарію.

Одинъ изъ пограничныхъ чиновъ, поставленныхъ на предметъ сравнительной психологіи, заговорилъ со мною по-нѣмецки, на очень хорошемъ литературномъ языкѣ,

¹⁾ Кстати сказать, именно за эту брошюру лейпцигскій судъ приговорилъ меня заочно къ тюремному заключенію.

и послѣ двухъ-трехъ фразъ сталъ съ большою любезностью справляться насчетъ внутренняго положенія въ Россіи. Я сослался на то, что за пять минутъ, остающихся до отхода поѣзда, врядъ ли возможно съ необходимой полнотой изложить свои мысли по такому обширному и сложному вопросу. Психологъ огорчился, но, какъ истинный джентльменъ, не подалъ виду. Мы раскланялись самымъ изысканнымъ образомъ. Но моей брошюры, изданной въ Швейцаріи, мнѣ не вернули.

Я поѣхалъ непосредственно въ Бернъ и обратился къ швейцарскому депутату Роберту Гримму, имя котораго не разъ называлось въ европейской прессѣ въ качествѣ одного изъ организаторовъ конференціи. Бывшій наборщикъ, и сейчасъ сохранившій многія пролетарскія ухватки, человѣкъ лѣтъ около сорока, энергичный журналистъ и ораторъ, Гриммъ является одной изъ наиболѣе выдающихся политическихъ фигуръ Швейцаріи. Депутатъ національнаго парламента, онъ стоитъ во главѣ бернскаго рабочаго движенія, редактируетъ его органъ и является фактическимъ лидеромъ лѣваго крыла швейцарской соціаль-демократіи. За предѣлами Швейцаріи имя Гримма до войны было сравнительно мало извѣстно. Но за эти 15 мѣсяцевъ произошла большая перемѣна. Гриммъ сразу занялъ крайне критическую позицію по отношенію къ поведенію какъ германской, такъ и французской соціаль-демократіи. Но такъ какъ газета его издается на нѣмецкомъ языкѣ, то удары свои онъ направлялъ, главнымъ образомъ, противъ нѣмецкой партіи. Это создало ему внимательную аудиторію въ Германіи въ средѣ лѣваго крыла соціаль-демократіи, которое со все возрастающей энергіей и съ несомнѣннымъ успѣхомъ атакуетъ позиціи такъ называемыхъ соціаль-имперіалистовъ, т.-е. правя-

щаго большинства партій, поддерживающаго политику правительства. Въ „Berner Tagvacht“ стали появляться обличительныя корреспонденціи изъ Германіи, рисовавшія черный дворъ „гражданскаго мира“ (Burgfrieden) и отраженія его во внутренней жизни социаль-демократической партіи. Борьба официальныхъ центровъ партіи противъ „оппозиціи“ (К. Либкнехтъ, Р. Люксембургъ, К. Цеткинъ, Ф. Мерингъ и др.), протекавшая сперва въ замкнутыхъ рамкахъ организаціи, вдругъ вышла наружу черезъ посредство бернской газеты и стала предметомъ общаго обсужденія. Не было недостатка въ попыткахъ воздѣйствія на Гримма, какъ нѣмца, но онѣ ни къ чему не приводили. Газета стала въ извѣстномъ смыслѣ зарубежнымъ офиціозомъ оппозиціи, къ великой досадѣ нѣмецкихъ властей, партійныхъ и государственныхъ. Въ концѣ-концовъ ввозъ „Berner Tagvacht“ въ Германію былъ запрещенъ, что, разумѣется, не мѣшаетъ ей и сейчасъ находить тамъ свое распространеніе.

Одновременно бернская социалистическая газета получила значительную популярность во Франціи, какъ нѣмецкое изданіе, совершенно независимое по отношенію къ такъ называемой нѣмецкой точкѣ зрѣнія. Ссылки на „Berner Tagvacht“ стали одно время очень часты во французской прессѣ. Въ силу абераціи, столь объяснимой въ условіяхъ нынѣшняго времени, многимъ показалось, что бернская социалистическая газета заняла франкофильскую позицію. Но недоразумѣніе вскорѣ разъяснилось. Послѣ нѣсколькихъ очень критическихъ статей газеты по адресу Геда, Самба и другихъ симпатій къ ней въ официальныхъ сферахъ французскаго социализма сильно охладѣли; зато она нашла симпатіи въ сферахъ неофициальныхъ: „оппозиція“ во французскомъ рабочемъ движеніи, какъ и въ нѣмецкомъ,

нашла въ бернской газетѣ опору, хотя и менѣе дѣйствительную въ виду разницы языка. Тѣмъ не менѣе „Berner Tagvacht“ и сейчасъ совершенно свободно получается во Франціи, тогда какъ всѣ мои попытки регулярно получать черезъ Швейцарію важнѣйшія германскія газеты разбиваются о недостаточно мотивированное сопротивленіе пограничныхъ французскихъ властей.

Положеніе „Berner Tagvacht“, въ качествѣ неофициальнаго органа „лѣваго“ или „интернаціоналистскаго“ социализма, въ центрѣ такой интернаціональной и нейтральной страны, какъ Швейцарія, естественно поставило Гримма въ самое средоточіе той организаціонной работы, которая велась почти съ начала войны съ цѣлью возобновленія прерванныхъ между социалистическими партіями связей. Гриммъ принималъ дѣятельное участіе, еще весной прошлаго года, въ небольшомъ итало-швейцарскомъ совѣщаніи въ Лугано, поставившемъ себѣ задачей созвать международную социалистическую конференцію. При организаціонномъ участіи Гримма происходила международная женская социалистическая конференція, на которой руководящая роль принадлежала Кларѣ Цеткинъ, а затѣмъ и конференція социалистической молодежи.

Рука объ руку съ Гриммомъ работалъ въ томъ же направленіи туринскій депутатъ Оддино Моргари, секретарь социалистической фракціи римскаго парламента. Итальянская партія, пережившая до войны рядъ внутреннихъ „очистительныхъ“ кризисовъ, организаціонно порвавшая съ реформистскимъ крыломъ и затѣмъ съ социалистическими франкмасонами, заняла съ начала европейской войны позицію, глубоко отличающую ее отъ германскаго и французскаго социализма. Пока Італія еще не ликвидировала окончательно узъ троист-

веннаго союза, итальянская соціалистическая партія, ведшая рѣшительную кампанію въ защиту нейтралитета, боролась непосредственно противъ опасности выступления Италіи на сторонѣ средне европейскихъ имперій. Въ этотъ періодъ итальянскій соціализмъ, давшій рѣшительный отпоръ полуправительственному, полусоціалистическому эмиссару Зюдекуму, былъ предметомъ горячихъ политическихъ похвалъ со стороны французской прессы. Но когда стала вырисовываться перспектива присоединенія Италіи къ Согласію и бывший редакторъ центрального органа—„Avanti“—Муссолини создалъ—несомнѣнно, на деньги французскаго правительства—собственную газету для агитаціи въ пользу вмѣшательства, принципиально „нейтралистская“ политика итальянскаго соціализма стала подвергаться самымъ жестокимъ осужденіямъ во Франціи. Итальянская партія стала искать опоры въ единомышленникахъ элементахъ другихъ странъ, и Оддино Моргари, по порученію своего центрального комитета, дважды ѣздилъ во Францію и Англію для подготовки международной конференціи.

Въ Парижѣ я встрѣчался съ Моргари не разъ и однажды совершилъ съ нимъ совмѣстное путешествіе до Гавра. Моргари—полная противоположность Гримму. У перваго есть нѣмецко „швейцарская“ жесткость и во внѣшнихъ очертаніяхъ, и въ складѣ рѣчи, и въ манерѣ письма. Моргари, наоборотъ, крайне мягкій человекъ, натура преимущественно художественная, политикъ-психологъ. Печать мягкости и добродушія лежитъ на его подчеркнуто крупныхъ чертахъ лица южанина. Въ теоретической области Гриммъ—нѣмецкій марксистъ; онъ далъ нѣсколько интересныхъ изслѣдованій въ духѣ материалистическаго метода. Моргари—„интегралистъ“. Онъ обвиняетъ марксизмъ въ упрощеніи дѣйствительности, признаетъ въ исторіи „множествен-

ность“ факторовъ и стремится къ „интегральной“ концепціи въ теоріи и на практикѣ. Интегрализмъ означаетъ по существу стремленіе къ гармоническому эклектизму.

Несмотря на это глубокое различіе—можно бы говорить о противорѣчьи—темпераментовъ и теоретическихъ воззрѣній, Гриммъ и Моргари оказались тѣсно связаны въ своей работѣ по восстановленію международныхъ связей рабочихъ партій. Недавняя конференція въ Циммервальдѣ явилась въ значительной мѣрѣ плодомъ ихъ усилій ¹⁾.

Моргари объ Италіи.

— Никогда люди столько не ѣздили, какъ во время войны,—жалуются французы на вокзалахъ и въ вагонахъ, съ бою захватывая мѣста.

Жарко, душно, томительно... Потные солдаты, territoriaux, съ просѣдью и въ морщинахъ, требуютъ у входа проходныя свидѣтельства. Женщины провожаютъ мужчинъ въ темныхъ плисовыхъ или красныхъ суконныхъ штанахъ, гладятъ ихъ по лицу и нѣжно держатъ за руки. Не сливаясь съ толпой, движутся въ ней темно-

---

¹⁾ Сейчасъ, три года спустя послѣ описанныхъ здѣсь событій, нельзя не отмѣтить хоть въ двухъ словахъ дальнѣйшей судьбы Гримма. Въ его радикализмѣ оказалось слишкомъ много мелкобуржуазнаго швейцарскаго филистерства, которое болѣе близкимъ наблюдателямъ его дѣятельности было замѣтно уже и тогда. Гриммъ сдѣлалъ попытку вмѣшаться въ международную политику—въ интересахъ русской революціи—при помощи методовъ закулисной и притомъ чисто личной дипломатіи. На этомъ онъ сорвался. Буржуазная пресса всѣхъ странъ Согласія пыталась изобразить его—послѣ высылки изъ Россіи—какъ наемнаго агента Германіи. Это, разумѣется, клевета. Гриммъ палъ жертвой филистерскаго самомирія захолустнаго „государственнаго человѣка“, который ощутилъ въ себѣ призваніе спасать революцію при помощи методовъ, противныхъ ея существу.

желтыя фигуры англичанъ, иногда индусовъ съ оливковыми лицами. Съ вокзала Сень-Лазарь поѣздъ идетъ на сѣверо-западъ, въ Гавръ, центральную базу великобританской экспедиціонной арміи. Съ итальянскимъ депутатомъ Моргари, извѣстнымъ своимъ участіемъ въ Циммервальдской конференціи, мы занимаемъ мѣста въ туго набитомъ купѣ, и поѣздъ трогается, провожаемый движеніями и взорами осиротѣлыхъ женщинъ. Наиболѣе счастливы ѣдутъ сами, съ мужьями или къ мужьямъ, съ сыновьями или къ сыновьямъ. Томительно, несмотря на прекрасный въ своей спокойной отчетливости французскій пейзажъ. Всѣ слова сказаны за этотъ почти-годъ, всѣ опасенія выражены, всѣ утѣшенія выслушаны, — само слово человеческое какъ бы стерлось и утратило свою убѣдительность. Прорѣзывая частые туннели, поѣздъ мчится внизъ по теченію Сены, то приближаясь, то удаляясь отъ воды. У насъ въ купѣ, кромѣ двухъ женщинъ въ черномъ, старой и молодой, съ опухшими глазами, томятся: англійскій офицеръ, французъ-врачъ, руанскій журналистъ, итальянскій депутатъ и авторъ этихъ строкъ. Англійскій офицеръ, какъ полагается, молчаливъ, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ полагается, не знаетъ французскаго языка.

Моргари ѣдетъ въ Лондонъ.

— Почему черезъ Гавръ?—съ удивленіемъ спрашиваетъ врачъ-французъ. — Черезъ Булонь несравненно спокойнѣе и безопаснѣе, приходится оставаться на морѣ всего часъ, тогда какъ черезъ Гавръ—около пяти часовъ.

— Вотъ именно потому черезъ Гавръ,—съ добродушной улыбкой отвѣчаетъ туринскій депутатъ: — чтобы набраться побольше „эмоцій“...

Французы округляютъ глаза и разводятъ руками. У всякаго, конечно, свой вкусъ. Но гоняться въ Ламанъ

пѣ за эмоціями въ то время, какъ нѣмецкія подводныя лодки гоняются тамъ за пассажирскими пароходами,— нѣтъ, этого нельзя назвать очень практичнымъ!..

Всѣ поочередно набрасываются на Моргари съ вопросами относительно внутренней и вѣшной итальянской политики и „авторитетныхъ“ надеждъ на ходъ военныхъ операцій. Депутатъ охотно отвѣчаетъ. Хотя и съ яркимъ итальянскимъ акцентомъ, онъ свободно говоритъ по-французски. Недюжинный психологъ, съ проникательнымъ аналитическимъ умомъ, Моргари даетъ яркіе отвѣты, моментами переходящіе въ парадоксы. Бесѣда незамѣтно превращается въ импровизированную лекцію. Попытаемся схватить ея существо: оно заслуживаетъ вниманія.

— Нація и война! Но это ваша общеевропейская ошибка, господа, когда вы говорите объ итальянской націи. Ея нѣтъ! Вотъ вы изумлены,—тѣмъ болѣе я буду настаивать на этомъ утвержденіи. Есть дюжина итальянскихъ націй. Не только въ томъ смыслѣ, что на ряду съ литературнымъ итальянскимъ языкомъ существуютъ діалекты, понятные только въ предѣлахъ своихъ провинцій, но потому, что все еще имѣются палицо замкнутыя сферы культуры и нравовъ, съ глубокими различіями уровня развитія, наконецъ, до сихъ поръ не разложившіяся еще отложенія разныхъ расъ. Есть на сѣверѣ области совершенно нѣмецкаго склада. И есть провинціи, которыя по характеру, жизни и темпераменту ближе всего къ Франціи. Есть области старыхъ греческихъ колоній, гдѣ царитъ вѣроломство, „la foi grèssue“, есть области арабскаго и цыганскаго типа. Вы знаете, что итальянцы музыкальны? Но есть провинціи, совершенно лишенныя музыкальнаго духа. Есть области трудолюбивыя, съ системой въ работѣ и съ культурной выдержкой. На югѣ неподвижность, косность и

лѣвъ. Хорошо организованный, пропитанный политическими тенденціями клерикализмъ сѣвера цѣлой культурной эпохой отдѣленъ отъ первобытныхъ живописно-языческихъ суевѣрій юга. Наряду съ самой утонченной культурой, ни въ чемъ не уступающей французской, имѣются очаги самаго настоящаго, нисколько не риторическаго варварства. Есть провинціи республиканскія и социалистическія, и есть области средневѣковаго разбойничества. Я вамъ говорю, всѣ европейскіе—и не только они, но и азіатскіе, и африканскіе—національно-расовые и культурные типы представлены у насъ. Вотъ почему такъ трудно давать общія характеристики итальянской политики.

— Возьмите роль Джіолитти и его сторонниковъ въ настоящей войнѣ: вѣдь это въ своемъ родѣ политическое чудо! Изъ 508 депутатовъ парламента къ отстаивавшемуся Джіолитти нейтрализму присоединилось 300 человѣкъ. Если прибавить четыре съ половиной десятка социалистовъ, то партія охраненія нейтралитета представится совершенно, казалось бы, непреодолимой. Между тѣмъ, что мы видимъ послѣ стратегической отставки кабинета Салаандры? Палата вотируетъ министерству неограниченныя полномочія, т.-е. фактически высказывается за войну—противъ 74 голосовъ. Если откинуть 48 социалистическихъ голосовъ (голосованіе, какъ помните, было тайное), на долю джіолиттіанцевъ придется максимумъ какихъ-нибудь 25 голосовъ. Куда же дѣвались остальные 275? Чтобы понять тутъ что-нибудь хоть приблизительно, нужно знать, что такое джіолиттіанцы. Это не политическая партія, связанная какой-нибудь, хотя бы и очень неопредѣленной программой. Это административно-парламентская дружина, коалиція локальныхъ и личныхъ интересовъ, политическихъ амбицій и префекторскаго могущества. Что такое нашъ югъ?

Во многихъ отношеніяхъ—средневѣковье. Но этому средневѣковью сѣверъ далъ почти всеобщее избирательное право. Массовые избиратели, крестьяне или городская мелкота, отдають голоса по случайнымъ, въ политическомъ смыслѣ, побужденіямъ, чаще всего не безкорыстнымъ. Нотабли отдають голоса той партіи, которая имѣетъ больше всего шансовъ на власть. Это партія Джіолитти съ ея могущественными префектами. Самъ бывший префектъ, Джіолитти владѣетъ избирательнымъ механизмомъ, какъ виртуозъ. Зачисляясь въ джіолиттианцы, всякій депутатъ сваливаетъ на телѣгу этой коалиціи вязанку своихъ департаментскихъ требованій и притязаній, сплошь и рядомъ хищническаго характера. Политика юга—это политика кликъ, которыя относятся къ парламенту, какъ дикарь къ деревянному идолу, сосутъ захваченныя ими коммуны и требуютъ отъ государства законовъ себѣ на потребу. Безъ префекта они ничто, съ префектомъ—все. Джіолитти имъ даетъ префекта. Вотъ почему всѣ южане, можно сказать, безъ исключенія,—джіолиттианцы. То, что у насъ понимается подъ именемъ джіолиттизма, не есть ни партія, ни политическое направленіе, но система дѣйствій: эксплуатація государственнаго аппарата въ интересахъ провинціальныхъ шаекъ, политическое давленіе на выборахъ, карьерныя обольщенія, раздача большихъ и малыхъ концессій, прямой подкупъ, сложная система то тонкихъ, то грубыхъ манипуляцій, макіавелизма и полицейской дубины, въ результатѣ чего старое парламентское большинство возвращается на свои мѣста съ Джіолитти, какъ средоточіемъ. Самъ онъ, этого тоже не нужно упускать изъ виду, гораздо выше своей клиентеллы и собственной славы. Джіолитти лучше джіолиттизма. Сѣверянинъ, пьемонтинецъ, родомъ изъ мелкобуржуазной трудовой семьи, трудолюбивый, спокойный,

трезвый, чуждый латинской риторики, Джіолитти представляет германское начало въ итальянской политикѣ. Его симпатіи, несомѣнно, на сторонѣ нѣмецкой культуры. Монархистъ и консерваторъ, онъ, однако, совершенно чуждъ консервативнаго доктринерства. Наоборотъ, онъ оппортунистъ, готовъ идти на очень большія уступки тому, что называется „духомъ времени“—всегда въ консервативныхъ дѣлахъ. На сѣверѣ онъ имѣетъ дѣйствительныхъ политическихъ сторонниковъ, тѣхъ, которые вмѣстѣ съ нимъ стремятся къ консолидаціи Италіи на твердыхъ буржуазныхъ основахъ. Но чтобы дѣлать политику, нужно имѣть большинство, а въ нашей разбитой на разныя культурныя области странѣ нельзя сплотить партію программнымъ единствомъ. Здѣсь-то и вступаетъ въ свои права джіолиттизмъ, политика *sans scrupulus*, подчиняющая провинціальныя клики—*sans foi ni loi*—очереднымъ задачамъ капиталистически-консервативнаго государства и дополняемая демократическими уступками. Эта стратегія личныхъ и групповыхъ комбинацій дѣйствительна только въ извѣстныхъ предѣлахъ. Война подвергла ее испытанію и въ результатѣ—крушеніе. Джіолитти былъ противъ войны по соображеніямъ государственно-консервативнаго характера. Милитаристическія увлеченія вообще совершенно не свойственны этому коммерчески-дѣловому уму. Его, какъ извѣстно, обвиняютъ даже въ томъ, что онъ „запустилъ“ армію. Правда, Джіолитти провелъ триполитанскую войну. Но никто вѣдь не думалъ тогда, что дѣло окажется столь сложнымъ, рассчитывали на такъ называемую военную прогулку. Вѣроятно же всего, что именно триполитанскій опытъ укрѣплялъ Джіолитти въ его нейтрализмѣ. Но у Джіолитти не оказалось партій. Если 300 депутатовъ заявили о своемъ присоединеніи къ нему, то только въ расчетъ на то, что Джіо-

литти возьметъ въ свои руки власть. Но когда правительство показало, что не хочетъ сдаваться, и начало третировать нейтралистовъ, какъ предателей и агентовъ Австрiи, джіолиттіанцы разбѣжались, какъ испуганныя мыши. Недаромъ ихъ шефъ научилъ ихъ цѣнить государственную власть: въ критическую минуту они стали на ея сторону, перемѣнивъ только имя господина. Нѣкоторые хитроумные французскіе публицисты пытались раскрыть загадку мистерiи 20 мая, приписывая Джіолитти роль тайнаго соучастника Саландры. Это, разумѣется, пустяки. Дѣло, какъ видите, и гораздо проще, и гораздо сложнѣе.. Послѣ своего жестокаго краха Джіолитти отошелъ въ тѣнь: съ момента итальянской интервенціи онъ не обмолвился ни однимъ словомъ. Совершенно ясно, что онъ выжидаетъ своего часа.

— О военныхъ операціяхъ могу сказать немного. Несомнѣнно прежде всего, что министерство Саландры сдѣлало за десять мѣсяцевъ войны все, что можно было, чтобъ пополнить нехватки и задѣлать прорѣхи. По всѣмъ признакамъ, война и на нашемъ фронтѣ принимаетъ затяжной позиціонный характеръ. Гористый рельефъ мѣстности какъ нельзя болѣе содѣйствуетъ этому. Чтобъ идти впередъ, нужно въ три-четыре раза больше силъ, чѣмъ для того, чтобы обороняться. Врядъ ли можно поэтому ждать на нашемъ фронтѣ быстрого развитія военныхъ операцій.. О финансахъ тоже не могу сказать многое. Да и кто можетъ теперь сказать что-нибудь опредѣленное и точное — и не только въ Италіи — о финансовой сторонѣ нынѣшней войны? У насъ говорили, что Англія предложила Италіи два миллиарда лиръ безъ процентовъ; Италія же потребовала — и получила — четыре миллиарда изъ двухъ процентовъ. Насколько это достовѣрно, сказать не могу. Финансо-

вые операціи и планы покрыты почти такой же тайной, какъ и военные.

Вечеръ сталъ прохладнѣе. Въ окна видна Сена, ровная и ясная, межъ зеленыхъ береговъ. Она несетъ здѣсь по Нормандіи свои воды къ могучему устью. Дѣловой культурой вѣетъ отъ охватывающихъ Сену мостовъ, отъ баржъ съ углемъ, которыя тащитъ на буксирѣ пароходъ. Здѣсь не рѣдкость еще встрѣтить крестьянскіе домики, крытые соломой. Весь пейзажъ дышитъ спокойнымъ напряженіемъ труда. Только дамы въ черномъ да вагоны Краснаго Креста, попадающіеся навстрѣчу, напоминаютъ о войнѣ. На большихъ станціяхъ сестры съ кружками: „Pour nos blessés“. Мнѣ вспоминается ясное осеннее утро съ холодкомъ, когда я вѣхалъ во Францію изъ Швейцаріи. Тогда война была еще вновь и казалась, несмотря на все, невѣроятной, всѣ впечатлѣнія воспринимались съ неповторяющейся отчетливостью. Сестры съ повязками на рукахъ, какъ и теперь вотъ, открывали двери вагоновъ и говорили: „Pour nos blessés!“ Публика опускала монеты гораздо щедрѣе, чѣмъ теперь. За протекшіе мѣсяцы всѣ стали бѣднѣе деньгами, энтузіазмомъ, надеждами, — богаче скорбью. Тогда, осенью, когда французскій каштанъ уже сплошь тронулся желтизной, всѣ съ тревогой говорили о зимней кампаніи и съ надеждой о великомъ наступленіи весной. Послѣ того прошла зима и весна и вотъ лѣто уже катится навстрѣчу осени. И снова съ тревогой говорятъ въ вагонахъ и въ семьяхъ о предстоящей зимѣ...

Х. Раковскій и В. Коларовъ.

Въ помѣщеніи редакціи „Berner Tagwacht“ я засталъ чрезвычайно интернаціональное общество совершенно

необычайнаго для нынѣшняго времени состава. Здѣсь были два берлинскихъ редактора, одна дѣятельница женскаго рабочаго движенія изъ Штутгарта, два французскихъ синдикалиста, — секретарь союза металлистовъ Мергеймъ и союза бондарей Бурдеронъ, — докторъ Раковскій изъ Бухареста, одинъ полякъ и одинъ швейцарецъ. Это были, какъ оказалось, первые делегаты, прибывшіе на конференцію. Гримма не было, — онъ совершалъ небольшое агитаціонное путешествіе по своему округу и долженъ былъ вернуться къ вечеру. Моргари находился въ Лондонѣ и отъ него ждали съ часу на часъ телеграммы о выѣздѣ англичанъ.

Въ лицѣ Раковского я встрѣтилъ стараго знакомаго. Христю Раковскій — одна изъ наиболѣе „интернаціональных“ фигуръ въ европейскомъ движеніи. Болгаринъ по происхожденію, но румынскій подданный, французскій врачъ по образованію, но русскій интеллигентъ по связямъ, симпатіямъ и литературной работѣ (за подписью Х. Инсарова онъ опубликовалъ рядъ журнальных статей и книгу о третьей республикѣ на русскомъ языкѣ), Раковскій владѣетъ всѣми балканскими языками и тремя европейскими, активно участвовалъ во внутренней жизни четырехъ социалистическихъ партій — болгарской, русской, французской и румынской — и теперь стоитъ во главѣ послѣдней.

Политика молодой румынской социалистической партіи въ эту эпоху войны была до извѣстной степени параллельна политикѣ итальянской партіи. Отстаивая нейтралитетъ, румынскіе социалисты встрѣчаютъ горячія похвалы или же столь горячія порицанія со стороны нѣмцевъ и французовъ — въ зависимости отъ того, въ какую сторону клонило бухарестское правительство и противъ какого уклона направляли въ данный моментъ свои удары социалистическіе „нейтраллисты“. Зюдекумъ

приѣзжалъ прошлой осенью въ Бухарестъ, чтобы „воодушевить“ румынскихъ социалистовъ къ сопротивленію противъ вмѣшательства въ войну на сторонѣ державъ согласія. Его содѣйствіе было однако отклонено. Но, съ другой стороны, когда бывший депутатъ Шарль Дюма, нынѣшній шефъ кабинета Жюля Геда, обратился въ маѣ этого года къ своему старому другу Раковскому съ письмомъ, развивающимъ официальную французскую точку зрѣнія на войну, Раковский отвѣтилъ ему цѣлою политической брошюрой, мягкой по тону, но очень рѣшительной по существу (*Les socialistes et la guerre. Bucaresti 1915 г.*). Въ этой брошюрѣ онъ развиваетъ ту мысль, что между официальной тактикой французской и нѣмецкой партій нѣтъ принципиальной разницы, но что внутри каждой изъ этихъ національных партій вырисовываются двѣ непримиримыя концепціи:

„Мы имѣемъ предъ собою не двѣ тактики, а два социализма. Такова истина“ (стр. 48).

— Будете ли воевать?

— Спросите объ этомъ у болгаръ, — отвѣчаетъ намъ Раковский. — Наше правительство, пока что, держится за нейтралитетъ. Но есть слишкомъ много основаній полагать, что вмѣшательство Болгаріи выбьетъ неустойчивую доску нейтралитета изъ-подъ ногъ министерства Братіану.

Напоминаемъ читателю, что этотъ разговоръ происходилъ въ началѣ сентября (1915 г.).

— Будете ли вы воевать? — обратился я къ прибывшему на другой день депутату болгарскаго народнаго собранія Василь Коларову, филиппопольскому адвокату, резервному офицеру, награжденному въ свое время за кампанію противъ турокъ орденомъ за храбрость.

— Будемъ! — отвѣтилъ онъ, почти не задумываясь. —

Нейтралитетъ Радославова имѣеть чисто-выжидательный характеръ. Вопросъ о судьбѣ Константинополя, какъ онъ былъ поставленъ тройственнымъ согласіемъ, оказалъ рѣшительное вліяніе на общее направленіе болгарской политики. А съ другой стороны, военныя неудачи Россіи сильно укрѣпили нашихъ германофиловъ, преемниковъ стамбуловскихъ традицій...

— Это во всякомъ случаѣ значить, что вы будете воевать на сторонѣ Германіи?

— Несомнѣнно. А развѣ вы въ этомъ сомнѣвались?

— Французская пресса дѣятельно поддерживаеъ на этотъ счетъ иллюзіи въ общественномъ мнѣніи... Какова же будетъ въ этомъ случаѣ тактика нашей партіи?

— Мы, социалисты — „тѣсняки“, какъ принципиальные сторонники нейтралитета, будемъ до конца бороться противъ вмѣшательства, а затѣмъ и противъ самой войны. Но непосредственно практическаго успѣха отъ нашего противодѣйствія мы ожидать не можемъ.

— А „широкіе“ социалисты?

— Они болѣе или менѣе тѣсно примыкаютъ къ руссофильскому блоку. Но я не сомнѣваюсь, что какъ только Радославовъ сорветъ послѣдній покровъ со своей политики и поставитъ страну передъ совершившимся фактомъ военнаго вмѣшательства, „широкіе“ социалисты, какъ и буржуазныя руссофильскія партіи, прикрываясь національными интересами, невозможностью вносить расколъ въ такой трагическій моментъ и проч. и проч., фактически склонятся предъ политикой Радославова... Правительственная пресса обрабатываетъ въ этомъ смыслѣ общественное мнѣніе изо дня въ день...

— Кстати, извѣстно ли вамъ, — продолжалъ нашъ собесѣдникъ, — что царь Фердинандъ загрызаетъ въ послѣднее время съ „широкими“ социалистами. На куорортъ онъ встѣтился съ однимъ изъ ихъ лицъ и

горько жаловался на то, что социалисты ему не доверяют, тогда какъ онъ въ душѣ своей почти цѣликомъ съ ними. Въ органѣ Малинова царя Фердинанда уже называли съ ревнивой и подозрительной ироніей вѣнценоснымъ социалистомъ...

Предвидѣнія моего проницательнаго собесѣдника, — сейчасъ онъ уже, вѣроятно, въ рядахъ болгарской арміи, въ чинѣ, если не ошибаюсь, капитана, — оправдались цѣликомъ. Едва Коларовъ успѣлъ доѣхать къ себѣ въ Пловдивъ, какъ Болгарія объявила мобилизацію. „Широкіе“ социалисты, въ качествѣ патриотовъ, обѣщали не чинить Радославову никакихъ затрудненій. „Тѣсняки“ продолжали вести свою линію до конца. Въ послѣднемъ дошедшемъ до меня номерѣ ихъ органа „Работническій Вѣстникъ“ слѣдующимъ образомъ характеризуются тѣ условія, въ какія поставлена теперь ихъ борьба противъ авантюры болгарскаго правительства: „Наши собранія не допускаются, наши воззванія и афиши конфискуются, ораторы и агитаторы разгоняются, избиваются и арестовываются, телеграммы въ нашу газету съ выраженіемъ протеста противъ націоналистическаго авантюризма и съ требованіемъ мира задерживаются“...

Раковскій и Коларовъ прибыли на конференцію не только въ качествѣ делегатовъ румынской и болгарской рабочихъ партій, но и какъ объединенные представители балканской социаль-демократической федераціи, созданной на обще-балканской конференціи, которая состоялась нынѣшнимъ лѣтомъ въ Бухарестѣ. Знаменемъ объединившихся молодыхъ балканскихъ рабочихъ партій является демократическое объединеніе всѣхъ государствъ Балканскаго полуострова, связаннаго общностью экономическихъ условій и историческихъ судьбъ. Эту программу балканскіе социалисты выдвигаютъ...

нули во время двухъ послѣднихъ балканскихъ войнъ. Сейчасъ они болѣе чѣмъ когда бы то ни было убѣждены, что только въ демократическомъ объединеніи спасеніе балканскихъ народовъ. Но къ этой цѣли исторія не проложила прямого пути. Кровавый европейскій водоворотъ вовлекаетъ и балканскія націи. Къ неизбежному объединенію онѣ идутъ чрезъ взаимопstreбленіе. Сколько глашатаевъ балканской федераціи пало въ войнахъ послѣднихъ лѣтъ! Самымъ тяжкимъ ударомъ для сербской и всей балканской рабочей демократіи явилась гибель въ этой войнѣ Дмитре Туцовича, одной изъ самыхъ благородныхъ и героическихъ фигуръ сербскаго рабочаго движенія...

Бернъ. 23-го октября 1915 года.

Сытинскій „малый“ о Раковскомъ ¹⁾.

Въ огромной идеологической службѣ тыла главнымъ орудіемъ является безспорно клевета. Кажется, вполне достаточно люди лгутъ и клеветуютъ въ мирное время. Но то, что мы наблюдаемъ съ начала войны, имѣетъ такой видъ, какъ будто бы руководящіе верхи общества, по меньшей мѣрѣ, семь лѣтъ подвергали себя нравственному посту и теперь, когда Марсъ ихъ узы разрѣшилъ, сладострастно стремятся излить всѣ накопившіяся въ нихъ за этотъ срокъ нравственныя „отложенія“. Если будущій историкъ культуры съ ужасомъ будетъ писать о нынѣшней бессмысленной бойнѣ, то съ какимъ же омерзѣніемъ, съ какимъ стыдомъ за отцовъ

---

¹⁾ Мы помѣщаемъ здѣсь же замѣтки, напечатанная нами въ газетѣ *Наше Слово*, одну—въ связи съ клеветой на Раковского въ русской печати, другую—въ связи съ его арестомъ въ Румыніи.

своихъ станеть онъ писать о работѣ такъ называемыхъ отвѣтственныхъ депутатовъ, дипломатовъ и служащихъ журналистовъ.

Что большая русская пресса займетъ въ этой главѣ позора подобающее великой державѣ мѣсто, сомнѣваться въ этомъ было бы ложной національной скромностью. А въ эту большую русскую прессу г. Амфитеатовъ изъ всѣхъ силъ тщится внести возможно болѣе серьезный вкладъ, счастливо сочетая навыкъ суворинца съ репутаціей бывшаго краснаго человѣка. Еще совсѣмъ недавно Амфитеатовъ писалъ исторію извѣстныхъ помѣщиковъ, Обмановыхъ, сплошь женатыхъ на нѣмкахъ, а нынѣ доискивается, не женаты ли на нѣмкахъ тѣ итальянскіе политики, которые не желаютъ брататься съ помѣщикомъ Обмановымъ. Еще вчера его, вольноотпущеннаго нововременскаго жидоѣда, назойливо каявшагося въ грѣхахъ, обвиняли въ томъ, что онъ проданъ евреямъ; а сейчасъ онъ самъ ищетъ мотивовъ поведения итальянскихъ интернаціоналистовъ въ томъ, что они продались нѣмцамъ.

Раковскій пріѣхалъ въ Италію, какъ социалистъ къ социалистамъ. Для чего же и снаряженъ Амфитеатовъ сытинской фирмой въ Римъ, какъ не для того, чтобы оболгать и оклеветать Раковского! Конечно, сейчасъ на всемъ свѣтѣ свирѣпствуетъ, по поводу „освободительной“ войны, злѣйшая цензура. Она суетъ свой носъ въ типографскія гранки, она заглядываетъ въ частныя письма, она приложила свое ухо къ телеграфной проволокѣ. Но развѣ же цензура существовала когда-нибудь въ буржуазномъ обществѣ для того, чтобы охранять честныхъ людей отъ клеветниковъ? За Обмановыхъ Амфитеатовъ вылетѣлъ въ Вологду, красныя вирши свои писалъ въ эмигранствѣ, а лгать на Раковского—сдѣлайте милость,—цензура, разступись!

Раковскій-де прїѣзжалъ въ Римъ, „со своего рода официальной миссіей“. Отъ кого? Съ официальной миссіей,—значить, отъ правительства. Но Амфитеатровъ знаетъ, что это вздоръ, и прибавляетъ, что „въ этомъ нужно сомнѣваться“. Почему? „Не такой это типъ, чтобы на него возложили официальную миссію“. Не потому, значить, нѣтъ миссіи, что Раковскій не взялъ бы ея, а потому, что Раковскій—это „типъ“, да такой типъ, на котораго не возложили бы официальной миссіи. Но все же разъ нѣтъ возможности говорить объ официальной миссіи, значитъ, нѣтъ и фундамента для клеветы. Амфитеатровыхъ этимъ не смутитъ. Онъ кончаетъ свою корреспонденцію сообщеніемъ, со словъ другихъ клеветниковъ, что „Раковскій—подставное (?) лицо, присланное въ Италію для германофильской пропаганды...“

Но вѣдь Раковскій не такой типъ, чтобы его посылать? Не такой, но все же „подставной“. „Нужно сомнѣваться“, но тѣмъ не менѣе прислали. А если все-таки не прислали, то потому что „не такой типъ“. Клеветать и озирается, лжетъ и поджигаетъ хвостъ, ожидая послѣдствій.

Что за „типъ“ Раковскій, извѣстно Интернаціоналу. Это человѣкъ, который два десятилѣтія стоитъ подъ однимъ и тѣмъ же знаменемъ, который тѣснѣйшими узами связанъ съ русскимъ, французскимъ, болгарскимъ и румынскимъ социализмомъ, который свои выдающіяся силы и —позволимъ себѣ сказать и это!— свои средства отдаетъ дѣлу освобожденія пролетаріата. Къ Раковскому липкая амфитеатровщина не пристанетъ.

А съ Амфитеатрова взятки-гладки: сытинскій „малый“ по итальянскимъ дѣламъ—это такой „типъ“, на котораго можно безъ опаски возлагать всякія порученія.

Парижъ, 17 апрѣля 1915.

Къ аресту Х. Раковского.

Мы уже сообщали объ арестѣ тов. Раковского, котораго наши читатели знаютъ не только какъ революціоннаго вождя румынскаго пролетаріата, но и какъ одного изъ ближайшихъ сотрудниковъ и друзей „Нашего Слова“ съ первыхъ дней существованія газеты. Сегодняшнія телеграммы сообщаютъ, что онъ „условно“ освобожденъ, а кое-кто изъ галацкихъ властей, руководившихъ разстрѣломъ, даже смѣщенъ.

Раковскій еще задолго до этой войны сумѣлъ сосредоточить на себѣ ненависть всей правящей Румыніи. Если поверхностно отполированныхъ бандитовъ, которые правятъ судьбами этой несчастной страны, въ прежнія времена могла бы остановить забота о такъ называемомъ общественномъ мнѣніи Европы, то теперь, разумѣется, о такой сантиментальности не можетъ быть и рѣчи. Если что могло на этотъ разъ парализовать размахъ палаческой руки, такъ это опасенія осложненій со стороны румынскихъ рабочихъ. Несмотря на слабость развитія румынской промышленности, молодой энергичный пролетаріатъ, выдвинувшій изъ собственной среды такихъ даровитыхъ вождей, какъ Кристеску, Фриму, Маринеску и др., играетъ крупную роль въ этой странѣ темныхъ крестьянскихъ массъ и засилья паразитическихъ и чокойскихъ кликъ.

Если „либеральное“ министерство Брагіану, занимая выжидательную позицію, „терпѣло“ еще до поры до времени антимилитаристскую агитацію социалистовъ, видя въ ней до извѣстной степени противовѣсъ работѣ наемныхъ пропагандистовъ вмѣшательства Румыніи въ войну, то чѣмъ дальше, тѣмъ больше социалистическая агитація, ведшаяся со смѣлымъ революціоннымъ размахомъ, становилась стѣснительной и опасной для ру-

мынской олигархін. Наступленіе русскихъ войскъ и занятіе ими Буковины, совершенное главнымъ образомъ въ цѣляхъ давленія на Румынію, снова создавали критическое положеніе для министерства Братіану и побуждали его освободить себѣ руки для всякихъ „возможностей“. Попытка „связать“ такого опаснаго врага, какъ Раковскій, и задуть соціалистовъ-рабочихъ напрашивалась сама собою, а стачка въ Галацѣ, приведшая къ кровавому конфликту, создавала для этого благоприятный поводъ. Эту первую мѣру правительство сейчасъ же дополнило запрещеніемъ уличныхъ манифестацій. Раковскій освобожденъ „условно“. Можно не сомнѣваться, что употребленіе, какое судебныя палатки Бухареста или Галаца сдѣлаютъ изъ этой „условности“, будетъ тѣмъ суровѣе чѣмъ болѣе правящая Румынія будетъ склоняться къ кровавому вмѣшательству въ событія.

Въ лицѣ румынской партіи и ея вождя Раковского мы имѣемъ передъ собою подлинную политику *революціоннаго интернаціонала*. Съ внѣшней стороны можетъ показаться, что тактика Раковского принципиально не отличается отъ тактики Брантинга въ Швеціи или Трэльстра въ Голландіи: тѣ тоже, какъ извѣстно, отстаиваютъ „нейтралитетъ“ своихъ странъ. Но сходство тутъ чисто-формальное: позиція Брантинга и Трэльстра имѣетъ національный, а не классовый характеръ. Они защищаютъ и будутъ защищать нейтралитетъ „разумными“, мирными, „лояльными“ мѣрами, которыя не создаютъ международныхъ затрудненій ихъ правительствамъ. Въ тотъ моментъ, когда Швеція или Голландія окажутся накануне вмѣшательства въ войну, — силою ли обстоятельствъ или волею буржуазныхъ классовъ, — Брантингъ и Трэльстра сложатъ свое мнимо-оппозиціонное оружіе и станутъ подъ знамя „національной обороны“.

Вполнѣ естественно, если ихъ правительства поспѣшатъ закрѣпить эту открытую капитуляцію включеніемъ социалистовъ въ свой составъ. Другими словами, чѣмъ ближе вмѣшательство нейтральныхъ странъ въ войну, тѣмъ ближе „нейтраллисты“ Брантинги къ министерскому портфелю, а Раковскіе—къ тюрьмѣ. Это „практическое“ различіе достаточно ярко характеризуетъ разницу двухъ тактикъ.

Парижъ, 4 іюля 1916 г. _____

Гаазе—Эбертъ—Давидъ!

4 августа 1914 г. декларацию въ защиту перваго пятимилліарднаго кредита огласилъ Гаазе. Въ декабрьской сессіи рейхстага та же миссія была возложена на Эберта. Въ нынѣшней сессіи голосованіе за десятимилліардный кредитъ обосновывалъ отъ имени социалдемократин Давидъ. И самая миссія и передвиженіе миссіи отъ одного къ другому имѣютъ символическій характеръ. Гаазе приобрѣлъ въ партіи вліяніе въ ту эпоху, когда русская революція укрѣпила въ ней лѣвое крыло. Эбертъ — рабочий, способный и энергичный партійный бюрократъ, выразившій всегда линію офіціального центра. Давидъ, — южанинъ, баденскій государственный мужъ, образованный филлистеръ и великій человекъ на малыхъ дѣлахъ. Эти три лица тѣсно связаны съ довоенной борьбой вокругъ бюджетнаго вопроса. Давидъ былъ вдохновителемъ южанъ въ ихъ демонстративныхъ голосованіяхъ за великогерцогскій бюджетъ. На дортмундскомъ съѣздѣ, гдѣ разбирался вопросъ, Гаазе, въ качествѣ лидера лѣваго крыла, имѣвшего свои особыя засѣданія, предъявилъ Ц. Комитету ультиматумъ: голосованія за бюджетъ должны быть признаны несо-

вмѣстимыми съ принадлежностью къ социаль-демократіи. Официальную точку зрѣнія Ц. Комитета, близкую къ позиціи лѣваго крыла, выражалъ на съѣздѣ вмѣсто заболѣвшаго Бебеля не кто иной, какъ Эбертъ. Но вотъ—война! Гаазе, считавшій недопустимымъ для социаль-демократа голосовать кредиты на государственные расходы какого-нибудь баденскаго захолустья, выступаетъ съ обоснованіемъ кредитовъ на ту государственную „работу“, въ которой всѣ ужасы и все безчестіе капиталистическаго строя находятъ себѣ наиболѣе ужасающее и безчестное выраженіе. Дальше Гаазе не выдерживаетъ и переходитъ въ ряды колеблющейся, безхарактерной полу-оппозиціи лѣваго центра. Его смѣняетъ Эбертъ, офиціозный защитникъ партійной резолюціи, запрещающей кредитовать капиталистическое государство. Но и Эберту, повидимому, не по себѣ подъ тяжестью этой миссіи. Онъ отстраняется — и на трибуну рейхстага поднимается маленький, худощавый человѣчекъ, съ пріемами провинціальнаго дипломата — Эдуардъ Давидъ. Тотъ, наконецъ, на своемъ мѣстѣ. Онъ не просто выполняетъ порученіе, онъ не просто покорный рабъ обстоятельствъ, — нѣтъ, онъ чувствуетъ себя призваннымъ, наконецъ, къ выполненію своей исторической миссіи, — это его кульминація, онъ торжествуетъ свою высшую побѣду надъ идеями марксизма и революціи, онъ священнодѣйствуетъ...

Между людьми и идеями устанавливается нѣкоторое равновѣсіе. Отъ имени нынѣшней германской партіи говоритъ, наконецъ, тотъ, кому это больше всего къ лицу. Но достаточно снова хоть на одну минуту представить себѣ, съ первоначальной свѣжестью воспріятія, тотъ фактъ, что реформистъ Давидъ отъ имени германскаго пролетаріата вручаетъ Гогенцоллерну и Бетману милліарды и довѣріе на кровавую междуна-

родную работу, чтобы измѣрить ужасающую глубину паденія германской соціалъ-демократіи!

Да, Эдуардъ Давидъ, наконецъ, на своемъ мѣстѣ: онъ возглавляетъ политически и морально обезглавленную партію. Но увы! Антагонисты Давида еще не нашли своего мѣста, Либкнехтъ попрежнему одинокимъ возвышалъ свой протестующій голосъ, — ему отвѣчали хохотъ, исходившій изъ глубины патріотическихъ, а можетъ быть, и соціалъ-патріотическихъ потроховъ. Три десятка депутатовъ оппозиціи не осмѣлились нарушить „дисциплину“ по отношенію къ нынѣшнему великому вождю германскаго пролетаріата, Эдуарду Давиду: втянувъ голову въ плечи, они скрывались изъ залы рейхстага, гдѣ знамя соціалъ-демократіи снова покрывалось позоромъ.

Но понстинѣ у насъ, революціонныхъ интернаціоналистовъ, пѣтъ основанія опускать головы. Политическая побѣда Давида есть наша идейная побѣда, ибо символическое чередованіе лидеровъ германской соціалъ-демократіи на трибунѣ рейхстага даетъ персонально-физическое выраженіе той мысли, что принципы самостоятельной классовой политики пролетаріата несовмѣстимы съ принципами соціалъ-націонализма. Въ молчаніи лѣваго крыла не только безхарактерность, но и стыдъ за партію. Логика событій работаетъ, можетъ быть, медленнѣе, чѣмъ мы бы хотѣли, но она дѣлаетъ свое дѣло. Голосъ Либкнехта сейчасъ покрывается торжествующимъ хохотомъ „національнаго единства“; но въ этомъ хохотѣ внимательное ухо не могло бы не открыть тревогу за завтрашній день, когда исторія начнетъ подводить итоги. Хорошо попохочетъ въ концѣ-концовъ тотъ, чья очередь будетъ послѣдней.

Нарижъ. „Н. С.“ 28-го августа 1915 г.

Въ Циммервальдѣ.

Всѣ пріѣхавшіе на конференцію остановились въ Народномъ домѣ, тяжеловѣсномъ зданіи съ сѣрыми ассирийскими фигурами на тяжеломъ фасадѣ сѣраго камня. Въ обѣденномъ залѣ наверху тяжелая электрическая лампа и темныя краски на стѣнахъ. Нѣмецкій модернизмъ. „Мнѣ это нравится,—учтиво сказалъ французскій делегатъ Мерргеймъ, секретарь союза металлистовъ,—я бы для себя такъ не построилъ, но мнѣ это нравится“. Въ кафе Народнаго дома появились какія-то пронзительныя фигуры—ушки на макушкѣ. Это были корресподенты. Въ Швейцаріи сейчасъ обиліе французскихъ и нѣмецкихъ корреспондентовъ, посредничающихъ между этими двумя странами. „Прежде чѣмъ мы раскроемъ ротъ,—сказалъ Гриммъ,—буржуазная пресса всего міра сообщитъ о нашемъ крахѣ. Журналисты не дадутъ намъ покоя. Врядъ ли у всѣхъ окажется выдержки, чтобъ отказать имъ въ интервью. Наконецъ, они будутъ просто подхватывать отдѣльныя фразы изъ разговоровъ въ ресторанахъ. Вотъ почему я подготовилъ для конференціи помѣщеніе въ десяти километрахъ подъ Берномъ, въ небольшой деревушкѣ въ Циммервальдѣ, высоко въ горахъ“.

Въ три часа делегаты туго усѣлись на четыре повозки-линейки и отправились въ Циммервальдъ. Прохожіе съ любопытствомъ глядѣли на этотъ необычный обозъ. Делегаты шутили, что вотъ полвѣка спустя послѣ основанія международнаго общества рабочихъ весь интернаціональ усадили на четыре повозки. Но въ этихъ шуткахъ не было потъ скептицизма... Въ повозкахъ, какъ и потомъ на совѣщаніи, господствовало два языка: французскій и нѣмецкій. Англійскіе делегаты не прибыли, такъ какъ правительство, которому они

прямо заявили, что отправляются на международную конференцію, отказало имъ въ выдачѣ паспортовъ. Депутатъ Брусь Глэшеръ телеграфировалъ, что явиться не можетъ. Это упростило на одну треть лингвистику конференціи, большое мѣсто всѣхъ международных совѣщаній.

Чередованіе національныхъ европейскихъ культуръ находитъ свое явное отраженіе на судьбѣ европейскихъ языковъ. Французскіе делегаты не говорятъ ни на какомъ иностранномъ языкѣ. Въ этомъ отношеніи французы, какъ представители старой культуры, похожи на англичанъ. Нѣмцы немного говорятъ и понимаютъ по-французски. Всѣ итальянцы свободно говорятъ по-французски и нѣкоторые немного по-нѣмецки. Русскіе говорили по-французски, нѣмецки и англійски. Одной изъ переводчицъ конференціи была русская, Анжелика Балабанова, итальянская политическая дѣятельница, которая съ равной свободой переводитъ на французскій, нѣмецкій и англійскій языки. Самую длинную рѣчь она записываетъ двумя-тремя знаками,—и затѣмъ воспроизводитъ ее, переходя съ языка на языкъ съ ни съ чѣмъ несравнимой легкостью.

Всѣ безъ исключенія свободныя комнаты Циммервальда—въ отелѣ, у почтоваго чиновника, у крестьянъ—были заготовлены для делегатовъ. Тотъ же почтовый чиновникъ предложилъ затѣмъ свои услуги въ качествѣ парикмахера.

Въ свободныя минуты, которыхъ было, впрочемъ, немного, делегаты выходили на горную дорогу и любовался Монбланомъ и Юнгфрау. Писать изъ Циммервальда о конференціи было запрещено, дабы свѣдѣнія о ней не проникли прежде времени въ печать. И дѣйствительно, несмотря на обиліе въ Бернѣ корреспонденговъ, въ газетахъ ничего, кромѣ неопредѣленныхъ ука-

заній на собравшуюся гдѣ-то подъ Берномъ конференцію, не появлялось. „*Berner Tagwacht*“ могла съ чистою совѣстью утверждать, что въ Бернѣ никакой конференціи нѣтъ. Черезъ нѣсколько дней имя Циммервальда разнеслось по всему свѣту. Это произвело большое впечатлѣніе на воображеніе хозяина отеля. Честный швейцарець явился къ Гриму и заявилъ ему, что надѣется, благодаря міровой рекламѣ, сильно поднять цѣну своему владѣнію и потому готовъ... внести извѣстную сумму въ фондъ Третьяго Интернаціонала.

Завтракали и обѣдали за длиннымъ столомъ, сидя національными группами, только русскіе, въ качествѣ переводчиковъ и посредниковъ, были разбросаны въ разныхъ мѣстахъ. Послѣ обѣда Гриммъ иногда, по общему требовенію делегатовъ, мастерски пѣлъ „іудѣ“, эти странныя горловые пѣсни горцевъ, Серрати, главный редакторъ „*Avanti*“, пѣлъ народныя неаполитанскія пѣсни, Черновъ сладенькимъ теноромъ пѣлъ „разбойничковъ“, потомъ Гриммъ вставалъ и своимъ сухимъ дѣловымъ тономъ, точно не онъ потѣшалъ только что публику іудлемъ, заявлялъ, что засѣданіе немедленно открывается въ другомъ залѣ. И всѣ тотчасъ же поднимались съ мѣсть и шли на работу.

Кромѣ Гримма, какъ организатора конференціи, въ Бюро были избраны: Лаццарни, какъ представитель итальянской партіи, авторитетъ которой чрезвычайно возросъ въ теченіе этой войны; д-ръ Раковскій, представитель румынскаго пролетаріата въ балканской с.-д. федераціи; извѣстная голландская поэтесса и политическая дѣятельница Генріетта Ролландъ-Хольстъ, въ качествѣ секретаря конференціи, и Анжелика Балабанова, какъ переводчица.

Среди участниковъ конференціи было нѣсколько теченій и они уже обнаружили въ докладахъ націо-

нальныхъ делегатовъ и особенно во время преній по главному вопросу порядка дня: объ отношеніи къ войнѣ и борьбѣ за миръ.

Одна часть конференціи, стоявшая на крайней лѣвой, исходила изъ того, что старыя социалистическія партіи, какъ германская и французская, связывая свою судьбу съ судьбой капиталистическихъ государствъ въ наиболѣе отвѣтственный періодъ европейской исторіи, тѣмъ самымъ политически ликвидировали себя не только на этотъ критическій періодъ, но навсегда. Рабочія партіи смогутъ тамъ возродиться только изъ новыхъ элементовъ. Они должны повсюду поднять знамя раскола и порвать всѣ организаціонныя связи съ политиками *Burgfrieden* и *l'union sacrée* (гражданскаго мира). Наиболѣе яркимъ выразителемъ этой группы являлся на конференціи Ленинъ; къ нему и его ближайшимъ друзьямъ болѣе или менѣе тѣсно примыкали шведскій депутатъ, вождь группы лѣвыхъ, Хеглундъ и руководитель норвежскаго союза молодежи Нёрманъ.

Къ другой группѣ, игравшей на конференціи въ извѣстномъ смыслѣ роль „центра“, примыкало нѣкоторое число делегатовъ, которые съ не меньшей, чѣмъ первая группа, враждой относились къ политикѣ официальныхъ западно-европейскихъ партій. Но они не считали въ тотъ моментъ организаціонный расколъ общеприязательнымъ условіемъ работы въ духѣ интернационализма. Представители этой группы, какъ и крайней лѣвой, исходили изъ того, что крушеніе II Интернационала есть результатъ цѣлой исторической эпохи политическаго застоя и неподвижности международныхъ отношеній, по крайней мѣрѣ въ Западной Европѣ. Цѣлое поколѣніе въ рабочемъ движеніи сложилось въ атмосферѣ систематическаго приспособленія къ парла-

ментарному государству и въ критическій для этого государства моментъ связало свою судьбу съ его судьбой. Представители этой группы считали, какъ и лѣвые, что эпоха послѣ войны не будетъ ни въ какомъ смыслѣ возвратомъ къ прошлому, точно ничего не случилось. Глубокія перемѣны произойдутъ и въ нѣдрахъ социалистическихъ партій. Но поскольку дѣло идетъ о массовыхъ рабочихъ организаціяхъ, какъ на Западѣ, организаціонный расколъ, по мнѣнію центра, не вытекаетъ еще изъ политической необходимости. Дѣло идетъ пока что о непримиримой идейной и политической борьбѣ за вліяніе на массы внутри организаціи. Къ этой второй группѣ принадлежали лѣвые элементы нѣмецкой делегаціи, Ролландъ-Хольстъ, Балабанова, часть итальянскихъ делегатовъ, часть русскихъ, балканскихъ и швейцарскихъ делегатовъ.

Наконецъ, третью группу составили наиболѣе умѣренныя элементы, которые главную задачу конференціи видѣли въ демонстраціи за миръ, въ большинствѣ своемъ надѣясь, что послѣ прекращенія войны нынѣшняя націоналистическая зараза въ рабочемъ движеніи пройдетъ и все вернется въ старую колею. Въ эту умѣренную группу входила часть нѣмецкихъ делегатовъ, французы, часть итальянцевъ ¹⁾.

Совершенно ясно, что эти три группировки должны были сказываться въ неодинаковомъ отношеніи къ самымъ задачамъ конференціи. Въ то время, какъ первая группа тяготѣла главнымъ образомъ къ болѣе тѣсному подбору единомышленниковъ для борьбы внутри старыхъ партій во имя полного разрыва съ такъ назы-

---

¹⁾ Группировки, какъ онѣ бѣгло намѣчены здѣсь, развернулись и упростились. Циммервальдскій „центр“ слился съ крайнею лѣвой. Циммервальдская правая заняла мѣсто социалистическаго „центра“,—между революціоннымъ коммунизмомъ и социаль-патріотизмомъ.

ваемымъ „соціалъ-націонализмомъ“, третья группа хотѣла ограничить всю конференцію идеей манифестаціи за миръ.

Горячія схватки во время общихъ преній и затѣмъ въ комиссіяхъ происходили не по національнымъ линиямъ, а по линиямъ этихъ именно идейно-политическихъ группировокъ. Въ соотвѣтствіи съ идейнымъ составомъ конференціи было предложено три проекта манифеста. Конференція стремилась достигнуть возможнаго единодушія. Она, послѣ горячихъ преній, передала всѣ три проекта, въ качествѣ матеріаловъ, въ семичленную комиссію, состоявшую изъ Гримма, Ледебура, Ленина, Модильяни, Мергейма, Раковского и Троцкаго. Комиссія, въ свою очередь, поручила Гримму и Троцкому выработать окончательный текстъ, который и былъ принятъ съ небольшими измѣненіями комиссіей и затѣмъ въ окончательномъ видѣ единогласно всей конференціей.

Этотъ моментъ былъ очень патетическимъ. „Вѣрные“, собравшіеся на швейцарской горѣ, возстановили на скрижаляхъ старыя заповѣди Интернаціонала. Лозунги Циммервальда были брошены въ міръ, какъ призывъ къ непримиримой борьбѣ.

Парижъ, октябрь 1915 г.

Ледебуръ, Гоффманъ.

Въ теченіе перваго и втораго дня послѣ своего приѣзда въ Бернъ на конференцію въ Циммервальдѣ я встрѣтился со всѣми членами нѣмецкой делегаціи, бывшей на международную социалистическую конференцію. Ихъ было 10 человѣкъ, въ томъ числѣ три депутата рейхстага и одинъ депутатъ прусскаго ландтага.

Во главѣ делегаціи по возрасту и по популярности стоитъ Георгъ Ледебуръ. Онъ все тотъ же: событія войны не оставили на немъ внѣшняго отпечатка. Въ теченіе 7-ми лѣтъ жизни въ Вѣнѣ мнѣ приходилось часто наѣзжать въ Берлинъ, и почти каждый разъ я встрѣчался съ Ледебуromъ: въ рейхстагѣ ли, въ домѣ Каутскаго или въ кафе „Fürstenhof“, куда Ледебуръ взбирался по лѣстницѣ, прихрамывая на болѣе короткую ногу. Ледебуръ считался другомъ русскихъ и поляковъ, и его называли то Ледебуровымъ, то Ледебурскимъ. Впрочемъ, связь его съ Россіей и Польшей никогда не выходила за предѣлы чисто-парламентскихъ интересовъ или личныхъ услугъ русскимъ изгнанникамъ, тогда какъ его молодой другъ Карлъ Либкнехтъ успѣлъ въ теченіе послѣдняго десятилѣтія связать себя крѣпкими духовными узами съ молодой Россіей. Ледебуру сейчасъ должно быть 65 лѣтъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ вспоминается, что въ 1910 или 1911 году на квартирѣ у Каутскаго чествовали его 60-лѣтіе; тамъ присутствовалъ и Августъ Бебель, который вступилъ уже тогда въ восьмой десятокъ. Это былъ періодъ, когда партія достигла своей кульминаціи. Ея организація, ея пресса, ея кассы достигли небывалаго расцвѣта. Тактическое единство казалось болѣе полнымъ, чѣмъ когда бы то ни было. Старики автоматически регистрировали успѣхи и безъ опасенія глядѣли на будущее. Виновникъ торжества, Ледебуръ, рисовалъ за ужиномъ карикатуры и встрѣчалъ общее признаніе. У него несомнѣнно даръ карикатуриста, вообще, иронія, желчь, составляютъ важную составную часть его темперамента, который, по старой классификаціи, надо признать холерическимъ, даже въ высшей степени... Послѣ того праздничнаго ужина сѣдыхъ головъ прошло пять лѣтъ,—какія перемѣны принесло это время

и какія, еще болѣе колоссальныя, оно таитъ во чревѣ своемъ!..

Ледебуръ перешелъ въ социаль-демократію вмѣстѣ съ Францемъ Мерингомъ изъ рядовъ демократической журналистики, но въ рабочей партіи онъ былъ несравненно болѣе дѣятеленъ въ качествѣ парламентарія, чѣмъ въ качествѣ журналиста. Въ парламентѣ Ледебуръ добивался нерѣдко очень большихъ эффе́ктовъ,— въ тѣхъ случаяхъ, когда ему не приходилось связывать себя соображеніями „высокой“ политики, а, отдаваясь своей природной желчи, атаковать и бичевать противника. Онъ часто вызывалъ негодующіе возгласы съ мѣстъ; либералы несправедливо его, пожалуй, болѣе, чѣмъ консерваторы,—и онъ платилъ имъ сарказмами, которые бросалъ съ гримасой презрѣнія на тонкомъ лицѣ, бритомъ и подвижномъ, какъ у актера.

Мало измѣнился и Адольфъ Гоффманъ, тоже одинъ изъ стариковъ, съ красивой копной тончайшей сѣдой паутины на головѣ и съ рошфордовскимъ складомъ лица. Гоффманъ, старый членъ рейхстага, провалился на послѣднихъ выборахъ и остался только членомъ прусскаго ландтага, гдѣ онъ и во время войны продолжаетъ—рука объ руку съ Либкнехтомъ—свою борьбу противъ „пруссачества“, т.-е. крѣпостническаго засилья. Гоффманъ всегда числился крайнимъ лѣвымъ. Много лѣтъ тому назадъ онъ сочинилъ 10 заповѣдей социаль-демократа, и съ того времени за нимъ укрѣпилось прозвище „der Zehngebote-Hoffmann“. Это народный ораторъ, съ рѣзкимъ голосомъ, рѣзкими жестами и обильнымъ запасомъ шутокъ и прибаутокъ, которыя нерѣдко очень больно задѣваютъ. Онъ держится того убѣжденія, что честный демократъ, прежде чѣмъ собираться въ походъ противъ чужестранныхъ „мичитаризмовъ“, долженъ покончить съ реак-

цією въ собственной странѣ. Гоффманъ сейчасъ радикальнѣе Ледебура и крайне недоволенъ тѣмъ, что оппозиціонная часть соціалъ-демократической фракціи въ рейхстагѣ воздерживается при голосованіи военныхъ кредитовъ вмѣсто того, чтобы открыто голосовать противъ.

Отношенія въ партіи между „патріотическимъ“ большинствомъ и лѣвымъ крыломъ обострились до послѣдней степени. Это уже не теоретическія и не второстепенныя тактическія разногласія, а противорѣчіе по отношенію къ основному факту, которымъ теперь живетъ или въ которомъ захлебывается человѣчество. Нѣтъ такихъ мѣръ, къ которымъ не прибѣгали бы с.-д. Зюдекумы и Шейдеманъ, чтобы зажать ротъ своимъ оппонентамъ. И чѣмъ больше они теряютъ почву подъ ногами въ массахъ, чѣмъ больше вынуждены опираться на правительственный аппаратъ, тѣмъ ожесточеннѣе становятся конфликты въ партіи... Ледебуръ рассказываетъ о томъ засѣданіи рейхстага, когда онъ протестовалъ противъ репрессивныхъ мѣръ нѣмецкихъ военныхъ властей по отношенію къ мирному населенію. Шейдеманъ, какъ извѣстно, тогда дезавуировалъ Ледебура.

— Но вы думаете,—говоритъ Ледебуръ,—чтобы эти люди созвали засѣданіе нашей фракціи, чтобы судить и осудить меня? Ничего подобнаго! Во время „скандала“, который вызвали въ парламентѣ мои слова, Шейдеманъ просто подошелъ къ правительственному столу, пошучукался съ министрами,—не съ фракціей, а съ министрами!—и заявилъ при общихъ аплодисментахъ рейхстага, что я не уполномоченъ былъ критиковать дѣйствія военныхъ властей. Таковы методы этихъ субъектовъ!

— И вы все же не рѣшаетесь въ рейхстагѣ открыто

голосовать противъ нихъ! — восклицаетъ изъ своего угла другой нѣмецкій делегатъ, крайній лѣвый.

Завязывается тактическій споръ. Ледебуръ пытается доказать, что тактика воздержанія, какъ болѣе осторожная, не ведущая къ открытому нарушенію дисциплины, легче можетъ завоевать большинство фракціи: „въ началѣ войны насъ было 14, теперь насъ 36“.

— Но вы забываете, — возражаетъ Гоффманъ, — о томъ впечатлѣніи, какое ваше поведеніе производитъ на массы. Если полумѣры и полурѣшенія всегда плохи, то въ виду такихъ событій, отъ которыхъ зависить судьба нашего политическаго развитія на многіе годы, онѣ совершенно недопустимы. Масса требуетъ ясныхъ, открытыхъ, мужественныхъ отвѣтовъ, за или противъ войны. И ей нужно этотъ отвѣтъ дать...

Я не могу, къ сожалѣнію, назвать имена остальныхъ членовъ делегаціи, такъ какъ это значило бы открыть ихъ нападенію нѣмецкой полиціи. Что касается Ледебура и Гоффмана, то они сами себя „изобличили“ — съ полнымъ разумѣніемъ всѣхъ послѣдствій, — подписавъ своими именами выработанный циммервальдской конференціей манифестъ. Но остальная часть нѣмецкой делегаціи осталась и должна оставаться безыменной: ее можно характеризовать только общими чертами.

Въ делегаціи, представляющей лѣвую часть официальной нѣмецкой социаль-демократіи, было опять-таки свое лѣвое крыло. Въ Германіи идейное выраженіе этому теченію давали два изданія: маленькій пропагандистскій журнальчикъ Юліуса Борхарта „Lichtstrahlen“, формально очень непримиримый, но по формѣ очень сдержанный и политически мало вліятельный, и „Die Internationale“, органъ Р. Люксембургъ и Ф. Меринга, впрочемъ, не органъ, а всего одинъ номеръ, боевой и яркій, вслѣдъ за которымъ

послѣдовало закрытіе журнала. Къ группѣ „Internationale“ примыкають такіе вліятельные элементы нѣмецкой лѣвой, какъ Либкнехтъ и Цеткинъ. Не менѣе трехъ делегатовъ являлись сторонниками группы Люксембургъ—Меринга. Одинъ примыкалъ къ журналу „Lichtstrahlen“. Изъ остальныхъ делегатовъ два депутата рейхстага въ общемъ и цѣломъ стояли за Ледебуромъ, два другихъ—не имѣли опредѣленной фізіономіи. Гоффманъ, какъ мы уже сказали, „крайній“ лѣвый, но онъ человѣкъ стараго закала, а молодое поколѣніе лѣвыхъ ищетъ новыхъ путей.

Каутскій, Бернштейнъ, Гаазе.

Чего хочетъ нѣмецкая соціалъ-демократическая оппозиція?

Прежде всего разрыва такъ называемаго національнаго блока, нарушенія „Burg frieden'a“, по всей линіи. Соціалъ-демократія не смѣетъ, по мнѣнію оппозиціи, брать на себя ни прямую, ни косвенную отвѣтственность за имперіалистическую политику правящихъ. Отсюда: голосованіе противъ кредитовъ, борьба за прекращеніе войны, агитація въ массахъ противъ всякихъ аннексіонныхъ плановъ, возобновленіе борьбы экономической и политической. Это общая для всей оппозиціи въ германской с.-д. партіи схема возрѣній. Но при проведеніи ея въ жизнь начинаются серьезныя разногласія.

Прежде всего оппозиція не отдѣлена отъ правящаго въ партіи большинства рѣзкой межей. Между такъ называемыми „соціалъ-патріотами“ и такъ называемыми „интернаціоналистами“ пролегаетъ очень широкая группировка „центра“, съ Каутскимъ въ главѣ. Каутскій, какъ извѣстно, считаетъ, что всѣ соціалисти-

ческія партіи въ своемъ родѣ „правы“, соединившись со своими національными правительствами, что тутъ нѣтъ кризиса интернаціонала, что послѣ войны опять все станетъ на старые рельсы, и прочее. Этой позиціей рѣшительно недовольны и справа и слѣва. Умѣренное крыло „интернаціоналистовъ“ близко подходитъ къ Каутскому въ томъ смыслѣ, что больше всего озабочено сохраненіемъ единства партійной организаціи и соблюденіемъ партійной дисциплины. Наоборотъ, лѣвое крыло считаетъ разногласія совершенно непримиримыми. Правда, и эти элементы не собираются выходить изъ партій: „это значило бы, — говорятъ они, — сдавать нашимъ противникамъ важнѣйшія позиціи безъ боя. Но мы остаемся, — прибавляютъ они, — въ старыхъ партійныхъ организаціяхъ именно для непримиримой борьбы съ господствующимъ партійномъ курсомъ. Мы не позволимъ въ настоящую эпоху, когда вопросъ идетъ о жизни и смерти партіи, зажать намъ ротъ никакими соображеніями дисциплины и единства организаціи“...

— Какъ вы, лѣвые, относитесь къ позиціи Каутскаго? — спросилъ я одного изъ членовъ делегаціи, молодого журналиста, который занимаетъ очень отвѣтственный постъ въ партіи.

— Крайне отрицательно. Онъ сыгралъ въ эту отвѣтственную эпоху роль, которую мы не можемъ ему простить. Онъ совершенно растерялся въ началѣ войны, капитулировалъ передъ патискомъ правыхъ, оппортунистовъ-націоналистовъ, и этимъ чрезвычайно обезкуражилъ лѣвыхъ. Если бы Каутскій 2-го и 3-го августа прошлаго года занялъ сколько-нибудь рѣшительную позицію, лѣвое крыло съ самаго начала выступило бы противъ военныхъ кредитовъ, не ангажировалось бы голосованіемъ 4-го августа, и Либкнехтъ въ дальнѣйшемъ не оставался бы одинокимъ. И сейчасъ; Каутскій

вмѣстѣ съ Бернштейномъ и Гаазе выступили съ протестомъ противъ аннексіонныхъ аппетитовъ правящихъ классовъ. Но этотъ протестъ пока что сохраняетъ полуплатоническій характеръ: Каутскій не требуетъ немедленнаго выступленія партіи изъ правительственнаго блока, а поскольку социалисты поддерживаютъ правительство, голосуютъ за кредиты и проч., постольку протесты противъ аннексій, безъ политическихъ выводовъ, служатъ развѣ для очистки собственной совѣсти.

„Судьба Каутскаго, какъ и многихъ другихъ дѣятелей движенія, — говорилъ мой собесѣдникъ, — несомнѣнно, глубоко трагична. Онъ былъ теоретикомъ непримиримаго марксизма. Онъ велъ въ 90-хъ годахъ борьбу съ Бернштейномъ, какъ теоретикомъ реформизма. Но по существу дѣла тактика нашей партіи была во всю прошлую эпоху, какъ вы знаете, тактикой приспособленія. Политическія отношенія оставались во всѣ эти десятилѣтія неподвижными. Юнкерство прочно сидѣло въ сѣдлѣ послѣ успѣховъ Бисмарка. Буржуазія политически окончательно капитулировала, тѣмъ могущественнѣе становилась она экономически. Рабочій классъ во всей своей борьбѣ приспособлялся къ національному военно-политическому государству. Впереди предвидѣлся неизбежный конфликтъ. Но текущая политика нашей партіи была поппублицистична. Бернштейнъ хотѣлъ этотъ поппублицизмъ эпохи возвести въ постоянный принципъ. Каутскій же всякое свое изслѣдованіе заканчивалъ указаніемъ на неизбежныя въ будущемъ конфликты. Но исторія заставляла его такъ долго готовиться и ждать эпохи кризиса, что когда эта эпоха наступила, Каутскій не узналъ ея и растерялся. Я думаю, что онъ растерялся безнадежно. 40 лѣтъ непрерывной умственной работы въ опредѣленныхъ условіяхъ исторической

неподвижности нельзя скинуть съ плечъ. На седьмомъ десяткѣ человѣкъ не перевооружается духовно...

„Параллельный интересъ представляетъ судьба Бернштейна. Онъ былъ теоретикомъ національнаго оппортунизма. Но онъ принадлежитъ еще къ первому поколѣнію, онъ прошелъ черезъ „геронческую“ эпоху, былъ подъ личнымъ вліяніемъ Энгельса. Это совсѣмъ не то, что какой-нибудь Давидъ, большой человѣкъ на малыя дѣла, совершенно лишенный международнаго кругозора: для него и нѣмецкій масштабъ въ сущности слишкомъ великъ, онъ лучше всего себя чувствуетъ въ предѣлахъ герцогства Баденскаго... Когда Бернштейнъ увидѣлъ, къ чему пришла его „школа“ въ моментъ мірового кризиса, онъ испугался. Тѣсно связанный съ Англіей, въ которой онъ провелъ долгіе годы эмигрантства, Бернштейнъ не могъ психологически имѣть ничего общаго съ тѣмъ англофобскимъ неистовствомъ, въ которомъ упражняются, вслѣдъ за буржуазными партіями, наши національ-оппортунисты. Съ Давидомъ, съ Легиномъ, съ Шиппелемъ и Зюдекумомъ Бернштейнъ не могъ оставаться дольше. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, а Каутскій, испугавшись остраго конфликта въ партіи, парламентѣ, въ странѣ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ назадъ,—и вотъ два старыхъ пріятеля, ставшихъ потомъ непримиримыми, казалось, противниками, снова встрѣтились... на полдорогѣ. Къ нимъ примкнулъ третій, Гаазе, первый предсѣдатель партіи, человѣкъ, на котораго легла слишкомъ тяжелая ноша быть замѣстителемъ Бебеля. Какъ предсѣдатель партіи, Гаазе оказался скоро подавленъ ея могущественнымъ организаціоннымъ автоматизмомъ. Вы знаете, наша партія, наши профессиональные союзы—это цѣлое государство. И въ моментъ войны и кризиса наша партійная бюрократія, не привыкшая къ потрясеніямъ,

почувствовала прежде всего консервативный страх за цѣлость организаціи и инстинктивно примкнула къ тому государству, цодъ сѣнью котораго партія сложилась. Гаазе не нашелъ въ себѣ, да по всему своему складу и не могъ найти, силы и рѣшимости открыто выступить противъ взявшаго верхъ соціалъ-націоналистическаго теченія и апеллировать къ общественному мнѣнію партіи. Онъ сдѣлалъ свои возраженія внутри фракціи, но передъ внѣшнимъ міромъ ограждалъ видимость единства, а 4-го августа, прошлаго года, какъ вы помните, онъ даже взялъ на себя обязанность огласить декларацію, съ которой былъ несогласенъ. Когда дальнѣйшее развитіе этого курса испугало его, ему не оставалось ничего, какъ присоединить свою растерянность къ растерянности Каутскаго и Бернштейна. Они втроемъ выступили съ особымъ письмомъ-манифестомъ противъ аннексіи. Шагъ, безпорно, очень почтенный, нанесшій несомнѣнный ударъ господствующему партійному курсу: авторитетъ именъ, подписавшихъ манифестъ, пробудилъ вниманіе сотенъ тысячъ рабочихъ къ вопросу, поставленному въ письмѣ. Но сами авторы, какъ я уже говорилъ, остановились безпомощно на полдорогѣ и врядъ ли способны пойти дальше. Вотъ почему руководство движеніемъ, враждебнымъ имперіализму, не въ ихъ рукахъ... Я вообще думаю, — продолжалъ нашъ собесѣдникъ, — что исторія призываетъ сейчасъ слѣдующую смѣну, новое, болѣе молодое, поколѣніе, у котораго за спиной нѣтъ слишкомъ тяжелаго груза навывковъ, традицій и рутины, которое только одно и способно болѣе рѣшительно и беззавѣтно отозваться на голосъ новой эпохи — желѣза и крови, бурь и потрясеній.

— А въ чемъ выражается ваша работа?

— Мы ведемъ въ массахъ агитацію противъ продолженія войны, противъ политики захватовъ и контри-

буцій, мы возстановлюемъ массы противъ офіціального партійнаго курса, состоящаго въ поддержкѣ правительственной политики. Работу легальныхъ газетъ, стоящихъ на нашей точкѣ зрѣнія, мы дополняемъ болѣе опредѣленными нелегальными прокламаціями, которыя распространяются въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ. Вы, вѣроятно, знаете наши воззрѣнія: „Главный врагъ—въ собственной странѣ“, „Безуміе аннексій“ и др. Мы ведемъ устную агитацію на собраніяхъ въ томъ же духѣ, и чѣмъ дальше, тѣмъ чаще и радикальнѣе приходится намъ ломать рамки легальности. Имѣемъ ли мы успѣхъ? Несомнѣнно. Противорѣчіе между офіціальной политикой, государственной и партійной, и настроеніемъ массъ все болѣе возрастаетъ. Мы остаемся внутри старой партійной организаціи, но мы ведемъ упорно свою собственную линію, мы имѣемъ свои совѣщанія, свои сѣзды и свои неофіціальные центры.

— Вы спрашиваете о настроеніи нашихъ рабочихъ массъ,—говоритъ Адольфъ Гофманъ,—я вамъ говорю категорически: оно цѣлкомъ противъ войны, правительства и нашихъ партійныхъ верховъ. Всюду, гдѣ мы имѣли возможность придти въ общеніе съ широкими народными массами, обнаруживалось, что онѣ рѣшительно освободилась отъ шовинистическаго ослѣпленія. Возьмите мой избирательный округъ: это одна изъ наиболѣе отсталыхъ мѣстностей, съ полукрестьянскимъ полупролетарскимъ рудничнымъ населеніемъ, которое всего только еще нѣсколько лѣтъ назадъ шло за клерикально-антисемитской реакціей. Недѣлю тому назадъ я читалъ тамъ передъ собраніемъ „довѣренныхъ лицъ“, т.-е. выборныхъ делегатовъ, докладъ о политическомъ положеніи и выдвинулъ такія требованія: социаль-демократическіе депутаты должны отказать правительству въ кредитахъ и выставить требованіе не-

медленнаго прекращенія войны. Всѣ делегаты единодушно и рѣшительно примкнули къ этой точкѣ зрѣнія: ни одного голоса не раздалось противъ. А ужъ казалось бы, гдѣ же, какъ не въ этомъ отсталомъ округѣ, шовинистическая агитація должна была найти почву!..

„Циммервальдская конференція дала намъ незамѣнимую опору для продолженія нашей работы, — говорить энергичная дѣятельница женскаго рабочаго движенія. — Наша парламентская оппозиція, во главѣ съ Ледебуромъ, носитъ черезчуръ ужъ „парламентскій“ характеръ. Въ то время, какъ захватившіе верховодство правые идутъ до конца, открыто попирая всѣ постановленія нашихъ партійныхъ съѣздовъ, наши оппозиціонные парламентаріи подчиняются дисциплинѣ и въ рѣшительные моменты удаляются изъ рейхстага вмѣсто того, чтобы атаковать правящихъ. Будучи по существу солидарны съ Либкнехтомъ, оппозиціонные депутаты, — а ихъ сейчасъ уже четыре десятка, — покидаютъ въ минуту испытанія его одного. Этому мы хотимъ положить конецъ. Соціалъ-демократическая оппозиція въ странѣ несравненно рѣшительнѣе, чѣмъ оппозиція въ рейхстагѣ. Мы всѣ на мѣстѣ одобряемъ поведеніе Либкнехта“.

...„Нѣмецкая соціалъ-демократія своимъ поведеніемъ, начиная съ 4 августа, вызвала глубокое изумленіе, скоро перешедшее въ возмущеніе. Объ этомъ достаточно говорилось во всѣхъ докладахъ на конференціи. Иначе и быть не могло. Но было бы совершенно неправильнымъ, — позвольте мнѣ это вамъ сказать, — ставить крестъ на нѣмецкой соціалъ-демократіи. Протестъ пошелъ изнутри. Возмущеніе политикой официальныхъ центровъ, которые все время ссылались на политику французскихъ соціалистовъ, встрѣтило сразу же оппо-

зицію. Но замѣшательство было такъ колоссально, массы были въ такой мѣрѣ застигнуты врасплохъ, дезориентированы, оглушены — и грохотомъ событій, и поведеніемъ тѣхъ, которымъ въ качествѣ „вождей“, полагалось ихъ „вести“, что оформленного отпора наши Шейдеманы и Гейпе не встрѣтили на первыхъ порахъ. Но чѣмъ внезапнѣе и, на первый взглядъ, необъяснимѣе была политическая капитуляція окостенѣвшихъ партійныхъ верховъ, тѣмъ жесточе будетъ отповѣдь массъ. Мы, нѣмецкая лѣвая, съ полнымъ довѣріемъ взираемъ на будущее“...

Со славянскимъ акцентомъ и улыбкой на славянскихъ губахъ.

(Г. Миллюковъ въ Парижѣ.)

Представители верхней и нижней палаты нашего отечества или „представители Россіи“ (третьейумской) пріѣхали въ Парижъ скрѣплять узы — черезъ нѣсколько недѣль послѣ экономической конференціи союзниковъ, гдѣ Россія блистала своимъ отсутствіемъ.

До сихъ поръ только лидеръ кадетской партіи г. Миллюковъ предъявилъ Франціи свою программу, которая—скажемъ сразу—является не столько программой дѣйствій, сколько программой аппетитовъ и надеждъ. Въ полномъ соотвѣтствіи съ природою вещей первая откровенія г. Миллюкова, дѣлающаго міровую политику „пѣтушкомъ, пѣтушкомъ“, появились не на страницахъ оффиціознаго „Temps“, даже не въ полуоффиціозно-бульварныхъ газетахъ, какъ „Journal“ или „Matin“, а въ безшабашно-рекламномъ, реакціонно-радикально-антисемитски-шантажномъ изданіи „Oeuvre“. „Г. Миллюковъ, шефъ кадетовъ, говоритъ намъ объ условіяхъ побѣ-

ды" — такъ гласить заглавіе интервью. „Съ прелестнымъ славянскимъ акцентомъ“, временами разрѣшаясь „дѣтской улыбкой, столь обольстительной на славянскихъ губахъ“, временами позволяя „облаку омрачить свои голубые глаза“, — такимъ живописуетъ намъ кадетскаго лидера французскій душа-Тряпичкинъ, — г. Милюковъ первымъ дѣломъ свидѣтельствуеетъ о полной подготовленности русской арміи: „наши войска, вооруженныя, снаряженныя и обильно снабжаемыя артиллеріей и амуницией, только и ждутъ приказа, чтобы ринуться въ великое наступленіе“. Это сообщеніе, особенно подъ акомпанементъ „прелестнаго славянскаго акцента“, не могло не оказать неотразимаго впечатлѣнія на французскаго журвалиста, и хотя на языкѣ у бѣдняги вертѣлись щекотливые вопросы: если войска только ждутъ приказа, то почему ихъ заставляютъ такъ долго ждать? не думаетъ ли кадетскій лидеръ, что этотъ „приказъ“ былъ бы какъ нельзя болѣе своевремененъ теперь, въ моментъ австрійскаго наступленія на итальянскомъ фронтѣ и безостановочнаго натиска нѣмцевъ на Верденъ? — но очарованный дѣтской улыбкой на славянскихъ губахъ журналистъ отвратилъ свое вниманіе отъ колючихъ темъ. Кадетскій лидеръ, съ своей стороны, не чувствовалъ никакой потребности въ сообщеніи какихъ-либо дополнительныхъ на этотъ счетъ данныхъ. Онъ ограничился ссылкой на гг. Вивіани и Тома, которые должны, по его мнѣнію, вынести самое отрадное впечатлѣніе изъ „нашей дорогой Россіи“, — и можно не сомнѣваться, что г. Милюковъ нимаю ни рискуеетъ вызвать опроверженіе съ этой стороны.

Несравненно точнѣе, обстоятельнѣе и въ своемъ родѣ краснорѣчивѣе сталъ г. Милюковъ, когда перешелъ къ предъявленію своихъ аппетитовъ и надеждъ. Россія хочетъ полной побѣды. „О, не для того, чтобы расши-

рить свою территорію!“. Что Россія освобождаетъ Арменію, прихватывая по пути Персію,—стоитъ ли говорить о такой мелочи предъ лицомъ *главной задачи*! А главная задача это—проливы. „Мы хотимъ отнынѣ выхода къ свободному морю, безъ чего наше развитіе станетъ навсегда невозможнымъ... Никогда моментъ не будетъ болѣе благопріятнымъ,—откровенничаетъ Милюковъ,—потому что наши союзники, какъ и мы, заинтересованы въ прочномъ урегулированіи (восточнаго) вопроса. Липнія Берлинъ—Багдадъ—слишкомъ большая опасность не только для Англіи, съ Египетомъ и Индіей, но также для Франціи и ея вліянія въ Сиріи, чтобы въ концѣ-концовъ на этой почвѣ не оказалось возможнымъ полное соглашеніе. Апрель 1915 г. останется памятной датой въ русской исторіи, ибо въ этомъ мѣсяцѣ точно были урегулированы наши отношенія съ союзниками по поводу проливовъ: въ міровой борьбѣ Востокъ отведенъ былъ въ наше пользованіе (*nous à été assigné comme domaine*)“. „Мы слушаемъ г. Милюкова— . . . —и мы глядимъ на него. Онъ говоритъ съ непреодолимой искренностью... Онъ не зарывается въ общія мѣста, лишнія отступленія и риторическія прикрасы: для него вопросъ о проливахъ, съ чисто-практической точки зрѣнія, представляетъ собою главный результатъ, какой война должна принести Россіи, и отъ проливовъ онъ не позволитъ отвлечь себя“.

Но вѣдь мы слышали... намъ говорили—кажется, такъ?—что дѣло идетъ о высшихъ цѣнностяхъ, о принципахъ національности, о защитѣ права.

„Романтизмъ,—бормочетъ (такъ и сказано: *murmure*) г. Милюковъ,—ужь давно какъ исчезъ изъ политики“. Это признаніе кадетскаго лидера звучитъ для уха, какъ *вариация знакомой мелодіи*. *Wir haben die Sentimentalitaet verlernt*, мы разучились сантиментальности!—

кто бишь это сказалъ? Не кто другой, какъ Бетманъ-Гольвегъ, въ оправданіе нѣмецкаго натиска на Бельгію по пути къ свободному морю!

Но какъ же быть, по крайней мѣрѣ, съ оборонительнымъ характеромъ войны? Тутъ г. Миллюковъ становится поистинѣ несравненнымъ. „Вначалѣ,—сообщаетъ онъ своему почтительному вопрошателю,— широкая масса рабочихъ не отдавала себѣ яснаго отчета въ цѣляхъ войны. Они вообразили себѣ (*ils s'imaginaient!*), что война имѣетъ чисто-оборонительный характеръ и что достаточно прогнать непріятеля, чтобы быть спокойными. Они ошибались вслѣдствіе невѣжества: нужно ихъ просвѣтить“ . . . . .

. . . . . Вы видите, какой почти-Бисмарковской ясности и откровенности формулировокъ можно достигнуть при прелестномъ славянскомъ акцентѣ и обольстительной дѣтской улыбкѣ на славянскихъ губахъ.

На этомъ мы могли бы въ сущности оставить г. Миллюкова. Портретъ русскаго либеральнаго Бисмарка (пѣтушкомъ, пѣтушкомъ!) получается весьма выразительный. Но еще выразительнѣе выступаютъ изъ-за этого портрета тѣ „не-романтическія“ задачи, которыя — по классическому выраженію г. Миллюкова — только „по невѣжеству“ (слушайте, горемычные человѣчки изъ „Призыва“: только по невѣжеству!) можно счесть оборонительными. Но г. Миллюковъ счелъ необходимымъ лишній разъ показать, что — въ числѣ кое-чего другого — его отличаетъ отъ Бисмарка неумѣнье, гдѣ нужно, помолчать. Кадетскій шефъ, разумѣется, въ восторгѣ отъ настойчивости и энергіи англичанъ. Но, не останавливаясь на этомъ союзно-обязательномъ восторгѣ, г. Миллюковъ пускается въ рискованныя психологическія

изысканія: „эта спокойная флегматическая рѣшимость,— говоритъ онъ,— не является ли показателемъ счастливаго вліянія цеппелиновъ на англійскую душу“. Такъ дословно и сказано: „l'influence heureuse des zeppelins sur l'ame anglaise“. Было бы поистинѣ прискорбно, если бъ эта фраза прошла незамѣченной для нашихъ современниковъ, особенно для „заинтересованной стороны“, т.-е. союзниковъ-англичанъ. Они первыми должны уяснить себѣ благотворное вліяніе цеппелиновъ, укрѣпляющихъ ихъ національную душу въ той борьбѣ, которая должна обезпечить за отнюдь не-романтической третьеіюньской Россіей проливы, съ Константинополемъ и Арменіей.

О, г. Милюковъ! Что романтизмъ давно исчезъ изъ политики, объ этомъ вы „бормотали“ вашему собесѣднику совершенно правильно. Но напрасно вы отсюда сдѣлали тотъ поспѣшный выводъ,— вотъ она славянская душа на распашку!—что настоящій реализмъ состоитъ въ публичномъ отправленіи всѣхъ политическихъ потребностей.

P. S.

Во вторникъ появилось второе интервью г. Милюкова, на этотъ разъ по внутренней политикѣ, разумѣется, въ „l'Humanité“, гдѣ у Реноделя имѣется свой собственный сихъ дѣлъ Тряпичкинъ Veillard, не столь давно мѣшавшій отъ прапорщицкихъ откровеній Іорданскаго. Во внутренней политикѣ г. Милюковъ проявляетъ всю ту силу сдержанности, которой ему не хватаетъ во внѣшней. Прогрессивный блокъ — гм... — очень полезное установленіе. Прочень ли? Гм...—весьма проченъ. Министерство общественнаго довѣрія, конечно, не отвѣтственное министерство; но это пре-це-дентъ!

Полякамъ г. Милюковъ предлагаетъ, по англійскому образцу, *1018-руль* (надо полагать не безъ русскаго „Дублина“). Финляндцевъ обѣщаетъ „централизовать“ при помощи вполнѣ-парламентскихъ цѣпей. Въ поясненіе сего Veillard сообщаетъ, что г. Милюковъ въ сущности совершенно „государственный человѣкъ“. Подъ конецъ бесѣды „государственный человѣкъ“ безъ государственной власти пообщалъ совершенно разомлѣвшему репортеру, что послѣ войны Россія окончательно „вступить на путь“... Къ сожалѣнію, приложенный къ интервью портретъ настолько неотчетливъ, что трудно уловить, какое именно выраженіе играло при этомъ на славянскихъ губахъ г. Милюкова.

Парижъ, 24 мая 1916.

Потресовъ.

(Среди трехъ сосенъ русскаго соціалъ-патріотизма.)

Соціалъ-патріотизму, какъ и всякому націонализму вообще, присущи по необходимости мессіанистическія черты, то-есть бѣльшая или меньшая увѣренность въ особой *избранности* своей націи, а стало быть, своего пролетаріата.

Нѣмецкіе соціалъ-патріоты защищаютъ не Гогенцоллерновъ, конечно, а высокую организацію производства и могущественную организацію рабочаго класса, и то и другое—необходимыя условія для перехода къ социализму. Французскіе и англійскіе соціалъ-патріоты защищаютъ не національную биржу, не колоніи, а наслѣдіе революціи, республику, парламентаризмъ, право, справедливость. Положеніе русскихъ соціалъ-патріотовъ въ этомъ отношеніи несомнѣнно крайне затруднительно. Ни въ экономической, ни въ политической, ни въ идео-

логической области претензіи Россіи на историческое первородство не могут быть обоснованы, по крайней мѣрѣ, безъ помощи апокалипсиса. Но вотъ оказывается, что теоретики русскаго социаль-патріотизма умудряются главные доводы въ пользу своей позиціи почерпнуть именно въ *отрицаніи* за Россіей правъ на какой бы то ни было мессіаниззмъ.

„Самый фактъ... преобладанія интернаціонализма именно среди русскихъ рабочихъ,—пишетъ В. И. Засуличъ,—совершенно невѣроятенъ послѣ всего того, что произошло среди рабочихъ Запада“.

„Я не вѣрю,—пишетъ А. Потресовъ,—въ восточный интернаціонализмъ, который, будто бы, процвѣлъ и спасаетъ честь социализма, между тѣмъ какъ Западъ увялъ и погрузился въ грѣховность. Я съ подозрѣніемъ смотрю на этихъ восточныхъ праведниковъ, несущихъ сейчасъ свое просіяніе ума европейскому грѣшному міру...“ и пр.

Въ томъ же направленіи движется и критическая мысль П. Маслова. Онъ съ пренебреженіемъ говоритъ о „нѣкоторыхъ социалистахъ Россіи и Сербіи“, которые „порицаютъ рабочій классъ Франціи, Бельгіи, Англіи, Австраліи и т. д., имѣющій колоссальный политическій и социальный опытъ и, несмотря на это, якобы увлеченный буржуазіей на ложный путь“ ¹⁾.

---

¹⁾ Аляповатая масловская формулировка общей мысли многихъ авторовъ сборника имѣетъ то преимущество, что въ ней откровенно торчатъ наружу всѣ бѣлые пятна. Когда это мы, русскіе марксисты, считали, что политика пролетаріата Англіи и Австраліи является образцомъ классовой независимости? Не повторялъ ли, наоборотъ, самъ Масловъ десятки разъ объясненіе идейной зависимости англійскаго пролетаріата отъ самой старой и могущественной буржуазіи? Еще болѣе характерно неуклюже-плутоватое умолчаніе о Германіи: вѣдь именно политику ея пролетаріата, а не австрійскаго, русскіе марксисты привыкли считать наиболѣе зрѣлой.

Получается такимъ образомъ вотъ что. Французскіе или иные социаллисты въ объясненіе своей обязанности поддерживать свой національный милитаризмъ выдвигаютъ то соображеніе, что этимъ путемъ они защищаютъ страну, которая является „свѣточемъ міра“. Когда же русскіе революціонные социаллисты отказываются заключать миръ со своимъ милитаризмомъ, социаль-патріоты говорятъ: „захотѣли быть умнѣе французовъ и даже австралійцевъ,—ужь не мѣтителіи вы, чего добраго... въ свѣточіи міра?“ Если западнымъ социалистамъ нужна національно-мессіанистическая идея въ оправданіе сдачи своего знамени буржуазной націи, то отъ насъ, русскихъ социалистовъ, требуютъ подражанія старшимъ западнымъ „братьямъ“, именно потому, что мы де не имѣемъ ни какихъ правъ на мессіанизмъ. „Я твердо храню въ своей памяти,—пишетъ Потресовъ,—что это не въ первый разъ Пошехонье спасаетъ Европу“. Какъ видимъ, при помощи національнаго сомоуничженія достигаются совершенно тѣ же цѣли, что и при помощи національной гордости: хотъ Потресовы и Масловы самоотверженно напоминаютъ, что въ культурномъ смыслѣ мы все еще—„кувшинное рыло“, но именно поэтому они требуютъ, чтобъ мы, безъ претензій и наперекоръ русской поговоркѣ, становились въ общій калашный рядъ съ „союзными“ социаль-патріотами.

Сомоуничженіе паче гордости. В. И. Засуличъ скорбитъ, что російскій обыватель все еще, какъ и въ дни Щедрина, смѣшиваетъ участокъ съ отечествомъ. Гдѣ же въ самомъ дѣлѣ ждать отъ этого пошехонца, хотя бы и революціоннаго, подлиннаго интернаціонализма? Но это обличеніе російскаго варварства, гдѣ участокъ все еще продолжаетъ пожирать отечество, нисколько не препятствуетъ В. И. Засуличъ богомольно вздыхать: „Я желала и продолжаю желать *возможно больше пол-*

наго пораженія Германіи“. И если В. И. Засуличъ желаетъ пораженія Германіи, да еще болѣе полного — и откровеннѣе другихъ говоритъ объ этомъ,—то не потому конечно, чтобъ она, вмѣстѣ съ депутатомъ-казакомъ Карауловымъ, поклялась заключить миръ не иначе, какъ на развалинахъ Берлина и на костяхъ Вильгельма,—нѣтъ, Берлинъ В. И., вѣроятно, по добротѣ сердца пощадить,—но она глубоко увѣрена, что пораженіе Германіи сослужитъ, между прочимъ и въ самой Германіи, великую службу „тому будущему, къ которому стремится пролетаріатъ“. Выходитъ стало быть, г. Потресовъ, что какъ разъ Пошехонье-то и призвано спасти Европу,—только не революціонное Пошехонье, которое, по-вашему, все еще не научилось отличать отечество отъ участка, а именно само это пошехонское отечество, которое въ работѣ военнаго спасенія Европы совпадаетъ и цѣликомъ и сознательно отождествляетъ себя съ участкомъ. И самъ Потресовъ, который въ своей статьѣ надѣвается на себя потрепанный парикъ отчаяннаго „западника“ („я оптимистъ для Запада, я пессимистъ для Востока“), вѣдь и онъ началъ свою социаль-патріотическую оріентацію съ изслѣдованія объ особо угрожающихъ свойствахъ прусскаго милитаризма и о необходимости сломить ему рога соединенными силами „западныхъ демократій“ и... восточнаго Пошехонья. Вотъ такими же западниками, въ парикахъ на прокатъ, выступаютъ всѣ авторы „Самозащиты“, когда они презрительно тычутъ пальцами въ русскихъ интернаціоналистовъ, объявившихъ войну политикѣ Гэда, Вандервельде, Гендерсона и просвѣщенныхъ „австралійцевъ“. Завтра, если въ войну вступятъ Соединенные Штаты, „западники“ изъ „Самозащиты“ смогутъ воскликнуть: „Глядите, какъ наши революціонные пошехонцы собираются учить уму-разуму самого Гомперса“.

Поистинѣ необходима вся идеологическая подвижность, чтобъ не сказать политическая распутность „начитаннаго“ російскаго интеллигента, чтобы, заявляя себя „пессимистомъ Востока и оптимистомъ Запада“, обвиняя русскихъ интернаціоналистовъ въ доморощенномъ революціонномъ высокомеріи по отношенію къ Западу, благословлять въ то же время христолюбивую Востокъ, какъ прогрессивный факторъ въ дальнѣйшемъ развитіи этого самаго Запада. Pfui Teufel! говорятъ въ такихъ случаяхъ пѣмцы, — тѣ, которымъ свойственно чувство идейнаго стыда.

* * *

Но какое же все-таки объективное мѣсто въ исторіи занимаетъ интернаціонализмъ передовыхъ рабочихъ круговъ Россіи? Авторы „Самозащиты“ — и не они одни — считаютъ его просто продуктомъ отсталости, — максимализмомъ младенческаго возраста, по Маслову, — и, стало быть, исторически неустойчивымъ состояніемъ, на смѣну которому должно придти національно-патріотическое сознаніе. Въ этомъ именно смыслъ Потресовъ и говорить, что „въ Россіи все еще нѣтъ патріотизма, какъ массоваго явленія; и потому дорваться Россіи до патріотизма, — значитъ дорваться до Европы...“ Только на основѣ патріотическаго самосознанія можно строить дѣйствительную политику международной солидарности: „интернаціонализмъ является — по Потресову — дальнѣйшимъ развитіемъ патріотизма“...

Разсужденія эти бьютъ гораздо дальше, чѣмъ можетъ показаться на первый взглядъ. Интернаціонализмъ является „дальнѣйшимъ развитіемъ“ патріотизма ровно въ той мѣрѣ, въ какой социализмъ является „дальнѣй-

шимъ развитіемъ“ либерализма. Чисто-логически (то есть метафизически) можно, разумѣется, „конструировать“ интернаціонализмъ, какъ расширение патріотизма на все человѣчество. Но исторически социализмъ и интернаціонализмъ вырастаютъ изъ либерализма и патріотизма путемъ революціоннаго отрицанія, воплощеннаго въ классовой борьбѣ пролетаріата. Если для Масловыхъ и Потресовыхъ русскій интернаціонализмъ есть только болѣзнь незрѣлости или рефлексъ отсталости, то это потому, что для нихъ, по существу дѣла, весь самостоятельный характеръ русскаго рабочаго движенія является ненормальностью, и вся росіійская с.-д., какъ она политически оформилась въ эпоху революціи, представляется имъ историческимъ выкидышемъ.

„Въ равнодушіи обывателя, которому въ глубокой мѣрѣ безразлично, больше или меньше въ Россіи десятками губерній...—пишетъ Потресовъ,—(мы) склонны усматривать высшій политическій разумъ свѣжеиспеченнаго гражданина мира“. Подъ угломъ зрѣнія политическаго развитія такого обывателя Потресовъ и восклицаетъ: „дорваться Россія до патріотизма—значитъ дорваться до Европы!“ Но вѣдь для этого внѣклассоваго потресовскаго обывателя, еще не заинтересовавшагося географической картой Россіи, огромнымъ шагомъ впередъ явится, напр., и вся программа Милюкова. Значитъ, Потресовъ можетъ съ полнымъ правомъ сказать — и по существу онъ говоритъ это: „дорваться Россіи до *либерализма* — значитъ дорваться до Европы“. По адресу росіійской социаль-демократіи это значитъ просто, что она обсчиталась, родившись примѣрно на четверть столѣтія раньше, чѣмъ ей полагалось бы по потресовскому маршруту. Самый этотъ маршрутъ: отъ пошехонскаго тупоумія черезъ патріотизмъ (либера-

лизмъ) къ интернаціональному соціализму, если хотите, теоретически правиленъ — въ томъ смыслѣ, въ какомъ, напримѣръ, правиленъ экономическій маршрутъ: отъ ремесла — черезъ мануфактуру къ фабрикѣ. Въ эту послѣднюю схему прекрасно укладывается экономическое развитіе Европы въ цѣломъ. Но кто захочетъ механически примѣнить ее къ изолированно взятому экономическому развитію Россіи, тотъ либо совсѣмъ отброситъ въ отчаяніи схему, либо признаетъ экономическое развитіе Россіи... ошибочнымъ: европейская фабрика стала завоевывать Россію прежде, чѣмъ „естественное“ развитіе послѣдней дошло не только до мануфактуры, но и до европейскаго ремесла. Сообразно съ этимъ промышленная отсталость Россіи — въ данныхъ условіяхъ мірового хозяйственнаго развитія — выражается между прочимъ въ чрезвычайно концентрированномъ характерѣ русской индустріи. Отсюда вытекаютъ въ свою очередь важнѣйшія соціальныя и политическія послѣдствія — для судьбы того самого обывателя, теоретикомъ котораго хочетъ быть Потресовъ. Если этотъ обыватель — рабочій, то онъ выбивается изъ каратаевского тупоумія не принципами либерализма, а эксплуатацией либеральнаго фабриканта. Прежде чѣмъ этотъ рабочій заинтересуется, какъ слѣдуетъ, картой Россіи, онъ успѣетъ пропитаться классовой враждебностью къ эксплуататорамъ, и этотъ уже на первыхъ шагахъ пробужденный и обостренный классовый антагонизмъ не дастъ его дальнѣйшему знакомству съ отечественной картой окраситься въ цвѣтъ патріотизма.

Русскій капиталъ „дорывается до Европы“ въ формѣ трестовъ, объединяющихъ гигантскія предпріятія, гдѣ примѣняется послѣднее слово техники, — и никакой Масловъ не станетъ внушать русскимъ предпринимателямъ, что мануфактура прошла для нихъ въ

самый разъ, ибо у насъ существуютъ де еще отработочное земледѣліе и жалкое кустарничество. Но когда русскій рабочій „дорывается до Европы“ въ формѣ революціоннаго интернаціонализма, Потресовъ одергиваетъ его поученіемъ, суть котораго можетъ быть выражена такъ: „Признай свою некультурность и ступай на выучку къ патріотизму!“ Потресовъ по существу дѣла только обновляетъ примѣнительно къ моменту старый лозунгъ Петра Струве.

Но въ политическомъ содержаніи этихъ двухъ призывовъ есть огромная разница, которая опредѣляется всѣмъ содержаніемъ истекшихъ полутора-двухъ десятилѣтій. Струве непосредственно звалъ лишь марксистскую интеллигенцію въ лагерь либеральной оппозиціи, которая дѣлала тогда свои первые робкіе, „выѣклассовые“ шаги. Потресовъ же зоветъ нынѣ, въ 1916 г., во время европейской войны, социалистическихъ рабочихъ въ лагерь патріотической оппозиціи, руководимой империалистическимъ капиталомъ.

Революціонное крыло марксистской интеллигенціи сумѣло 15 лѣтъ тому назадъ отвѣтить на призывы Петра Струве словами: „*Пошелъ вонъ!*“ Мы считаемъ, что революціонные рабочіе обязаны теперь эту краткую формулу обновить по адресу Потресова.

„Н. С.“, Парижъ, 22 марта 1916 г.

Оставьте насъ въ покоѣ!

... Прошу Васъ, если Вы согласны со мной, то, переговоривъ съ другими товарищами-депутатами, телеграфируйте мнѣ: „Будьте спокойны!..“

(Изъ письма Г. Плеханова депутату Бурьянову).

Идейно и политически Плехановъ умеръ для социализма и для нашей партіи. Но онъ хочетъ всѣхъ заставить помнить, что онъ физически пережилъ собственную духовную смерть. Онъ хочетъ внести какъ можно больше смуты и замѣшательства въ партійные ряды и влить какъ можно больше яду въ сознание отсталыхъ рабочихъ; ему очевидно кажется, что въ томъ нелѣпомъ хаосѣ, который онъ создаетъ вокругъ своего имени, не такъ замѣтно его духовное паденіе.

Выступая въ шовинистической итальянской печати противъ итальянской социалистической партіи, которую онъ еще недавно защищалъ противъ итальянскаго національ-реформизма; отправляясь, для защиты царской дипломатіи съ веревкой на шеѣ въ Каноссу кантіанства, послѣ того какъ онъ съ царизмомъ и кантіанствомъ боролся всю жизнь; объединяясь съ заштатными національ-народниками противъ революціонной социаль-демократіи; подстрекая — сперва исподтишка, затѣмъ открыто — нашихъ депутатовъ къ партійному штрейкбрехерству, — Плехановъ какъ бы остервещается въ борьбѣ съ собственнымъ прошлымъ, какъ бы пытается возрастающей разпузданностью своихъ выступленій заглушить протестъ своей разслабленной политической совѣсти.

Зная прекрасно, что наши депутаты будутъ голосовать противъ кредитовъ, что пять изъ нихъ за свою

вѣрность знамени уже на поселеніи, что съ социалдемократическими депутатами весь передовой пролетаріатъ, Плехановъ пытается отколоть хоть одного изъ нихъ, и жалкое безспіе своихъ аргументовъ восполняетъ мѣрами индивидуальнаго запугиванія. Онъ пишетъ, обращаясь лично къ Бурьянову, что „голосованіе противъ кредитовъ было бы измѣной“. Онъ бросаетъ во время войны обвиненіе въ измѣнѣ революціонной партіи, скованной по рукамъ и по ногамъ военнымъ положеніемъ.

Берите, либеральные шовинисты, это обвиненіе, берите, если не гнушаетесь,—оно въ самый разъ для васъ: когда социаль-демократія броситъ вамъ обвиненіе въ пособничествѣ тѣмъ силамъ, которыя подготовили войну, не оправдывайтесь, не защищайтесь,—бросайте въ отвѣтъ обвиненіе въ измѣнѣ!

И вы, пововременцы, вы, люди изъ „Земщины“ и другихъ реакціонныхъ вертеповъ, теперь вы съ благословенія родоначальника русскаго марксизма можете улюлюкать на „измѣнниковъ“ Петровскаго и Муранова или кричать „ату его“ вслѣдъ Чхендзе или Скобелеву.

И вы, господа прокуроры, щегловитовскаго и иного закала, поберегите въ вашемъ портфелѣ плехановское письмо: оно вамъ пригодится, когда придется облачать въ арестанскій халатъ того самого Бурьянова, котораго Плехановъ величаетъ „дорогимъ товарищемъ“...

Хотѣлось бы пройти, закрывъ глаза, мимо отталкивающаго зрѣлища: пьянаго отъ шовинизма и духовно раздѣтаго „отца“ партіи. Но лельзя: этотъ скандалъ есть политическій фактъ.

Каждое новое выступленіе Плеханова противъ русской социаль-демократіи немедленно передается телеграфомъ въ буржуазныя газеты всей страны; не потому, чтобъ Плехановъ говорилъ что-нибудь исключительное

по значительности,—наоборотъ, трудно придумать болѣе плоское выраженіе для болѣе банальныхъ мыслей,—но духовный трупъ марксистскаго теоретика всегда еще достаточно хорошъ, чтобы быть употребленнымъ на заправку противъ пролетарскаго интерпаціонализма. А сверхъ того „либеральная“ и „демократическая“ интеллигенція смотрится въ зеркало Плехановскаго паденія и находить, что, значить, не такъ ужъ она скудна духовно, не такъ низкопробна морально, ибо отъ собственнаго своего имени она не посмѣла бы никакъ требовать отъ социалистовъ отреченія и клеймить ихъ за стойкость измѣнниками... Въ Тверь и въ Новочеркасскъ, въ Одессу и въ Иркутскъ, всюду телеграфная проволока передаетъ, что Плехановъ называетъ поведеніе социаль-демократической фракціи „измѣной“. Какое замѣшательство въ умахъ молодыхъ, лишь затронутыхъ социализмомъ рабочихъ! Какое торжество для всѣхъ отрекшихся—для тѣхъ, кто еще въ началѣ контръ-революціи продалъ шнагу, и для перебѣжчиковъ послѣдняго „патріотическаго“ призыва.

Какое паденіе!

Можно было бы дать психологически-поучительный рассказъ о личной трагедіи человѣка, который защищалъ въ теченіе трехъ десятилѣтій классовую политику въ полной изолированности отъ класса, отстаивалъ принципы революціи въ наименѣе революціонномъ уголкѣ Европы и былъ фанатическимъ пропагандистомъ марксизма, живя въ наименѣе „марксистской“ атмосферѣ французской мысли.

Можно было бы дать очеркъ жизни революціонера, который въ теченіе трети столѣтія—во всеоружіи теоріи Маркса—ждалъ и призывалъ русскую революцію, а когда она пришла, не нашелъ въ своемъ духовномъ арсеналѣ ни анализа ея движущихъ силъ, ни большихъ

историческихъ обобщеній, ни, наконецъ, одного хотя бы яркаго или сильнаго слова, ничего, кромѣ плоскаго резонерства и тактическаго брюзжанія заднимъ числомъ.

Можно было бы написать характеристику ума, сильнаго и блестящаго, но чисто-догматическаго, формально-логическаго,—и можно было бы объяснить, почему именно такому уму исторія довѣрила—въ условіяхъ російской общественной мизеріи—защиту и пропаганду марксизма—доктрины, наименѣе догматической, наименѣе формальной, въ которой сквозь ткань обобщеній проглядываетъ живая плоть и горячая кровь социальной борьбы и страстей: тамъ, гдѣ доктрина оставалась еще безъ своего социального тѣла, гнѣздясь въ сознаніи интеллигенціи, ея глашатаемъ долженъ былъ выступать полемистъ, логикъ и—увы—верѣдко софистъ. И въ этомъ противорѣчьи между характеромъ міросозерцанія и личнымъ духовнымъ складомъ, между задачей жизни и ея условіями, лежалъ источникъ всѣхъ позднѣйшихъ шатацій и ошибокъ, нынѣ завершившихся безвозвратнымъ паденіемъ.

Но теперь не такое время, чтобъ писать психологическіе этюды. Плехановщина—не только личная трагедія, но политическій фактъ. И разъ возлѣ Плеханова, въ окружающей его свитѣ нулей, нѣтъ никого, кто могъ бы его заставить понять, что его выступленія не только губятъ его, но и безнадежно омрачаютъ образъ, составляющій уже достояніе партійной исторіи,—у насъ не остается не только долга, но и права быть снисходительными.

Онѣ, Плехановъ, закликаетъ фракцію „успокоить“ его по телеграфу—актомъ политическаго ренегатства, и отъ фракціи, которая хочетъ оставаться на посту, и отъ партіи, въ которой достаточно силы, чтобы переступить

черезъ духовный трупъ своего оспователя, Плехановъ долженъ получить отвѣтъ:

Спокойны вы или нѣтъ, намъ все равно; но васъ мы разъ навсегда просимъ оставить насъ въ покоѣ!

Парижъ. 14-го октября 1915 г.

Хвостовъ!

Назначеніе чернаго депутата и полураскаившагося погромщика Хвостова министромъ внутреннихъ дѣлъ было безъ сомнѣнія сознательно задумано, какъ „непристойное тѣлодвиженіе“ въ отвѣтъ на политическія претензіи земского и городского съѣздовъ. Вынесеніе этими съѣздами резолюцій, обвинственныхъ по адресу нѣмцевъ и пискливыхъ по адресу монархіи, явилось послѣднимъ и наиболѣе торжественнымъ актомъ той общественной „мобилизаціи“, отъ Гурко до Плеханова, которая явилась отраженіемъ во внутренней политикѣ побѣдоноснаго пятимѣсячнаго наступленія нѣмецкихъ армій. Но уже до съѣздовъ нѣмецкій натискъ пріостановился: было-ли тому причиной дѣйствительное приращеніе боевыхъ припасовъ у русской арміи или естественное матеріальное истощеніе и физическое утомленіе нѣмецкой арміи, успѣвшей отойти на нѣсколько сотъ километровъ отъ своей базы, и пужда въ серьезной передышкѣ; играла ли при этомъ роль необходимость для нѣмцевъ укрѣпить западный фронтъ и подготовить натискъ на Балканы, или же всѣ перечисленные причины дѣйствовали вмѣстѣ,—это не имѣетъ для интересующаго насъ вопроса рѣшающаго значенія. Но только лишь въ лавинообразномъ отступленіи русской арміи наступила пауза, какъ монархія немедленно же начала укрѣплять свои внутреннія „траншеи“. Послѣ внезапнаго

закрытія Таврическаго дворца можно было не сомнѣваться, что земско-городской депутаціи не пріостановить развертывающагося твердаго курса и что всѣ списки министровъ общественнаго довѣрія пребудутъ до поры-до времени втуне. Но даже и подъ угломъ этого единственно-реальнаго, предвидѣнья призывъ къ власти именно Хвостова является нѣкоторой политической роскошью. Сперва тульскій вице-губернаторъ, расправлявшійся съ революціей 1905 года; далѣе прославленный вологодскій и нижегородскій губернаторъ, черезъ посредство полиціймейстеръ побуждавшій артистокъ ко „взаимности“; затѣмъ предсѣдатель крайнихъ правыхъ единомышленникъ Маркова, сосѣдь Пуришкевича и сотрудникъ Замысловскаго въ эпоху дѣла Бейлиса; „безусловно умный человѣкъ“, по аттестаціи Савенки и Мепшикова (пзъ категорій тѣхъ, о которыхъ у Грибоѣдова сказано: „а 'умный' человѣкъ не можетъ быть не плутомъ“),—Хвостовъ, въ качествѣ внезапнаго министра внутреннихъ дѣлъ, представляетъ собою такое откровенное издѣвательство надъ думскимъ блокомъ и земской депутаціей, что если-бы политика нашихъ буржуазныхъ партій опредѣлялась въ дѣйствительности монархическими предразсудками, а не классовымъ разсудкомъ, слѣдовало бы ожидать всеобщаго и поголовнаго возстанія противъ монархіи. Но нѣтъ, монархія можетъ спать совершенно спокойно, поскольку ея участь зависить отъ политической воли буржуазныхъ партій.

Интервьюеры либеральной прессы немедленно облизали г. Хвостова и, облизывая карандаши, стали лихо-радочно выписывать государственною программю „безусловно умнаго человѣка“ для свѣдѣнія всероссійскаго обывателя. Борьба съ дороговизной и нѣмецкимъ за-сильемъ, твердая власть и благожелательность къ рабочимъ, сперва побѣда—потомъ реформы... Если картина

политическаго рабства страны и добровольнаго униженія либеральной буржуазіи нуждалась еще въ дополнителномъ штрихѣ, такъ онъ дасть тѣмъ, что вся пресса Россіи въ теченіе ряда дней занята была почти исключительно повтореніемъ и истолковываніемъ получленораздѣльныхъ чревоущипаній самодовольно ничтожнаго бюрократическаго выскочки. И хотя лѣвые политики и журналисты блока дѣлають при этомъ свои гримасы, но даже и лѣвѣйшіе преисполнены убѣжденія, что „пріявши“ войну, нужно „пріяты“ Хвостова, ибо добровольно онъ все равно не слѣзетъ съ государственнаго облучка, а если принятъ его оттуда ссаживать, то можно повредить „національной оборонѣ“. Эту всеобщую готовность либеральной буржуазіи къ сожигательству съ Хвостовымъ лучше всего выразилъ московскій городской голова Челноковъ: „Надо ждать поступковъ,—отвѣтилъ онъ на вопросъ о новомъ министрѣ,—пока высказываться преждевременно“. О, кадетская невинность, это ты!

Что касается рабочихъ, „другомъ“ которыхъ объявляетъ себя Хвостовъ, то они могутъ уже и сейчасъ отдать себѣ полный отчетъ въ тѣхъ „поступкахъ“, которые ожидаютъ ихъ со стороны новаго министра. „Особенно богатъ его опытъ,—такъ отзывается о Хвостовѣ Меншиковъ—по части новѣйшихъ революціонныхъ броженій, рабочихъ и простонародныхъ“. Этотъ „опытъ“ и является подлиннымъ политическимъ капиталомъ Хвостова. Борьба съ дороговизной и борьба съ „нѣмецкимъ засильемъ“ озабочиваютъ его исключительно подъ угломъ зрѣнія надвигающейся опасности революціонныхъ броженій. Если насчетъ земцевъ, „уклонившихся нѣсколько (!) въ сторону учредительнаго собранія“, Хвостовъ почти спокоенъ, то насчетъ голодныхъ бунтовъ и движенія безработныхъ послѣ демобилизаціи

онъ ни отъ кого не скрываетъ своей тревоги. Споткнется ли онъ о бюрократическую интригу, или будетъ смытъ первой революціонной волной, — не все ли равно? Но фигура Хвостова войдетъ въ политическій альбомъ Россіи, какъ символъ отношеній между монархіей и патріотической буржуазіей.

Парижъ „Н. С.“ 29-го октября 1915 г.

Хвостовъ, Кафатовъ и другіе.

(Отечественная фантастика.)

Русская „внутренняя“ политика бывала моментами страшнѣе, чѣмъ нынѣ, но никогда она не была фантастичнѣе. То, что Салтыковъ называлъ „неключимостями“ нашего быта: невозможныя сочетанія идей, людей и положеній, издѣвательства надъ природою вещей, дикіе абсурды, напешшіе себѣ административное воплощеніе, — все это теперь возведено въ какую-то новую, высочайшую степень, которая измѣнила самую субстанцію русской фантастики. Когда читаешь, напримѣръ, дѣло Хвостова, организовавшаго покушеніе на Распутина, то получаешь такое впечатлѣніе, точно главу изъ Щедрина серьезно переработалъ Эдгаръ Поэ, послѣ чего окончательную отдѣлку наводилъ Поприщинъ. Самое это сочетаніе изъ Щедрина, Поэ и Поприщина не можетъ не казаться парадоксально нелѣпымъ и психологически-оскорбительнымъ; но ничего другого не придумаешь. Самыя чудовищныя комбинаціи Поэ облагорожены единствомъ художественнаго стиля; необходимо поэтому предоставить послѣднее слово именно Поприщину, который вставитъ мартобря, шишку алжирскаго бея и гамбургскую луну, — и только послѣ этого получится полное отраженіе русской дѣйствительности.

Свою книгу о помпадурѣхъ золотого вѣка Щедрина начинаетъ словами: „Очень ужъ нынче часто приходится намъ съ начальниками прощаться. Приѣдетъ начальникъ, не успѣетъ еще распорядительности показать — глядь, его уже смѣнили, новаго шлютъ“! Но историографу стараго русскаго помпадурства даже и въ лихорадочномъ снѣ не могъ бы привидѣться темпъ нынѣшнихъ правительственно-бюрократическихъ передвиженій, возвышеній, смѣщеній и паденій.

Съ іюня прошлаго года ушли: предсѣдатель совѣта министровъ Горемыкинъ, 3 министра внутреннихъ дѣлъ, 2 военныхъ министра, 2 оберъ-прокурора синода, по одному министру путей сообщенія, земледѣлія, юстиціи, торговли и контроля; далѣе 6 товарищей министра внутреннихъ дѣлъ, 2 оберъ-прокурора синода, по одному товарищу министровъ военнаго и морскаго и 3 директора департамента полиціи. За какіе-либо пять мѣсяцевъ на 23 важнѣйшихъ постахъ министерства внутреннихъ дѣлъ произошло 15 перемѣщеній, на 167 губернагоровъ и генералъ-губернаторовъ состоялось 88 перемѣнъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ городахъ высшая администрація обновлялась по два раза въ мѣсяцъ. Достаточно сказать, что одинъ Хвостовъ успѣлъ перемѣнить 13 губернаторовъ и уволить 4. И можно не терять надежды, что вновь назначенные имъ еще покажутъ себя въ самомъ сверхъестественномъ, т.-е. натуральномъ своемъ видѣ.

Самъ Хвостовъ является безспорно наиболѣе „репрезентативной“ фигурой для русской бюрократіи середины втораго десятилѣтія нашего вѣка. Былъ губернаторомъ, бралъ взятки, склонялъ черезъ полицмейстера актрису къ взаимности, угрожая въ противномъ случаѣ высылкой,—до сихъ поръ все классическія и, такъ сказать, патріархальныя черты изъ щедринскихъ

„помпадуровъ и помпадуршъ“. Но дальше идетъ чрезвычайный „модернъ“. Уволенный въ отставку щедринскій Хвостовъ долженъ былъ бы пристроиться приживаломъ къ финансисту Фалалею Губошлепову, показывать ему, какъ надѣваютъ на шею орденъ св. Анны, играть съ мадамъ Губошлеповой въ преферансъ и безнадежно роптать. Въмѣсто этого Хвостовъ, влекомый усложненной дѣйствительностью, вступаетъ въ союзъ русскаго народа и проходитъ депутатомъ въ Думу. Всѣ рѣшительно знаютъ, что этотъ человѣкъ не только взяточничалъ и объяснялся въ любви черезъ полицеймейстера, но и устраивалъ погромы. И онъ самъ знаетъ, что всѣ знаютъ. И всѣ знаютъ, что онъ знаетъ о томъ, что всѣ знаютъ. Это несколько, однако, не мѣшаетъ ему лѣзть на трибуну, вносить деклараціи и дѣлать оппозицію. Этотъ депутатскій, думскій, парламентскій (!!!) мостъ между нижегородскимъ и всероссійскимъ помпадурствомъ Хвостова — мостъ совершенно фантастическій — представляетъ собою, однако, еще не самое фантастическое въ его карьерѣ.

Въ Норвегіи проживаетъ, въ качествѣ политическаго эмигранта, бывший монахъ Іліодоръ, который пачалъ на родинѣ свою дѣятельность съ того, что мазалъ дегтемъ ворота стриженымъ учительницамъ. Въ Петроградѣ проживаетъ неграмотный сибирскій мужикъ Гришка Распутинъ, который отверзаетъ самымъ высокопоставленнымъ (выше уже некуда!) дамамъ двери рая, а въ то же время завѣдуетъ смѣшной мишистровъ и вопросами войны и мира. Черезъ посредство Ржевскаго—а Ржевскій—это нашъ старый Расплюевъ, котораго тоже „обрабатывали“ Эдгаръ Поэ съ Поприщиннымъ — министръ Хвостовъ входитъ въ связь съ эмигрантомъ Іліодоромъ съ цѣлью упразднить придворнаго старца Гришку. Чудовищно почти, сверхъесте-

ственно, — но и тутъ фантастичность все еще грубая, суздальско-рокампольская, то-есть та же старая русская „неключимость“, только возведенная въ п-ю первую степень...

Въ то самое время, какъ Ржевскій делегируется въ Норвегію, Хвостовъ, влекомый усложненной дѣйствительностью, руководить выборами рабочихъ въ военно-промышленные комитеты. И вотъ здѣсь-то и открывается намъ неожиданно квинтъ-эссенція современной русской фантастики.

Въ Швейцаріи проживаетъ въ теченіе почти четырехъ десятилѣтій въ качествѣ политическаго эмигранта Г. В. Плехановъ: казалось бы, совершенно достаточный срокъ, чтобы испытать закалъ человѣка. Никто не имѣлъ права считать его непримиримостью однимъ только литературнымъ щегольствомъ. Уже совсѣмъ незадолго до начала войны Плехановъ продолжалъ настаивать на крайней полезности разстрѣлять (для примѣра) русскихъ ликвидаторовъ — за слишкомъ примиренческія отношенія къ отечественному режиму. И вотъ этотъ самый человѣкъ (авторъ брошюры о Тихомировѣ) вмѣстѣ съ нѣсколькими другими эмигрантами, болѣе или менѣе лишенными правъ, сочиняетъ прошлой осенью манифестъ къ трудящемуся народу. Манифестъ патентованныхъ русскихъ революціонеровъ — „изъ Женевы!“ — во время войны!... Но бывший нижегородскій помпадуръ Хвостовъ, шефъ жандармовъ и министръ полиціи, не только не командируетъ одного изъ своихъ Ржевскихъ для упрядненія Плеханова или хотя бы его манифеста, а наоборотъ, громогласно одобряетъ женевскій документъ и подписываетъ полиціи не чинить никакихъ препятствій къ его распространенію. И мы считаемъ что эта комбинація изъ Хвостова и Плеханова (задумайтесь падъ нею на минуту, какъ падъ *сбѣ-*

жизль фактомъ!) является наиболѣе фантастической изъ всей современной русской фантастики.

* * *

Больше всего поражаетъ глазъ нынѣшняя полная неприкрытость всѣхъ административныхъ тѣлодвиженій. Директоръ департамента полиціи Кафафовъ пишетъ циркуляръ, приглашающій снова „потрепать жида“ — на сей разъ по поводу дороговизны. Циркуляръ оглашается въ Думѣ. И что же? Кафафовъ расчесываетъ съдья бакенбарды, лѣзетъ на трибуну и объясняетъ что трепать жида онъ почти что не призываетъ, а если и призываетъ, то для его же, жида, пользы. И всѣ послѣ этого глядятъ другъ другу въ глаза, а Кафафовъ отправляется писать новые циркуляры. Конституціонная эпоха совершенно освободила бюрократію отъ стыда. Этимъ прежде всего и отличается современный помпадуръ отъ стараго, щедринскаго. Тотъ органически боялся гласности во всѣхъ ея видахъ, зная, что съ ней связанъ конфузъ. А Хвостовы, Кафафовы, Сухомлиновы и всѣ прочіе превратностями послѣдняго десятилѣтія совершенно застрахованы отъ малодушія передъ гласностью. Депутаты и газетчики обличаютъ: „воры, погромщики, предатели“ (возьмите въ руки любую русскую газету!), а поименованные воры и погромщики расчесываютъ бакенбарды и лѣзутъ на трибуну для предьявленія государственныхъ программъ. И ничего — не только сохраняютъ бакенбарды, но и благополучно получаютъ кредиты.

Какъ Сперанскій и Лорисъ-Меликовъ были высшими точками „либеральной“ русской бюрократіи, какъ Аракчеевъ остался навсегда высшимъ воплощеніемъ твердой русской власти, такъ Хвостовъ, повторяемъ, есть

увѣнчаніе и завершеніе отечественной бюрократіи въ эпоху „освободительной войны“. Министръ-депутатъ, которому Ржевскій необходимъ для практической политики, а Плехановъ для идеологій,—тутъ ни прибавить, ни убавить ничего нельзя. И если поощряемый Хвостовымъ Плехановъ продолжаетъ, въ сообществѣ съ малыми сими, сочинять статьи объ истинномъ и не истинномъ интернаціонализмѣ, значить, чувство стыда исчезло не только въ средѣ русской бюрократіи.

Въ мартѣ петроградское телеграфное агентство сообщало всѣмъ газетамъ нижеслѣдующую телеграмму, полученную изъ-за границы депутатомъ Бурьяновымъ:

„Прочитали вашу рѣчь и Манькова. Братски приветствуемъ и желаемъ бодрости и успѣха въ борьбѣ за защитѣ родины и за освобожденіе народа. Редакція „Призыва“: Аргуновъ, Авксентьевъ, Бунаковъ, Вороновъ, Любимовъ, Плехановъ, Алексинскій“.

Извольте припомнить, что во главѣ officialнаго русскаго агентства стоитъ не кто иной, какъ Гурляндъ,—субъектъ, который за кулисами успѣшно обучалъ конституціонную бюрократію забвенію стыда. За время послѣдней думской сессіи въ прессѣ стонъ стоялъ по поводу гурляндовской информации: фальсифицируетъ, замалчиваетъ, вретъ, скрываетъ. Даже кадеты жаловались, что тѣ ихъ рѣчи, которыя непосредственно не посвящены прославленію отечественнаго штыка, считаются Гурляндомъ какъ бы не произнесенными. Зато рѣчь Кафафова Гурляндъ телеграфируетъ полностью, а черезъ Гаваса присовокупляетъ даже, что рѣчь вызвала у еврейскихъ депутатовъ слезы благодарности. Пока что все въ сущности въ порядкѣ вещей. Но фантастика русской дѣйствительности захотѣла предъ государственнымъ благоволеніемъ Гурлянда уравнивать съ Кафафовымъ Плеханова и его Аргуновыхъ. И казен-

ный телеграфъ передаетъ привѣтствіе „объединенныхъ“ социаль-демократовъ и социалистовъ-революціонеровъ изъ „Призыва“ Бурьянову съ такою же тщательностью, какъ и рѣчи чиновника департамента полиціи. И члены редакціи „Призыва“ не только не рѣшаютъ послѣ этого сгорѣть со стыда, но, наоборотъ, продолжаютъ какъ ни чемъ не бывало свое творчество. Одобренные къ употребленію Хвостовымъ и популяризуемые Гурляндомъ, Авксентьевъ съ Бунаковымъ попрежнему подвергаютъ Либкнехта оцѣнкѣ подъ угломъ зрѣнія истиннаго социализма. „Рѣчь сего тевтона читали, но содержанія оной не одобрили“.

Одинъ изъ героевъ Достоевскаго, мелкій плутъ Лямшинъ, изловчается одной рукой играть на рояли марсельезу, а другой — „Mein lieber Augustin“, и при этомъ не сбивается съ такта. Музыканты изъ „Призыва“ и безъ такой высокой техники достигаютъ единственнаго въ своемъ родѣ музыкальнаго эффекта: они исполняютъ какъ будто „Интернаціональ“, но звуки его прекрасно гармонируютъ съ хвостовски-кафафовскимъ гимномъ. Вотъ этотъ-то музыкально-политическій букетъ изъ „Интернаціонала“ и Кузькиной матери представляетъ собою высшую точку отечественной фантастики. И по чистой совѣсти, мы не думаемъ, чтобъ можно было создать что-либо болѣе мерзостное.

Парижъ, „Н. Ст.“, 1 мая 1916 г.

Привѣтъ Ф. Мерингу и Р. Люксембургъ!

27 февраля Францу Мерингу исполнилось 70 лѣтъ. Самый выдающійся публицистъ германской социаль-демократіи и вмѣстѣ блестящій историкъ ея идейнаго и политическаго развитія вступаетъ въ восьмой десятокъ

въ эпоху жесточайшаго кризиса мірового соціализма и прежде всего самой германской соціалъ демократіи. И скажемъ сразу: если Мерингъ намъ дорогъ и близокъ сейчасъ, то не какъ историкъ и заслуженный публицистъ нѣмецкаго соціализма: слишкомъ горяча почва у всѣхъ у насъ подъ ногами, чтобы оглядываться назадъ и расцѣпывать людей по ихъ историческимъ заслугамъ; со слишкомъ многими „заслуженными“ мы, не колеблясь, порвали—не какъ съ идейными противниками только, но какъ съ политическими врагами. Если историкъ внутреннихъ боевъ нѣмецкой соціалъ-демократіи такъ близокъ намъ сейчасъ, то потому, что въ нынѣшнемъ, въ сегодняшнемъ бою онъ мужественно и не колеблясь занялъ то мѣсто, которое мы считаемъ постомъ соціалистическаго долга и революціонной чести. Мерингъ съ самаго начала войны выступалъ во многочисленныхъ статьяхъ и рѣчахъ противъ того торопливо скрѣпленнаго авторитетными евнухами партійныхъ инстанцій предательства, которое носить пышное названіе „гражданскаго мира“. Въмѣстѣ съ Розой Люксембургъ онъ издалъ одинъ номеръ журнала „Интернаціональ“, самое имя котораго было программой и вмѣстѣ вызовомъ партійной политикѣ 4-го августа. Въ періодъ ужасающаго развала, отступничества однихъ, пассивной разслабленности другихъ, выступленіе Меринга противъ политики „партійныхъ инстанцій“ оказало незамѣнимую поддержку пробуждавшейся оппозиціи лѣваго крыла, которое является теперь подлиннымъ носителемъ чести нѣмецкаго пролетаріата.

Вмѣстѣ съ Мерингомъ въ этой борьбѣ стояла Роза Люксембургъ, которая теперь, послѣ годового заключенія въ тюрьмѣ, вышла на свободу—для новой борьбы. Ихъ обоихъ—Меринга и Люксембургъ—отдѣляютъ отъ насъ воздвигнутыя господствующими классами

траншеи милитаризма. Но въ той единственной борьбѣ, которую ведемъ мы—противъ покрытаго новой кровью и новыми проклятіями классоваго государства, противъ его хозяевъ, защитниковъ и восторженныхъ рабовъ—мы съ Мерингомъ и Люксембургъ находимся по одну и ту же сторону траншеи, проходящей черезъ весь капиталистическій міръ.

Въ лицѣ Франца Меринга и Розы Люксембургъ мы привѣтствуемъ духовное ядро революціонной нѣмецкой оппозиціи, съ которой мы связаны нерасторжимымъ братствомъ по оружію!

Парижъ, 3 марта 1916.

Хеглундъ и Либкнехтъ.

Хеглундъ вмѣстѣ съ организаціей, которую онъ представлялъ въ Циммервальдѣ, непосредственно отстаивалъ политику шведскаго нейтралитета. Нынѣшнее правительство Швеціи официально не выдвигало и не выдвигаетъ другой программы, кромѣ нейтралитета. На первый разъ, казалось бы, создалась вполнѣ достаточная почва для „мирнаго“ сотрудничества. И дѣйствительно мы видимъ, что официальная шведская социалистическая партія, руководимая „нейтралистомъ“ и „пацифистомъ“ Брантингомъ, всю свою политику свела къ социалистической перелицовкѣ официального нейтрализма. Самъ Брантингъ, по личнымъ симпатіямъ своимъ, какъ извѣстно, франкофилъ. Но не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ—опытъ болгарскихъ „широкихъ“ социаль-патріотовъ еще разъ слишкомъ краснорѣчиво подтвердилъ это,—что въ случаѣ, если бы Швеція оказалась вовлеченной въ войну на сторонѣ центральныхъ имперій, партія Брантинга нашла бы достаточно политическихъ, юридическихъ и иныхъ основаній для того, чтобы не

отдѣляться отъ буржуазной націи въ моментъ „опасности“.

Совершенно иной характеръ имѣла та политика нейтралитета, которую отстаивали такъ наз. „молодые“, т. е. революціонное крыло шведскаго прелетаріата. Для нихъ дѣло шло о сплоченіи шведскихъ рабочихъ массъ на основѣ принципиальнаго недовѣрія ко всей международной политикѣ имущихъ классовъ. Для нихъ задача состояла въ томъ, чтобы заставить массы понять корыстно-эгоистическій, хищнический характеръ официальной оріентаціи, готовой въ любую минуту сбросить съ себя „пацифистскую“ личину для кроваваго вмѣшательства въ событія, если бы это вмѣшательство сулило болѣе высокій дивидендъ, чѣмъ дальнѣйшее подержаніе нейтралитета. Именно этимъ революціонно-классовымъ, а не дипломатически-нейтралистскимъ духомъ проникнуты были рѣшенія того — состоявшагося по инициативѣ „молодыхъ“ — шведскаго конгресса, на которомъ принимали участіе многочисленные професіональные и официально-партиійные рабочіе кадры. Манифестъ этого конгресса провозглашаетъ — въ случаѣ правительственныхъ попытокъ вмѣшательства въ войну—*всеобщую стачку*; не ограничиваясь этимъ, онъ заявляетъ, что въ случаѣ мобилизаціи военно-полицейскаго аппарата противъ всеобщей стачки борьба пролетаріата должна будетъ принять болѣе острые революціонныя формы.

Этимъ самымъ въ выжидательно-нейтралистскую политику правящихъ классовъ Швеціи врѣзывался революціонный факторъ контроля и дѣйствія. Дезорганизовать его, терроризировать рабочихъ, объединяющихся противъ официально-національной идеологіи подъ знаменемъ революціонной борьбы—такова та неотложная работа правящихъ, вступленіемъ на путь которой

явился процессъ противъ депутата Хеглунда и его соратниковъ Ольселунда, редактора органа молодыхъ, и Хедена. Нынѣ этотъ процессъ законченъ. Хеглундъ приговоренъ къ тремъ годамъ каторжныхъ работъ, Ольселундъ и Хеденъ — къ двумъ годамъ и къ году. Капиталистическіе классы Швеціи, не разъ уже обнаруживавшіе крѣпкій закалъ въ борьбѣ съ пролетаріатомъ, показали этимъ приговоромъ, какова будетъ политика всей буржуазной Европы въ надвигающуюся на насъ эпоху революціонныхъ потрясеній.

Не успѣлъ молотъ шведскаго правосудія опуститься на головы пролетарскихъ революціонеровъ Скандинавіи, какъ на Потстдамской площади въ Берлинѣ казаки Вильгельма II наложили руки на революціоннаго депутата Либкнехта. Если Хеглундъ непосредственно боролся за то, чтобъ удержать „мирную“ Швецію на пути нейтралитета, то Либкнехтъ борется за то, чтобы воюющую Германію принудить къ скорѣйшему заключенію мира. Но за разницею обстановки остается единство метода апелляціи къ классовой волѣ пролетарскихъ массъ, объединеніе ихъ для революціоннаго дѣйствія, для вмѣшательства въ міровыя событія подъ собственнымъ знаменемъ.

Осужденіе Хеглунда и арестъ Либкнехта произошли подъ звуки пальбы на внутренней дублинской траншеѣ въ Великобританіи. Если въ ирландскомъ движеніи новыя классовыя тенденціи еще тѣсно сливаются со старыми національно-революционными, то въ подавленіи этого движенія со всей отчетливостью сказывается тотъ характеръ классовой безпощадности которымъ имперіализмъ пропитываетъ правящіе классы на островѣ и на континентѣ, въ Скандинавіи и въ Германіи. Достаточно только напомнить о недавнемъ осужденіи дѣятельнаго социалистическаго про-

пагандиста въ Шотландіи т. Маклина на три года каторжныхъ работъ!

Въ этой сгущающейся атмосферѣ классовой безпощадности сложится и закалится Третій Интернаціональ. Хеглундъ и Либкнехтъ—его провозвѣстники и герои.

„Н. С.“. Парижъ, 6 мая 1916.

Либкнехтъ осужденъ.

Итакъ, Либкнехтъ осужденъ. Онъ долженъ отсидѣвать два года шесть мѣсяцевъ и три дня тюремнаго заключенія,—ровно въ эту цифру судьи оцѣнили тотъ ущербъ, который причиненъ нестигаемымъ революціонеромъ гогенцоллернскому государству. Это *низшая* мѣра наказанія, бывшая въ рукахъ судей, которые *обязаны* были осудить. Это не значитъ однако, что Либкнехтъ исторгъ у своихъ судей симпатію. Наоборотъ, онъ сдѣлалъ съ своей стороны все, чтобъ помочь ихъ государственному негодованію подняться на высшую ступень. Принимая и подтверждая всѣ выдвинутыя противъ него обвиненія, онъ заявлялъ, что въ случаѣ освобожденія немедленно же возобновить свою непримиримую борьбу противъ имперіалистической Германіи. И нѣтъ сомнѣнія, что судьи ему вѣрили. Но подлость „государственнаго разума“—того самого, что требовалъ кары—внушила имъ осторожность въ преступленіи: нельзя придавать Либкнехту слишкомъ яркій ореолъ мученичества,—такую роскошь можетъ позволить себѣ Великобританія по отношенію къ героямъ несчастной Ирландіи!—въ Германіи же, гдѣ дѣло идетъ о пробужденіи могущественнѣйшаго изъ общественныхъ классовъ, необходимо дозировать репрессіи, дабы не ускорять чрезмѣрно процессъ накопленія революціонной

страсти. И судьи, признавъ, что Либкнехтъ дѣйствовалъ подѣ влияніемъ политическаго фанатизма, а не безчестныхъ побужденій, приговорили его къ наименьшему наказанію: исключенію изъ арміи и тридцати мѣсяцамъ тюрьмы.

Этотъ приговоръ не отклонить, разумѣется, естественнаго развитія событій,—на это не надѣются и сами судьи. За то онъ войдетъ новой революціонной запиской въ сознаніе рабочихъ массъ. Уже сейчасъ телеграммы сообщаютъ, что въ Берлинѣ, на той самой Потсдамской площади, гдѣ былъ 1-го мая захваченъ Либкнехтъ, полиціи пришлось разсѣивать большую манифестацію протеста и арестовать двадцать человѣкъ; были попытки манифестацій въ Штутгартѣ; въ Брауншвейгѣ 3000 рабочихъ выступили со стачкой протеста. Знаменемъ этого движенія является сейчасъ имя Либкнехта, ставшее символомъ несокрушимой революціонной воли, какъ знаменемъ самого Либкнехта былъ и остается *Циммервальдъ*! И мы въ этомъ героѣ международнаго социализма съ гордостью чтимъ нашего ближайшаго единомышленника!

Парижъ, 1 іюля 1916.

Аккамбрей — не Либкнехтъ.

Наша эпоха есть эпоха массоваго производства героизма—стоитъ только просмотрѣть приказы по полкамъ, корпусамъ и пр. за одинъ день! Но при такомъ количествѣ героевъ, какъ мало людей *просто* мужественныхъ—мы имѣемъ въ виду область политики—или хотя бы только способныхъ критически отнестись къ тому, что происходитъ передъ ихъ глазами и перекатывается черезъ ихъ головы. Уже поэтому одному депутату Аккамбрей заслуживаетъ симпатіи: у него есть свое

мнѣніе, и онъ его смѣетъ отстаивать противъ офиціознаго воя и патріотическаго грохота пюпитровъ парламентскаго большинства.

Женевская газета („Journal de Genève“), состоящая въ распоряженіи союзной дипломатіи и проявляющая реакціонное тупоуміе во всемъ, что выходитъ за предѣлы выполняемыхъ ею порученій, возмущалась, вслѣдъ за всей французской прессой, поведеніемъ Аккамбрея, но въ то же время неосторожно сравнивала его съ Либкнехтомъ, котораго, какъ извѣстно, вся французская пресса на свой ладъ „хвалитъ“. Нѣкоторой симметріи отрицать нельзя, но Аккамбрей—не Либкнехтъ. Радикаль-соціалистъ, то-есть мелкобуржуазный демократъ, бывшій офицеръ, Аккамбрей стоитъ на той же принципіальной почвѣ, что и вся палата. Его кругозоръ чрезвычайно ограниченъ. Критика Аккамбрея не переходитъ за черту матеріально-техническихъ и непосредственно-политическихъ предпосылокъ военной побѣды. Но Аккамбрей не способенъ поддаваться гипнозу подержанныхъ формулъ офиціозной риторики и удовлетворяться все тѣми же обѣщаніями объединенныхъ дѣйствій союзниковъ и грядущихъ побѣдъ: для этого его политическая ограниченность слишкомъ честна, а въ сгущенной атмосферѣ условности, недоговоренности и безотвѣтственной самоувѣренности даже ограниченная честность даетъ преимущества проницательности. Дезавуированный формально своей парламентской группой, Аккамбрей единолично голосуетъ *противъ* новыхъ кредитовъ правительству, которому онъ не довѣряетъ. Онъ прежде всего не довѣряетъ верховному командованію въ лицѣ Жоффра: единственнымъ критеріемъ полководца является, по его мнѣнію, успѣхъ; отсутствіе успѣха компрометируетъ полководца. Верховный контроль надъ военными дѣйствіями, оцѣнка того, чего

можно и чего нельзя достигнуть, распредѣленіе всѣхъ силъ и средствъ должно находится — черезъ посредство военного министра — въ рукахъ правительства, какъ средоточія „національной воли“. Но этого, по Аккамбрею, нѣтъ. Военная зона, которой подчинено все остальное, стала самодовлѣющимъ царствомъ. Вокругъ генеральнаго штаба сложилось свое министерство, несравненно болѣе могущественное, чѣмъ то, во главѣ котораго стоитъ г. Бріанъ. Въ результатѣ г. Аккамбрей констатируетъ такое соотношеніе республиканскихъ властей: на самомъ верху — безконтрольный генеральный штабъ: подъ нимъ — безконтрольное министерство; еще ниже — парламентъ, освобожденный отъ контроля общественнаго мнѣнія, которое поддерживается цензурой въ состояніи невѣдѣнія. Въ чемъ причины создавшагося положенія и каковъ выходъ изъ него, объ этомъ Аккамбрей ничего не сказалъ, — именно потому, что Аккамбрей не Либкнехтъ, — у него нѣтъ ни политическаго метода, ни историческаго критерія: онъ просто пришедшій въ отчаяніе честный патріотическій мелкобуржуазный республиканецъ.

Не имѣя никакихъ основаній защищать г. Бріана отъ критики г. Аккамбрея, мы должны все же сказать, что причины создавшагося положенія гораздо могущественнѣе воли стоящей у власти группы адвокатовъ. Политика міровыхъ интересовъ и претензій — империализмъ — предполагаетъ устойчивую систему международныхъ договоровъ, военныхъ плановъ и тайныхъ дипломатическихъ соглашеній, систему, которую *дѣйствительно правящіе* классы, т.-е. промышленно-финансовые верхи, не могутъ не застраховать отъ „неустойчивости“ парламентаризма съ его мелкобуржуазнымъ большинствомъ. Война только обнажила полностью то, что существовало и раньше: фактическую независимость пра-

вительства республики отъ парламента въ центральномъ вопросѣ жизни народа и страны, въ вопросѣ войны и мира. Не отказываясь отъ міровыхъ интересовъ и союзныхъ обязательствъ, отъ политики имперіализма, парламентъ только и можетъ, что выдвинуть изъ своей среды министерство, которое — независимо отъ своего партійнаго или персональнаго состава — будетъ дальше тянуть лямку великодержавной преемственности — за спиною народа. И когда министръ финансовъ г. Рибо въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій парламента произнесъ таинственную, но отнюдь не случайную фразу о предвидимомъ „концѣ войны“, онъ говорилъ съ тѣхъ высотъ, откуда раньше или позже конецъ войны надвинется на „суверенную“ націю такъ же таинственно, какъ надвинулось ея начало.

По своимъ методамъ и цѣлямъ имперіализмъ несомнѣстимъ съ дѣйствительной демократіей. Но это значитъ не то, что республиканской Франціи чуждъ имперіализмъ, а лишь то, что имперіализмъ лишаетъ механику демократіи реальнаго содержанія, цѣлкомъ подчиняя ее своимъ цѣлямъ. Послѣдствіемъ и выраженіемъ этого является независимость министерства отъ парламента. Но на этомъ дѣло не останавливается. Орудіемъ имперіализма является милитаризмъ. Если нынѣшняя армія имѣетъ „общенародный“ характеръ — въ томъ смыслѣ, что втягиваетъ въ себя лучшія силы всего народа, — то механизмъ милитаризма долженъ во время войны естественно вытѣснять механизмъ парламентаризма и возвышающагося надъ нимъ министерства. Въ Германіи этотъ фактъ маскируется кастовой сплоченностью юнкерства, военнаго и штатскаго, увѣнчивающагося Гогенцоллерномъ. Въ республиканской Франціи штатскіе министры изъ адвокатовъ, олимпійски возвышающіеся надъ безпомощнымъ въ міровой

политикъ парламентомъ, сами принимаютъ почтительную позу профановъ, какъ только сталкиваются лицомъ къ лицу съ военной зоной.

Выкинувъ за бортъ Мильерана, который хоронился за спину генеральнаго штаба, и пригласивъ Галльени въ военные министры, Бріанъ падѣлся обогатить свое министерство дополнительнымъ авторитетомъ, извлеченнымъ изъ арсеналовъ самого же милитаризма. То, что сообщилъ въ палатѣ Аккамбрей, какъ и то, что извѣстно безъ него, меньше всего свидѣтельствуешь объ успѣхѣхъ успій генерала Галльени сосредоточить верховный контроль надъ операціями въ рукахъ министерства. Выступленіе Аккамбрея какъ нельзя болѣе выразительно совпало съ отставкой Галльени. Ему на смѣну вызванъ былъ съ фронта генераль Рокъ, насчетъ котораго всѣ солидарны, что его личность исключаетъ возможность какихъ бы то ни было треній съ генеральнымъ штабомъ: Рокъ — младшій товарищъ Жоффра, и, какъ сообщаютъ газеты, „генералы — на ты“.

Патріотическое отчаяніе Аккамбрея должно только возрасти при наблюденіи этой слѣпой логики вещей и отношеній, отъ которой его критика отскакиваетъ, какъ и отъ лбозъ парламентскаго большинства. Единственное утѣшеніе онъ могъ бы почерпнуть въ картинѣ автоматическаго нагроможденія внутреннихъ кризисовъ — по ту сторону Вогезовъ. Если Либкнехтъ, какъ сказано, не Аккамбрей, то съ тѣмъ большимъ успѣхомъ онъ выполняетъ роль острія того клина, который все глубже вгоняется въ организмъ національнаго единства. И одновременно съ заболѣвшимъ генераломъ Галльени вышелъ въ отставку германскій морской министръ Тирпицъ, который искалъ выхода изъ положенія въ расширеніи и обостреніи кризиса...

О тождествѣ не можетъ быть и рѣчи, и симметрія

не полна. Но ея совершенно достаточно, чтобы даже Аккамбрея излѣчить отъ отчаянія,—если бѣ только онъ могъ обозрѣвать событія съ болѣе высокаго обсервационнаго пункта, чѣмъ парламентское кресло французскаго радикала.

„Н. С.“, Парижъ, 24-го марта 1916 г.

Жанъ Жоресъ.

Прошло три года со дня смерти самого большого чело­вѣка третьей республики. Событія, какихъ еще не было въ исторіи, сейчасъ же нахлынули, какъ бы для того, чтобы смыть кровь Жореса другой кровью, отодвинуть отъ него вниманіе, захлестнуть самую память о немъ. Но и самымъ большимъ событіямъ это удалось только отчасти. Въ политической жизни Франціи осталась большая пустота. Новые вожди пролетаріата, от­вѣчающіе революціонному характеру новой эпохи, еще не поднялись. Старые вожди только ярче заставляютъ вспоминать, что Жореса нѣтъ...

Война отодвинула назадъ не только отдѣльныя фи­гуры, но и цѣлую эпоху,—ту, въ теченіе которой вы­росло и воспиталось руководящее нѣмъ во всѣхъ обла­стяхъ жизни поколѣніе. Сейчасъ эта отошедшая эпоха и привлекаетъ нашу мысль упорствомъ своихъ куль­турныхъ накопленій, непрерывнымъ ростомъ техники, науки, рабочихъ организацій,—и кажется въ то же время мелкой и безличной въ консерватизмѣ своей политической жизни, въ реформистскихъ методахъ своей классовой борьбы.

Послѣ франко-прусской войны и парижской коммуны (1870—1871) наступилъ періодъ вооруженнаго мира и политической реакціи. Европа, если не считать Россіи,

не знала ни войны, ни революцій. Капиталь могущественно развивался, перерастая рамки національных государствъ, изливаясь на остальные страны, подчиняя себя колоніи. Рабочій классъ строитъ свои профессиональные союзы и свои социалистическія партіи. Однако вся борьба пролетаріата въ эту эпоху была проникнута духомъ реформизма, приспособленія къ существующему строю національной промышленности и національному государству. После опыта парижской коммуны европейскій пролетаріатъ ни разу не ставилъ практически, т.-е. революціонно, вопроса о завоеваніи политической власти. Этотъ мирный, „ограниченный“ характеръ эпохи воспиталъ цѣлое поколѣніе пролетарскихъ вождей, пропитанныхъ насъкозь недовѣріемъ къ непосредственной революціонной борьбѣ массъ. Когда разразилась война и національное государство выступило въ походъ во всеоружіи своихъ силъ, оно безъ труда поставило на колѣни большинство „социалистическихъ“ вождей. Эпоха Второго Интернаціонала закончилась, такимъ образомъ, жестокимъ крушеніемъ официальныхъ социалистическихъ партій. Онѣ еще стоятъ, правда, какъ памятники прошлой эпохи, поддерживаемые косностью и... успіями правительствъ. Но духъ пролетарскаго социализма отлетѣлъ отъ нихъ, и онѣ обречены на сломъ. Рабочія массы, воспринявшія въ прошлыя десятилѣтія идеи социализма, только теперь, въ страшныхъ испытаніяхъ войны, получаютъ революціонный закалъ. Мы вступаемъ въ періодъ небывалыхъ революціонныхъ потрясеній. Новыя организациі будутъ выдвинуты массою изъ своей среды, и новые вожди станутъ во главѣ ея.

Два величайшихъ представителя Второго Интернаціонала сошли со сцены до наступленія эпохи бурь и сотрясеній: это Бебель и Моресъ. Бебель умеръ глу-

бокимъ старикомъ, сказавъ все, что могъ сказать „Жоресъ былъ убитъ 55 ти лѣтъ, въ разцвѣтѣ своей творческой энергіи. Пацифистъ и крайній противникъ политики русской дипломатіи, Жоресъ до послѣдней минуты боролся противъ вмѣшательства Франціи въ войну. Въ извѣстныхъ кругахъ считали, что „освободительная“ война можетъ открыть свое шествіе не иначе, какъ перешагнувъ черезъ трупъ Жореса. И въ іюль 1914 г. пѣкій Вилентъ, ничтожный молодой реакціонеръ, убилъ Жореса за столикомъ кафе. Кто направлялъ Вилена? Одни ли только французскіе империалисты? И нельзя ли, если внимательно поискать, открыть за спиной Вилена также и руку царской дипломатіи? Этотъ вопросъ перѣдко ставился въ социалистическихъ кругахъ. Когда европейская революція займется ликвидаціей войны, она откроетъ намъ попутно и тайну смерти Жореса...

* * *

Жоресъ родился 3-го сентября 1859 г. въ Кастрѣ, южной провинціи Лангедока, изъ которой вышли многіе большіе люди Франціи: Гизо, Огюсть Контъ, Лафайетъ, Ланеруэ, Ривароль и др. Смѣсь многочисленныхъ расъ, — отмѣчаетъ біографъ Жореса Раппопортъ ¹⁾, — наложила счастливый отпечатокъ на геній этой мѣстности, которая еще въ средніе вѣка была колыбелью ересей и свободной мысли.

Родительская семья Жореса принадлежала къ средней буржуазіи и вела постоянную борьбу за существованіе. Жоресъ пуждался даже въ покровителѣ для окончанія своихъ университетскихъ занятій. Въ 1881 го-

---

¹⁾ Charles Rappoport. Jean Jaurès. L'Homme--Le Penseur. Le Socialiste. Paris. 1915. Prix 5 francs.

ду онъ кончаетъ курсъ нормальной школы. Съ 1881 г. до 1883 г. онъ становится профессоромъ въ лицей для молодыхъ дѣвицъ Альби, а затѣмъ переходитъ въ тулузскій университетъ и профессорствуетъ тамъ до 1885 г., когда его впервые избираютъ депутатомъ въ парламентъ. Ему было тогда всего лишь 26 лѣтъ. Съ этого времени и до дня смерти жизнь Жореса растворяется въ политической борьбѣ и сливается съ жизнью третьей республики.

Въ парламентѣ Жоресъ дебютировалъ по вопросамъ народнаго образованія. „La Justice“, тогдашняя газета радикала Клемансо, назвала первую рѣчь Жореса „прекрасной“ и пожелала палатѣ часто слышать „слово, столь краснорѣчивое и столь полное содержанія“. Впоследствии Жоресу не разъ приходилось обрушиваться всей силой своей рѣчи на тигра—Клемансо.

Съ социализмомъ Жоресъ въ эту первую эпоху своей дѣятельности былъ знакомъ чисто-теоретически и крайне неполно. Но каждое новое выступленіе все больше сближало его съ рабочей партіей. Безыдейность и развращенность буржуазныхъ партій непримимо отталкивали его.

Съ 1893 года Жоресъ окончательно примыкаетъ къ социалистическому движенію и почти сразу занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ европейскомъ социализмѣ. Въ то же время онъ становится самой выдающейся фигурой въ политической жизни Франціи.

Въ 1894 году Жоресъ выступаетъ въ качествѣ защитника своего мало привлекательнаго друга Жеро Ришара, привлеченнаго къ суду за оскорбленіе тогдашняго президента республики въ статьѣ „Долой Казимира“. Въ своей судебной рѣчи, которая была цѣликомъ подчинена политической цѣли, Жоресъ обнаружилъ по адресу Казимира Перье ту страшную силу

дѣйствѣннаго духа, котѣрой имя—независѣть. Въ словахъ, напоенныхъ безпощадностью; онъ охарактеризовалъ самого президента и его ближайшихъ предковъ-ростовщиковъ, которые измѣняли буржуазіи для дворянства, дворянству для буржуазіи, одной династіи для другой, монархіи для республики, всѣмъ вмѣстѣ и каждому въ отдѣльности, не измѣняя только самимъ себѣ. Предсѣдатель суда счелъ необходимымъ воскликнуть: „Господинъ Жоресъ, вы заходите слишкомъ далеко... вы сравниваете домъ Перье съ публичнымъ домомъ“. Жоресъ: „Я не сравниваю, а ставлю его ниже этого“. Жеро Ришаръ былъ оправданъ. Нѣсколько дней спустя Казимиръ Перье подалъ въ отставку. Передъ общественнымъ мнѣніемъ Жоресъ сразу выросъ на цѣлую голову: всѣ почувствовали грозную силу этого трибуна.

Въ дѣлѣ Дрейфуса ¹⁾ Жоресъ обнаружилъ себя во весь ростъ. У него былъ вначалѣ, какъ и во всѣхъ вообще критическихъ случаяхъ общественной жизни, періодъ сомнѣній и слабости, когда на него можно было вліять и справа, и слѣва. Подъ вліяніемъ Геда и Вальяна, которые относились къ дрейфусіадѣ, какъ къ безразличной для пролетаріата свалкѣ капиталистическихъ клѣкъ, Жоресъ колебался впутаться въ „дѣло“. Рѣшительный примѣръ Золя выбилъ его изъ состоянія неустойчиваго равновѣсія, заразилъ и увлекъ. Разъ приведенный въ движеніе, Жоресъ уже шелъ до конца. Онъ любилъ о себѣ говорить: „Ago quod ago“.

Въ дѣлѣ Дрейфуса для Жореса резюмировалась и драматизировалась борьба противъ клерикализма, противъ реакціи, противъ парламентскаго кумовства, про-

---

¹⁾ Дрейфусъ—французскій офицеръ еврейскаго происхожденія, котораго военная и клерикальная антисемитская реакція ложно обвиняла въ государственной измѣнѣ.

тивъ расовой ненависти и милитаристскаго ослѣпленія, противъ закулисныхъ интригъ въ генеральномъ штабѣ, противъ сервилности судей,—противъ всѣхъ низостей, которыя можетъ привести въ движеніе могущественная партія реакціи, чтобы добиться своей цѣли.

На анти-дрейфусара Мелпна, который недавно снова всплылъ, какъ министръ, въ „большомъ“ бриановскомъ министерствѣ, Жоресъ обрушивался всей тяжестью своего гнѣва: „Знаете ли вы, отъ чего мы страдаемъ всѣ, отъ чего именно мы гибнемъ? Я скажу вамъ это за личной моей отвѣтственностью: мы умираемъ всѣ съ тѣхъ поръ, какъ открылось это дѣло, отъ полумѣръ, отъ умолчаній, отъ экивоковъ, отъ лжи, отъ трусости. Да, отъ экивоковъ, лжи и трусости“.—„Онъ уже не говорилъ,—разсказываетъ Рейнакъ,—онъ гремѣлъ съ багровымъ лицомъ, съ руками, протянутыми къ министрамъ, которые протестовали, и къ правой, которая выла“. Это—Жоресъ!

Въ 1899 г. Жоресу удалось провозгласить единство социалистической партіи. Но оно оказалось мимолетнымъ. Участіе социалиста Мильерана въ министерствѣ, какъ выводъ изъ политики лѣваго блока, взорвало единство, и въ 1900—1901 г. французскій социализмъ снова раскололся на двѣ партіи. Жоресъ сталъ во главѣ одной изъ нихъ—той, которая выдвинула изъ своей среды Мильерана. По существу своихъ воззрѣній Жоресъ былъ и оставался реформистомъ. Но онъ обладалъ удивительной способностью приспособленія,—въ томъ числѣ и къ революціоннымъ тенденціямъ движенія. Это онъ обнаруживалъ впоследствии не разъ.

Жоресъ вошелъ въ партію зрѣлымъ человекомъ, со сложившимся идеалистическимъ міросозерцаніемъ... Это не мѣшало ему ввести свою могучую шею—Жоресъ отличался атлетическимъ сложеніемъ—въ ярмо орга-

низационной дисциплины,—и онъ не разъ имѣлъ необходимость и случай доказать, что умѣетъ не только предписывать, но и повиноваться. Вернувшись съ международнаго конгресса въ Амстердамъ, гдѣ была осуждена политика растворенія рабочей партіи въ лѣвомъ блокѣ и участіе социалистовъ въ министерствѣ, Жоресъ открыто обрываетъ нить политики блока. Тогдашній министр-президентъ, боевой антиклерикаль Комбъ, предупредилъ Жореса, что разрывъ коалиціи заставитъ его уйти со сцены. Это не остановило Жореса. Комбъ вышелъ въ отставку. Единство партій, слившейся изъ жоресистовъ и гедистовъ, было обезлечено. Съ этого момента жизнь Жореса окончательно сливается съ жизнью объединенной партіи, во главѣ которой онъ сталъ.

Убіенство Жореса не было случайностію. Оно явилось заключительнымъ звеномъ бѣшеной кампаніи пенависти, травли и клеветы, которую вели противъ него враги всѣхъ оттѣнковъ. „Можно было бы составить цѣлая бібліотека изъ атакъ и клеветъ, направленныхъ противъ Жореса“. „Temps“, наиболѣе вліятельный органъ Франціи, поставлялъ ежедневно статью, а иногда и двѣ въ день противъ политическаго трибуна. Но атаковать приходилось главнымъ образомъ его идеи и методы его дѣйствій: какъ личность, онъ оставался почти неуязвимъ даже во Франціи, гдѣ личная инсинуація является могущественнѣйшимъ орудіемъ политической борьбы. Безъ намековъ на нѣмецкія деньги дѣло, однако, не обошлось... Жоресъ умеръ бѣднымъ человѣкомъ. 2-го августа 1914 г. „Temps“ вынужденъ былъ признать „абсолютную честность“ сраженнаго врага.

Я посѣтилъ лѣтомъ 1915 г. знаменитое отнынѣ кафе Кроассанъ, въ двухъ шагахъ отъ редакціи „L'Humanité“.

тѣ—одно изъ чисто-парижскихъ кафе: грязный полъ въ опилкахъ, кожаные диваны, потертые стулья, мраморные столы, низкій потолокъ, свои спеціальныя вина и блюда,—словомъ, то, что есть только въ Парижѣ. Мнѣ указали диванчикъ у окна: на этомъ мѣстѣ былъ убитъ револьвернымъ выстрѣломъ самый геніальный сынъ современной Франціи.

Буржуазная родительская семья, школа, депутатство, буржуазный бракъ, дочь, которую мать водить къ причастію, редація газеты, руководство парламентской партіей—въ этихъ отнюдь не героическихъ внѣшнихъ рамкахъ протекала жизнь исключительнаго напряженія, вулканической правдивости страсти.

Жореса не разъ называли диктаторомъ французскаго социализма, а въ нѣкоторые моменты справа его даже называли диктаторомъ республики. Несомнѣнно, что онъ игралъ во французскомъ социализмѣ ни съ чѣмъ несравнимую роль. Но въ его „диктатурѣ“ не было ничего тираническаго. Онъ господствовалъ безъ усилій: челоуѣкъ большихъ размѣровъ, съ могучимъ интеллектомъ, геніальнымъ темпераментомъ, несравненной работоспособностью и голосомъ, звучащимъ, какъ чудо, Жоресъ силою вещей занималъ первое мѣсто на столь большой дистанціи отъ второго и третьяго, что не могъ испытывать потребности подкрѣплять свою позицію путемъ закулисныхъ манипуляцій. Въ этой послѣдней области великимъ мастеромъ обнаружилъ себя уже тогда Пьеръ Реподель, нынѣшній „вождь“ социаль-патріотизма.

Размахъ патуры отвращалъ Жореса органически отъ всякаго сектанства. Послѣ колебаній въ ту и другую сторону онъ нащупывалъ тотъ пунктъ, который ему казался для даннаго момента рѣшающимъ. Между этой практической точкой отправления и между своими иде-

алистическими построениями онъ, безъ насилія надъ собою, располагалъ тѣ точки зрѣнія, которыя дополняли или ограничивали его собственную, примирялъ враждебные оттѣнки, растворялъ противорѣчивые аргументы — въ далеко небезупречномъ единствѣ. Онъ господствовалъ поэтому не только на народныхъ собраніяхъ и на парламентской трибунѣ, — гдѣ аудиторію покоряла его неутолимая страсть, — но и на партійныхъ сѣздахъ, гдѣ противоположности тенденцій онъ растворялъ въ расплывчатыхъ перспективахъ и гибкихъ формулахъ. По существу дѣла онъ былъ эклектикъ, но гениальный.

„Нашъ долгъ высокъ и ясенъ: всегда пропагандировать идею, всегда возбуждать и организовать энергію, всегда надѣяться, всегда бороться до окончательной побѣды“... Въ этой динамикѣ весь Жоресъ. Его творческая энергія бьетъ ключомъ во всѣхъ направленіяхъ, возбуждаетъ и организуетъ энергію, толкаетъ къ борьбѣ.

Жоресъ излучалъ изъ себя, по мѣткому выраженію Раппопорта, великодушіе и доброту. Но въ то же время онъ въ высокой мѣрѣ владѣлъ талантомъ сосредоточеннаго гнѣва, не того, который ослѣпляетъ, туманить мозгъ и доводитъ до политическихъ судорогъ, — а того, который напрягаетъ волю и подсказываетъ самыя мѣткія характеристики, самыя выразительныя эпитеты, непосредственно бьющіе въ цѣль. Мы выше слышали его характеристику Перье. Нужно перечитать его рѣчи и статьи противъ черныхъ героев дрейфусіады! Вотъ какъ Жоресъ характеризовалъ одного изъ нихъ, наименѣе отвѣтственнаго: „Г. Брюнетьеръ, испытавъ себя въ исторіи литературы на пустыхъ конструктивныхъ системахъ, ненадежныхъ и хрупкихъ, нашель, наконецъ, убѣжище подъ тяжеловѣсными сводами церк-

ви,—теперь онъ пытается прикрыть этого рода личное банкротство, провозглашая общее банкротство науки и свободы. Тщетно попытавшись извлечь изъ своихъ глубинъ что-либо похожее на мысль, онъ славословить авторитетъ со своего рода великолѣпнымъ самоуниженіемъ; потерявъ въ глазахъ молодыхъ поколѣній всякій кредитъ, которымъ онъ злоупотреблялъ въ пзвѣстный моментъ при помощи своей способности къ пустымъ обобщеніямъ, онъ хочетъ умерщвлять свободную мысль, которая ускользаетъ отъ него“. Горе тому, на кого падала эта тяжелая рука!

Вступивъ въ парламентъ въ 1885 г., Жоресъ занялъ мѣсто на скамьяхъ умѣренной лѣвой. Но переходъ его къ социализму не былъ катастрофой или скачкомъ. Въ первоначальной жоресовской „умѣренности“ были уже огромные источники дѣйствительнаго социальнаго гуманизма, который легко развернулся въ социалистическомъ направленіи. Съ другой стороны, его социализмъ никогда не принималъ рѣзко очерченнаго классоваго характера и никогда не порывалъ съ гуманитарными и естественно-историческими предпосылками, глубоко заложенными во французскую политическую мысль эпохой Великой революціи.

Въ 1889 г. Жоресъ обращается къ депутатамъ со словами: „Развѣ же геній французской революціи исчерпанъ? Развѣ же вы не могли бы найти въ идеяхъ революціи средство дать отвѣтъ на всѣ вопросы, которые поднимаются, на всѣ проблемы, которыя ставятся? Развѣ же революція не сохранила безсмертной добродѣтели (vertu), которая способна давать отвѣтъ на всѣ измѣняющіяся трудности, среди которыхъ мы совершаемъ нашъ путь?“. Здѣсь идеализмъ демократа еще совсѣмъ не затронутъ матеріалистической критикой. Въ дальнѣйшемъ Жоресъ многое усвоилъ изъ марксизма.

Но чисто-демократическая подоплека его мышления сохранилась до конца.

Жоресъ выступилъ на политическую арену въ самую глухую пору третьей республики, у которой тогда за плечами было всего какихъ-нибудь 15 лѣтъ существованія. Не имѣя за собой крѣпкихъ традицій, она имѣла передъ собою могущественныхъ враговъ. Борьба за республику, за ея сохраненіе, за ея „очищеніе“ была основной идеей Жореса во всей его работѣ. Онъ искалъ для республики болѣе широкой социаліной базы, онъ республику хотѣлъ вести къ народу, чтобы народъ организовать черезъ республику и сдѣлать въ концѣ-концовъ республиканское государство инструментомъ социалистическаго хозяйства. Соціализмъ быть для Жореса-демократа единственно надежнымъ средствомъ упроченія республики и единственно возможнымъ ея завершеніемъ. Въ его сознаніи не было противорѣчія между буржуазной политикой и социализмомъ,—противорѣчія, отражающаго историческій разрывъ между пролетаріатомъ и демократической буржуазіей. Въ своемъ неутомимомъ стремленіи къ идеалистическому синтезу Жоресъ выступалъ въ первую эпоху какъ демократъ, готовый усыновить социализмъ, въ послѣднюю эпоху своей дѣятельности — какъ социалистъ, несущій отвѣтственность за всю демократію.

„L'Humanité“, „Человѣчность“, — этимъ не случайнымъ именемъ Жоресъ называлъ созданную имъ газету. Социализмъ не былъ для него теоретическимъ выраженіемъ классовой борьбы пролетаріата. Наоборотъ, пролетаріатъ оставался въ его глазахъ исторической силой на службѣ права, свободы и человѣчности. Надъ пролетаріатомъ онъ отводилъ большое мѣсто самостоятельной идеѣ „человѣчности“, которая у ординарныхъ французскихъ декламаторовъ остается пустымъ мѣстомъ, а

у Жореса заполнялась неподдѣльнымъ и дѣйственнымъ идеализмомъ.

Въ политикѣ Жоресъ соединялъ въ себѣ способность къ чрезвычайному идеалистическому отвлеченію съ сильнымъ пугливымъ ощущеніемъ дѣйствительности. Это сочетаніе проходитъ черезъ всю его дѣятельность. Безплотныя идеи Справедливости и Добра идутъ у него рука объ руку съ эмпирической оцѣнкой даже и второстепенныхъ жизненныхъ реальностей. При всемъ своемъ нравственномъ оптимизмѣ Жоресъ прекрасно понималъ обстоятельства и людей и умѣлъ пользоваться тѣми и другими. Въ немъ было много здраваго смысла. Его не разъ называли хитрымъ крестьяниномъ. Но его здравый смыслъ, уже благодаря одному своему масштабу, былъ чуждъ вульгарности. А главное—этотъ здравый смыслъ состоялъ на службѣ идеи.

Жоресъ былъ идеологомъ, глашатаемъ идеи—въ томъ смыслѣ, въ какомъ полузабытый нынѣ Альфредъ Фулье говорилъ объ „идеяхъ-двигательницахъ“ исторіи. Наполеонъ съ презрѣніемъ артиллериста отзывался объ „идеологахъ“ (самое слово принадлежитъ ему). Между тѣмъ самъ Наполеонъ былъ идеологомъ новаго милитаризма. Идеологъ не просто приспосабливается къ реальности, онъ отвлекаетъ отъ нея „идею“ и эту идею доводитъ до послѣднихъ выводовъ. Въ благопріятствующія ему эпохи это даетъ идеологу такіе успѣхи, какихъ никогда не можетъ имѣть вульгарный практикъ; но это же подготавливаетъ для него и головокружительныя паденія, когда объективныя условія оборачиваются противъ него.

Доктринеръ застываетъ на теоріи, духъ которой онъ умерщвляетъ. Оппортунистъ—„практикъ“ усваиваетъ себѣ извѣстные навыки политическаго ремесла и послѣ рѣзкаго перелома въ обстановкѣ чувствуетъ себя,

какъ ручной ткачъ, выкинутый за бортъ механическимъ станкомъ. Идеологъ большого стиля безсиленъ только въ тотъ моментъ, когда исторія идейно разрушаетъ его, но онъ способенъ бываетъ быстро перевооружиться, овладѣть идеей новой эпохи и оказаться на высотѣ.

Жоресъ былъ идеологомъ. Отъ политической обстановки онъ отвлекалъ ея идею и на службѣ этой идеи никогда не останавливался на полпути. Такъ, въ эпоху дѣла Дрейфуса онъ довелъ до послѣднихъ выводовъ идею сотрудничества съ буржуазной лѣвой и со всею страстью поддерживать Мильерана, вульгарнаго политическаго эмпирика, въ которомъ не было и нѣтъ ничего отъ идеологии, отъ ея мужества и полета. На этомъ пути Жоресъ забрался въ политическій тупикъ—съ добровольной и безкорыстной ослѣпленностью идеолога, который готовъ закрыть глаза на факты, чтобы не отказаться отъ идеи-двигательницы.

Съ неподдѣльной идеологической страстью Жоресъ боролся противъ опасности европейской войны. Въ этой борьбѣ—какъ и во всякой другой, которую онъ велъ—онъ примѣнялъ и такіе методы, которые глубоко противорѣчили классовому характеру его партіи и многимъ его товарищамъ казались, по меньшей мѣрѣ, рискованными. Онъ многое возлагалъ на себя самого, на свою личную силу, находчивость, импровизацію, и въ кулуарахъ парламента онъ съ преувеличенными надеждами настигалъ министровъ и дипломатовъ и прижималъ ихъ къ стѣнѣ тяжестью своей аргументаціи. Но кулуарные разговоры и воздѣйствія сами по себѣ вовсе не вытекали изъ природы Жореса и совершенно не возводились имъ въ систему: онъ былъ политическимъ идеологомъ, а не доктринеромъ оппортунизма. На службѣ идеи, которая владѣла имъ, онъ съ одинаковой страстью

способенъ былъ примѣнять и самыя оппортунистическія, и самыя революціонныя средства, и если эта идея отвѣчала характеру эпохи, онъ способенъ былъ достигнуть такихъ результатовъ, какъ никто. Но онъ же шелъ и навстрѣчу катастрофическимъ пораженіямъ. Какъ Наполеонъ, онъ въ своей политикѣ могъ знать и Аустерлицъ, и Ватерлоо. Міровая война должна была поставить Жореса лицомъ къ лицу съ тѣми вопросами, которые раскололи европейскій социализмъ на два непримиримыхъ лагеря. Какую позицію занялъ бы онъ? Несомнѣнно, патріотическую. Но онъ никогда пассивно не примирился бы съ тѣмъ униженіемъ французской социалистической партіи, которое выпало ей на долю подъ руководствомъ Гэда, Реноделя, Семба и Тома... И у насъ есть полное право предполагать, что въ грядущей революціи великій трибунъ безошибочно опредѣлитъ бы свое мѣсто и развернулъ бы свои силы до конца.

Безмысленный кусокъ свинца освободилъ Жореса отъ величайшаго политическаго испытанія.

Жоресъ—воплощеніе личной силы. Духовный обликъ его вполне отвѣчалъ его физическому складу: изящество и грація, какъ самостоятельныя качества, были ему чужды,—зато его рѣчи и дѣйствія была прирождена та высшая красота, которая отличаетъ проявленія увѣренной въ себя творческой силы. Если прозрачную ясность и изысканность формы считать исчерпывающими чертами французскаго духа, то Жоресъ можетъ показаться мало характернымъ для Франціи. Но на самомъ дѣлѣ онъ въ высокой степени французъ. На ряду съ Вольтеромъ и Буало, на ряду съ Анатолемъ Франсомъ—въ литературѣ, героями старой Жиронды или нынѣшними Вивіани и Дешанелемъ—въ политикѣ, Франція знала Габлэ, Бальзака, Золя—въ литературѣ, Мирабо, Дантона и Жореса—въ политикѣ. Это раса лю-

дей съ могучей физической и духовной мускулатурой, съ дѣйственнымъ безстрашіемъ, съ великой силой страсти, съ сосредоточенной волей. Это атлетическій типъ. Достаточно было услышать зевесовскій голосъ Жореса и увидѣть его озаренное внутренними лучами мясистое лицо, властный носъ, упорную, не гибкую шею, чтобы сказать себѣ: Ессе homo, вотъ человѣкъ!

Главной силой Жореса, какъ оратора, являлось то же, что составляло его силу, какъ политика: напряженная, во-внѣ устремленная страсть, воля къ дѣйствию. Въ ораторскомъ творествѣ Жореса нѣтъ ничего самоудовлѣяющаго,—онъ не ораторъ, онъ больше того: искусство слова для него не цѣль, а средство къ цѣли. Оттого, будучи самымъ могучимъ ораторомъ,—можетъ быть, наиболѣе могучимъ изъ всѣхъ, какихъ рождало человѣчество,—онъ стоитъ надъ ораторскимъ искусствомъ, онъ всегда выше своей рѣчи, какъ мастеръ выше своего орудія...

Зоя была художникомъ—онъ началъ съ натуралистической школы моральнаго безстрастія—и вдругъ прорвался громомъ своего письма „J'accuse“ („Я обвиняю“). Въ немъ заложена была могучая моральная сила, которая находила свое выраженіе въ его титаническомъ художественномъ творествѣ, но была по существу шире искусства: это была человѣческая сила, разрушающая и созидаящая. Такъ и съ Жоресомъ. Въ его ораторскомъ искусствѣ, въ его политикѣ, со всѣми ея неизбежными условностями, раскрывалась царственная личность съ настоящей, неподдѣльной нравственной мускулатурой, съ упорной волей къ борьбѣ и побѣдѣ. Онъ выходилъ на трибуну не для того, чтобы освободить себя отъ образовъ или дать наиболѣе совершенное выраженіе кругу мыслей, а для того, чтобы сплотить разрозненные воли въ единствѣ цѣли;

въ его рѣчи нѣтъ латинскаго риторическаго искусства для искусства,—она всегда цѣлесообразна, утилитарна: оттого именно она представляетъ собой высшую форму человѣческаго творчества. Жоресъ съ одинаковою свободой пользуется и доводомъ разума, и художественнымъ образомъ, и призывомъ къ человѣческимъ страстямъ. Онъ вліяетъ одновременно на мысль, на эстетическое чувство и на волю, но всѣ эти силы его ораторскаго, его политическаго, его человѣческаго генія подчинены главной его силѣ—волѣ къ дѣйствию.

Я слышалъ Жореса на парижскихъ народныхъ собраніяхъ, на международныхъ конгрессахъ, въ комиссіяхъ конгрессовъ. И всегда я слушалъ его какъ бы въ первый разъ. Онъ не накапливалъ рутинны, въ основѣ никогда не повторялся, всегда самъ снова находилъ себя, всегда заново мобилизовалъ разностороннія силы своего духа. При могучей силѣ, элементарной, какъ водопадъ, въ немъ было много мягкости, которая свѣтилась какъ отблескъ высшей культуры духа. Онъ обрушивалъ скалы, гремѣлъ, потрясалъ, но никогда не оглушалъ самого себя, всегда стоялъ на стражѣ, чутко ловилъ ухомъ каждый откликъ, подхватывалъ его, парировалъ возраженія, иногда беспощадно, какъ ураганъ сметающій сопротивление на пути, иногда великодушно и мягко—какъ наставникъ, какъ старшій братъ. Такъ тысячеудовый паровой молотъ можетъ стереть въ порошокъ каменную глыбу и можетъ на десятую часть миллиметра утопить золотую пластинку.

Поль Лафаргъ, марксистъ и идейный противникъ Жореса, называлъ его человѣко-дьяволомъ. Эту дьявольскую силу,—на самомъ дѣлѣ подлинную „божественную“ силу—въ немъ чувствовали всѣ—и друзья, и враги. И враги нерѣдко, какъ замороженные, выжидательно замирали передъ потокомъ его рѣчи, которая

была облеченной въ слово волей, точно предъ стихійнымъ явленіемъ природы.

Три года тому назадъ, эта фигура—рѣдкій подарокъ природы человѣчеству—погибла, не исчерпавъ себя. Можетъ быть, для эстетической законченности образа такая смерть нужна была Жоресу. Большіе люди умѣютъ умирать по своему. Толстой зачуявъ смерть, взялъ посохъ и ушелъ въ изгнаніе отъ общества, которое отвергалъ, и умеръ на глухой станціи, какъ пилигримъ. Лафаргъ, въ которомъ эпикуреецъ дополнялся стоикомъ, дожилъ въ атмосферѣ покоя и мысли до 70 лѣтъ, сказалъ себѣ „довольно“ и выпрыснулъ въ свои артеріи ядъ. Жоресъ, какъ атлетъ идеи, умеръ на аренѣ, въ борьбѣ противъ величайшаго бѣдствія, которое когда-либо обрушивалось на человѣчество и человѣчность—l'humanité—въ борьбѣ противъ войны. И въ памяти человѣчества онъ останется, какъ провозвѣстникъ, какъ предтеча того болѣе высокаго человѣческаго типа, который долженъ же родиться изъ страданій и паденій, надеждъ и борьбы.

Отходить эпоха.

(По поводу смерти Э. Вальяна.)

Сегодня сожгли тѣло Эдуарда Вальяна.

Отходить цѣлая эпоха въ европейскомъ социализмѣ. И не только идейно, но физически отходить, въ лицѣ своихъ самыхъ выдающихся представителей. Бебель умеръ въ періодъ бухарестской мирной конференціи, между балканской войной и нынѣшней. Помню, какъ на вокзалѣ въ Плоэштахъ у Герее, выхода изъ Россіи, извѣстнаго румынскаго писателя, я узналъ эту вѣсть. Она казалась невѣроятной, какъ раньше вѣсть

о смерти Толстого; въ глазахъ всякаго, связаннаго съ нѣмецкой политической жизнью, Бебель былъ неотторжимой ея частью. Въ ту отдаленную эпоху слово смерть имѣло вообще еще совсѣмъ другое содержаніе на человѣческомъ языкѣ, чѣмъ въ наши дни. „Бебель умеръ. Какъ же нѣмецкая социаль-демократія?“ Вспомнилось, какъ отозвался когда-то, лѣтъ пять тому назадъ, о внутренней жизни своей партіи Ледебуръ: 20% рѣшительныхъ радикаловъ, 30% оппортунистовъ, остальные идутъ за Бебелемъ..

Уже смерть старика Либкнехта была первымъ предостереженіемъ старшему поколѣнію — въ томъ смыслѣ, что оно можетъ сойти со сцены, не выполнивъ того, что считало своей исторической миссіей. Но пока живъ былъ Бебель, оставалась живая связь съ героическимъ періодомъ движенія, и негеронческія черты руководящихъ людей второго призыва не выступали такъ ярко наружу.

Когда началась война и стало извѣстно, что социалисты голосовали за военные кредиты, невольно возникалъ вопросъ: какъ поступилъ бы въ этомъ случаѣ Бебель? „Я не допускаю и мысли, — говорилъ въ Цюрихѣ П. Б. Аксельродъ, чтобы Бебель допустилъ фракцію рейхстага до такого паденія: онъ имѣлъ за спиною опытъ войны 70 года, и традиціи перваго интернаціонала, — нѣтъ никогда!“ Но Бебеля не было въ живыхъ, исторія убрала его съ дороги, чтобы дать съ полной свободой проявиться тѣмъ чувствамъ и настроеніямъ, которыя почти незамѣтно, но тѣмъ болѣе неудержимо накоплялись въ нѣмецкой социаль-демократіи въ теченіе десятилѣтій ея медленнаго органическаго роста.

Въ это время уже не было въ живыхъ и Жореса. Вѣсть о томъ, что онъ убитъ, застала меня еще въ Вѣнѣ, которую приходилось спѣшно покидать, и про-

извела не меньшее въ своемъ родѣ впечатлѣніе, чѣмъ первые тогдашніе раскаты міровой грозы. Колоссальныя событія настраиваютъ фаталистически: личность ступевывается, когда изъ пересѣченія отдаленныхъ и непосредственныхъ, глубокихъ и поверхностныхъ причинъ вырастаетъ столкновение вооруженныхъ народовъ. Но смерть Жореса, предупредившая это столкновение безличныхъ массъ, налагала на надвигавшіяся событія печать захватывающаго индивидуальнаго трагизма. Это была самая величественная варіація на старую, но не старѣющую тему борьбы героя съ рокомъ. Рокъ выходилъ и на этотъ разъ побѣдителемъ. Жоресъ лежалъ съ прострѣленной головой. Французскій социализмъ оказался обезглавленъ, и немедленно возникать вопросъ: какое онъ займетъ мѣсто въ нынѣшнихъ событіяхъ?

Представлялось, что, подготавливая распадъ второго интернаціонала, какъ онъ сложился за 25 лѣтъ своего существованія, исторія облегчила себѣ работу, устранивъ двухъ человѣкъ, которые символизировали движение всей этой эпохи: Бебеля и Жореса.

Въ личности Бебеля воплощалось упорное и неуклонное движеніе новаго класса снизу вверхъ. Этъ тѣ хрупкій, сухощавый старикъ казался весь созданнымъ изъ воли, устремленной къ единой цѣли. Въ своемъ мышленіи, въ своемъ краснорѣчии и въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ онъ совершенно не допускалъ такихъ затратъ духовной энергіи, которыя не ведутъ непосредственно къ цѣли. Онъ былъ не только врагъ риторики, но и безусловно чуждъ самодовлѣющихъ эстетическихъ обольщеній. Въ этомъ и состояла, къ слову сказать, высшая красота его политическаго пафоса. Онъ отражалъ собою классъ, который учится въ немногіе свободные часы, дорожить каждой минутой и жадно поглощаетъ то, что строго необходимо.

Жоресъ былъ, напротивъ, весь полетъ; его духовный міръ состоялъ изъ идеологическихъ традицій, философской фантазіи, поэтическаго воображенія и имѣлъ столь же ярко выраженные аристократическія черты, насколько духовный обликъ Бебеля былъ плебейски-демократическимъ. Помимо этой психологической разницы двухъ типовъ—бывшаго токаря и бывшаго профессора философіи—между Бебелемъ и Жоресомъ было еще глубокое логическое и политическое различіе міросозерцаній: Бебель былъ матеріалистомъ, Жоресъ—эклектическимъ идеалистомъ, Бебель—непримиримымъ сторонникомъ принциповъ марксизма, Жоресъ—реформистомъ, министериалистомъ и проч. Но, несмотря на всѣ эти различія, они въ политикѣ отражали, черезъ призму нѣмецкой и французской политической культуры, одну и ту же историческую эпоху. Это была эпоха вооруженнаго міра—въ международныхъ отношеніяхъ, какъ и во внутреннихъ.

Организація нѣмецкаго пролетаріата росла непрестанно, кассы пополнялись, число газетъ, депутатовъ, муниципальных гласныхъ непрерывно умножалось. Въ то же время реакція твердо держалась на всѣхъ своихъ позиціяхъ. Отсюда вытекала неизбежность столкновенія между двумя полярными силами германской общественности. Но это столкновеніе такъ долго не наступало, а силы и средства организаціи такъ автоматически росли, что цѣлое поколѣніе успѣло привыкнуть къ такому положенію вещей, и хотя всѣ писали, говорили или читали о неизбежности рѣшающаго конфликта,—какъ неизбежно столкновеніе двухъ поездовъ, идущихъ навстрѣчу другъ другу по однимъ и тѣмъ же рельсамъ,—по въ концѣ-концовъ внутренно перестали ощущать эту неизбежность. Старикъ Бебель тѣмъ и отличался отъ многихъ другихъ, что до

конца своихъ дней жилъ глубокой увѣренностью въ томъ, что событія фатально идутъ къ развязкѣ, и въ день своего семидесятилѣтія онъ въ словахъ сосредоточенной страсти говорилъ о грядущемъ часѣ соціальной революціи.

Во Франціи не было ни такого планомернаго роста рабочей организаціи, ни такого открытаго господства реакціи. Наоборотъ, государственная машина, на основахъ демократическаго парламентаризма, казалась совершенно доступной. Когда Жоресъ отбивалъ атаки клерикализма и скрытаго или явнаго роялизма, какъ въ періодъ дѣла Дрейфуса, онъ считалъ, что непосредственно за этимъ начнется періодъ реформаторскихъ „достиженій“. Его антагонистъ, Жюль Гедъ, придавалъ марксистскимъ тенденціямъ и перспективамъ во французскихъ условіяхъ сектантскій характеръ; глубокой и убѣжденный фанатикъ, онъ въ теченіе десятилѣтій ждалъ освобождающаго удара, духовно сгорая въ огнѣ своей вѣры и напряженнаго нетерпѣнія. Жоресъ становился на почву демократіи и эволюціи. Онъ считалъ своей задачей очистить путь отъ реакціонныхъ препоновъ и сдѣлать парламентскій механизмъ орудіемъ глубочайшихъ соціальныхъ реформъ, которыя должны перестроить, рационализировать и оздоровить весь общественный порядокъ. Но экономическое развитіе Франціи двигалось крайне медленно, — соціальныя отношенія сохраняли застойный характеръ, выборы шли за выборами, мѣняя политическія группировки въ парламентскомъ калейдоскопѣ, но не нарушая соотношенія его основныхъ силъ. Какъ въ Германіи цѣлое поколѣніе привыкло къ самодовлѣющему росту организаціи, такъ во Франціи дѣятели меньшаго размѣра и размаха съ головой уходили въ парламентскую повседневность, только въ торжественныхъ рѣчахъ вспоминая о конечныхъ цѣляхъ.

Однородный психологический процесс происходил и в области вопросов международной политики. После войны 1870 года было естественное ожидание ее возобновления. Милитаризм рос непрерывно, но война все отодвигалась. В борьбе с внутренним милитаризмом на обеих сторонах Рейна постоянно говорили об опасности войны, но в концѣ-концовъ большинство перестало в нее по-настоящему вѣрить. Къ росту милитаризма привыкли, какъ и къ росту рабочихъ организацій. 45 лѣтъ вооруженнаго мира, внутреннего и внешнего, постепенно вытравивши изъ сознанія цѣлаго поколѣнія черты катастрофической психологии. И именно тогда, когда эта работа была благополучно закончена, исторія обрушила на голову человечества величайшую катастрофу, которая предвѣщаетъ и ведетъ за собою другія. Ничего не подѣлаете; это и есть діалектика развитія.

Бebelъ и Жоресъ, каждый по-своему, отражали свою эпоху, но, какъ гениальные люди, оба были выше ее головой, не растворились въ ней и потому въ гораздо меньшей степени, чѣмъ ихъ посредственные сотрудники, могли бы быть застигнуты врасплохъ. Но они заблаговременно сошли съ арены, чтобы доставить исторіи возможность въ чистомъ видѣ произвести опытъ воздѣйствія катастрофы на пекатастрофическое сознаніе.

Сегодня хоронили Эдуарда Вальяна.

Онъ былъ единственнымъ, оставшимся въ живыхъ представителемъ традицій національнаго французскаго социализма, бланкизма, который сочеталъ крайніе методы дѣйствій, вплоть до инсurreкцій, съ крайнимъ патріотизмомъ. Бланки въ 1870 году не хотѣлъ въ своей газетѣ „Patrie en danger“ знать другихъ враговъ, кромѣ пруссакъ. А Густавъ Тридонъ, другъ Бланки, съ протестомъ выступилъ вмѣстѣ съ Малономъ, 3 марта 1871 года, изъ національнаго собранія, осмѣлившагося

одобрить франкфуртскій договоръ, стало быть, уступку нѣмцамъ Эльзасъ-Лотарингін. „Я буду непримиримо возставать противъ этого преступнаго договора,—писалъ Тридонъ своимъ избирателямъ,—до того дня, когда революція или вашъ патріотизмъ не уничтожатъ его“. Во всемъ этомъ не было противорѣчія: какъ Вальянъ вышелъ изъ Бланки, такъ Бланки вышелъ изъ Бабефа и Великой революціи. Этой преемственностью для нихъ исчерпывалось и замыкалось развитіе политической мысли.

Для Вальяна, хотя онъ и принадлежалъ къ числу немногихъ французовъ, дѣйствительно знающихъ нѣмецкій языкъ и нѣмецкую литературу, Франція неизмѣнно оставалась мессіанистической страной, избранной освободительной націей, прикосновеніе которой только и пробуждаетъ другіе народы къ духовной жизни. Его социализмъ былъ глубоко патріотическимъ, какъ его патріотизмъ — освободительно-мессіанистическимъ. Нынѣшняя Франція съ ея задержаннымъ ростомъ народонаселенія и экономической отсталостью, съ ея консервативными формами мысли и жизни, все еще казалась ему въ сущности единственной страной движенія и прогресса.

Пройдя черезъ испытанія 1870—71 года, Вальянъ сталъ фанатическимъ противникомъ войны и въ борьбѣ съ ней предлагалъ самыя крайнія средства, какъ и его соратникъ на послѣднихъ международныхъ конгрессахъ, англичанинъ Кейръ-Гарди, на нѣсколько мѣсяцевъ раньше Вальяна сошедшій со сцены. Но когда война разразилась, вся европейская исторія, прошедшая и будущая, сосредоточилась передъ Вальяномъ въ вопросѣ о судьбѣ Франціи. Такъ какъ для него все побѣды мысли и все успѣхи справедливости непосредственно вытекали изъ Великой революціи, которая была

и осталась французской, то онъ не могъ не связывать въ концѣ-концовъ своихъ идей съ кровью расы. Дѣло шло о спасеніи народа-богоносца,—для этой цѣли Вальянъ готовъ былъ привести въ движеніе всѣ силы. Вальянъ сталъ писать статьи въ стилѣ „отечества въ опасности“ Бланки. Онъ благословилъ мечъ милитаризма, противъ котораго такъ жестоко боролся въ мирное время, — подъ тѣмъ условіемъ, чтобы этотъ упаслѣдованный отъ Великой революціи мечъ сокрушилъ германскую монархію и германскій милитаризмъ. Вальянъ былъ самымъ крайнимъ сторонникомъ войны *jusq'au bout* (до конца). Передовыя статьи, которыя онъ ежедневно писалъ въ началѣ войны, дышали такой напряженностью національнаго чувства или, чтобы быть точнѣе, такимъ шовинизмомъ, что болѣе посредственные націоналисты, типа нынѣшняго лидера партіи Реноделя, не безъ основанія чувствовали себя смущенными. Въ 75-лѣтней годовщину бланкиста пробудилась старая механически революціонная концепція. Нѣмецкій милитаризмъ выступалъ подъ его перомъ не какъ продуктъ германскихъ соціальныхъ условій, а какъ вѣщная чудовищная надстройка, которую можно сокрушить ударомъ республиканскаго меча извѣдѣ. Вальянъ окончательно разочаровался въ нѣмецкой „расѣ“. И когда въ Штутгартѣ поднялась оппозиція противъ милитаризма и официальнаго партійнаго курса, онъ сталъ искать на югѣ Германіи примѣсей галльской крови, чтобы объяснить мужество вюртембергскихъ социалистовъ...

Ренодель, Комперъ-Морель, Лонгэ и другіе уравнишенные парламентаріи съ безпокойствомъ глядѣли на стараго бланкиста, на Донъ-Кихота революціоннаго мессіанизма Франціи, который какъ бы совершенно не замѣчалъ сквозь свои пензмѣнные темныя очки глубокой перемѣны въ историческихъ условіяхъ. Черезъ цѣ-

сколько мѣсяцевъ Вальянъ совершенно отстранился отъ газеты. Руководство ею перешло въ руки Пьера Реноделя, состоявшаго вульгаризаторомъ при Жоресѣ и унаслѣдовавшаго всѣ слабыя черты своего гениальнаго учителя...

Я встрѣтилъ Вальяна нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Комитетѣ Дѣйствія („военномъ“ учрежденіи, состоящемъ наполовину изъ делегатовъ партій, наполовину изъ представителей синдикатовъ). Вальянъ походилъ на свою тѣнь,—тѣнь бланкизма съ традиціями санкюлотскихъ войнъ въ эпоху міровой импералистической бойни. Онъ дожилъ до того момента, когда мечъ республики, который предназначался для сокрушенія гогенцоллернсконъ монархіи, оказался врученнымъ роялисту-католику Кастельно. На этой главѣ политической исторіи Франціи и всей войны старый бланкистъ умеръ, наложивъ, такимъ образомъ и на свою смерть черту политическаго стиля.

Во Франціи и прежде всего во французскомъ социализмѣ стало меньше однимъ крупнымъ человѣкомъ. Посредственности эпохи междуцарствія станутъ казаться себѣ—увы, и другимъ!—еще значительнѣе. Но не навсегда и даже не надолго. Старая эпоха сходится со сцены вмѣстѣ со своими людьми, новая эпоха найдетъ новыхъ людей.

Парижъ, 22 декабря 1915 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Предисловіе	5
Политическій мораторіумъ	7
Сербскіе террористы и французскіе „освободители“. Въясненія настроенія въ первые дни войны	12
Настроения въ австрійской социаль демократіи. — Викторъ Адлеръ. Отъездъ въ Цюрихъ	17
Швейцарская социаль-демократія. — Грютли. — Эйнирахтъ. — Фрицъ Платтенъ. — Нѣмецкая брошюра „Война и интернаціональ“. — Соціалистическая приписка къ штабу	21
Поездъ во Францію. — Парижъ. Виліани. — Жофрѣ. Бриавъ. — Клемансо	26
Леопъ Додэ, Шарль Моррасъ, Мигуэль Альмерейда	31
Парвусъ	44
Р. Гриммъ и О. Моргаріи	47
Моргари объ Италіи	53
Х. Раковский и В. Коларовъ	60
Сытинскій „малый“ о Раковскомъ	65
Къ аресту Х. Раковского	68
Гаазе—Эбертъ—Давидъ!	70
Бъ Циммервальдѣ	73
Ледебуръ, Го[фманъ]	78
Каутскій, Вершттейнъ, Гаазе	83
Со славянскимъ акцентомъ и улыбкой на славянскихъ губахъ. Потресовъ	90
Оставьте насъ въ покоѣ	95
Хвостовъ!	103
Хвостовъ, Кофафовъ и другіе	104
Привѣтъ Ф. Мерингу и Р. Люксембургъ!	110
Хеглуудъ и Либкнехтъ	116
Либкнехтъ осужденъ	118
Аккамерей—не Либкнехтъ	121
Жанъ Жорсѣ	122
Отходитъ эпоха	127
	142

Книгоиздательство „КОМУНИСТЪ“.

МОСКВА

ПЕТРОГРАДЪ

Р. Сапожника, 1-й, телефонный пер. 1
Тел. 3-100, 4-77 и др.

Тверской пер. н. № 3, см. 9 и 10
Тел. 2-27 42.

- Деминъ. Въ исторіи сов. демократ. аграрной программы.
Аграрная программа сов. демократ. въ 1-й разѣ и дополненіи.
Новыя задачи, законъ развѣнія капитализма (Григоръ Д.).
Союзъ рабочихъ и крестьянъ. Ц. 75 к.
Д. Макаровъ. Соціализмъ и религія (разсказы).
А. Селадновъ. Интернационализмъ и рабочій классъ. Ц. 2 р. 40 к.
Религія, духовныя блага, его доходы и расходы. Ц. 2 р. 50 к.
Сов. рабоч. кооперативъ къ рабоч. управленію. Ц. 2 р. 60 к.
Письмо П. М. Мартья. Ц. 80 к.
Пролетаріежескій. О крестьянскихъ кооперативахъ. Ц. 60 к.
Американск. и коммунизмъ. Ц. 2 р. 25 к.
Росси. Крестьянское движение въ Сибирѣ. Ц. 4 р.
Александровъ. Гос. диктатура, бюрократизмъ и абсолютизмъ (разсказы).
Критика. Къ вопросу о религіи. Ц. 1 р.
В. М. Бончъ-Бруевичъ. Скетомъ, разсказы для составл. сою. школъ. Ц. 2 р.
В. М. Бончъ-Бруевичъ. Духовенство въ капиталистич. арміяхъ. Ц. 9 р.
Къ исторіи рабочаго духоборчества. Ц. 8 р.
Григоръ Д. Разсказы. Ц. 8 р.
Система сектантства. Ц. 6 р.
Нашъ миръ сектантовъ. Ц. 6 р.
Вопросы религіознаго исповѣданія (разсказы).
Каженовъ. Библиогрария, указатель загранич. сою.-дем. литературы (изд.).
Вопросы изъ жизни. Ц. 2 р.
Колотилкинъ. Общественно и политическое 2 тома (печат.).
Смѣлыя и коммунистическія гос. даренія. Ц. 40 к.
Религіозныя въ гос. администраціи. Ц. 60 к.
Работничество. Ц. 80 к.
М. Гельдъ и П. Бифортъ. Пролетаріатъ, рабочая партия, ее политич. и экономич. задачи.
В. К. Чернышевъ. Указатель коммунист. литературы. Ц. 7 р. 40 к.
Политич. французской революціи. Ц. 90 к.
Энциклопед. Въ политич. экономіи флота и флота.
Александръ. Жизнь и творчество. Ц. 2 р. 75 к.
Вопросы. На политич. экономіи (печат.).
Самодельскій. Нашъ пролетаріатъ (печат.).
Нашъ старинный коммунизмъ. (Сборн. статей (печат.).
„Пролетаріатъ“. Сборн. статей (печат.).
Толстоплитъ. Политическое коммунизма въ классъ (печат.).
Самодельскій. Политическое коммунизма въ классъ (печат.).
М. Горькій. Мать (романъ).
Махонъ. Мать и др. романы (печат.).
Серафимовичъ. Политическое и др. романы. Ц. 10 р.
Нашъ старинный коммунизмъ. Ц. 10 р.
Нашъ старинный коммунизмъ. Ц. 10 р.
Коммунистическая партия и политич. движение (печат.).

БИБЛИОТЕКА НАУКИ И КОММУНИЗМА

МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО

И. Сербия, ул. Милана Ракича, 1
А. З. Тел. 1-15-16, 1-10-1

Тираж 10 000 экз. 4-й изд. 1954 г.
Тел. 1-15-16

Всё, что написано в этой книге, является результатом многолетних исследований и является ценным вкладом в науку и коммунизм.

СДЕЛАТЬ ПОДЪЕМЫ ИЛИ МОДЕЛИРОВАНИЕ

И. СТЕПАНОВА,

при участии: И. Бутарина, И. Давыд, С. Емельянов, Ю. И. Иванова,
И. Давыд, А. Давыд, И. Давыд, И. Давыд, В. Давыд,
И. Давыд, В. Давыд, И. Давыд, А. Давыд,
Ю. Давыд и др.

И. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС. Сочинения, том VI.

Всё, что написано в этой книге, является результатом многолетних исследований и является ценным вкладом в науку и коммунизм. В этой книге описаны различные виды деятельности, которые являются основой для развития общества. В книге описаны различные виды деятельности, которые являются основой для развития общества. В книге описаны различные виды деятельности, которые являются основой для развития общества.

В настоящее время наблюдается и продолжается процесс

Том I. Ф. Маркс и К. Маркс. Сочинения, том VI.
Том II. Ф. Маркс и К. Маркс. Сочинения, том VI.

Том III. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, том VI.
Том IV. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, том VI.
Том V. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, том VI.
Том VI. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, том VI.

Том VII. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, том VI.
Том VIII. Ф. Энгельс. Сочинения, том VI.

Том IX. Ф. Энгельс. Сочинения, том VI.

Принятые меры для ускорения процесса

Выпуск и поступление в продажу книги «Сочинения» Ф. Энгельса, том VI, является важным событием для всех, кто интересуется наукой и коммунизмом. Книга является важным вкладом в науку и коммунизм.

— 1 —

ИЗДАТЕЛЬСТВО

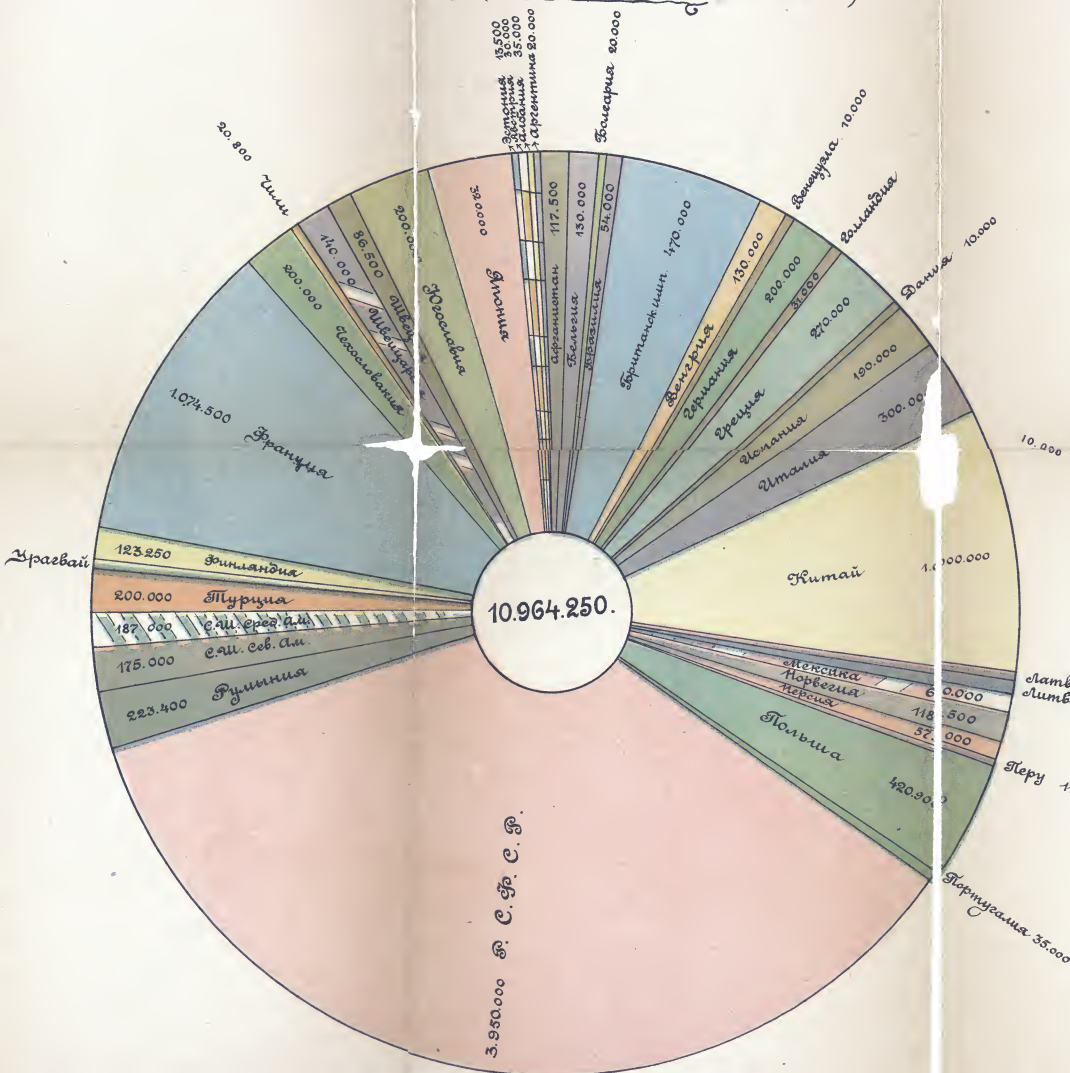

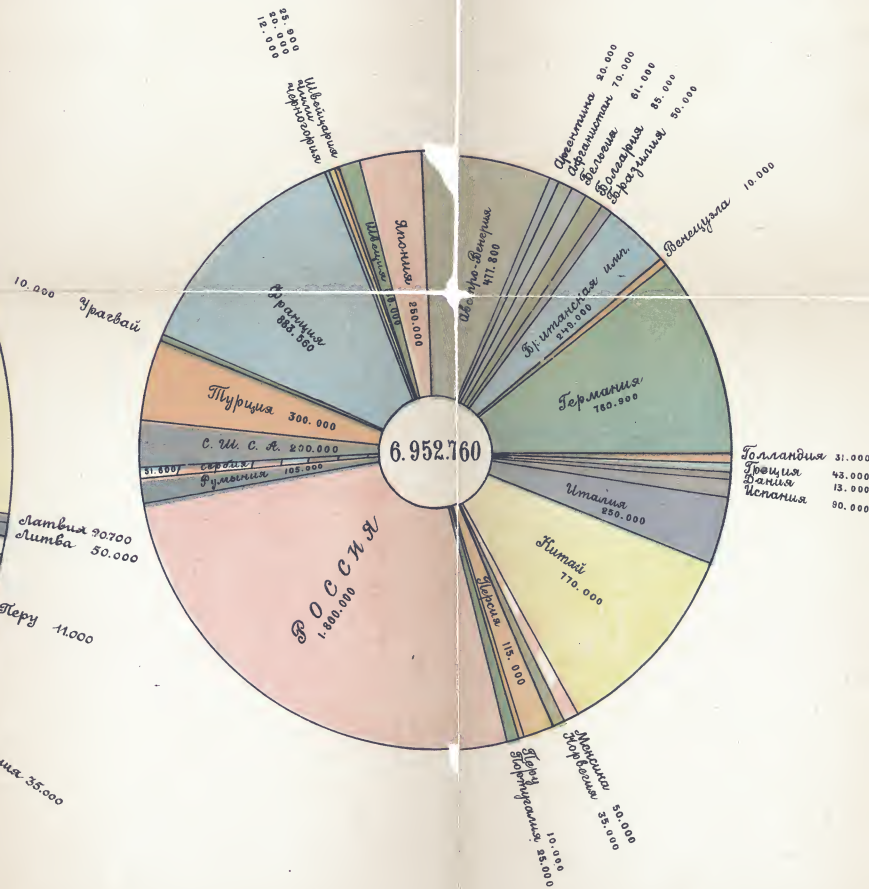
Милитаризм

Армии мирного времени иностранных государств
и России к началу 1914 г. и в настоящее время.

В настоящее время (к 15 янв. 1921 г.)

К 1му января 1914 г.

СХЕМА ПРОМЫСЛОВЫХ ЦИКЛОВ.

ПЫХ ЦИКЛОВ.

3 1796 1801 1810 1818 1825 1836 1847

1866 1873 1882 1890 1894 1900 1907 1913 1920 1930

ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ТОРГОВЫЕ
ОБОРОТЫ (по официальным данным)

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ
(на человека)

МИРОВОЕ ЖЕЛЕЗОЕ ПРОИЗВОДСТВО
(на человека)

